

№ 4

2010

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **Ю. Д. ПОМИНОВ**
(г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ**
(г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА**
(г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ**
(г. Петропавловск).

В номере:

Проза

- Л. Костевич.** Все совпадения случайны. *Роман о лицах*
(окончание) **3**
- В. Колин.** Пять рассказов (Письмо; Найда; Маета;
Дождь идёт; «Я люблю тебя, дурочка!») **51**

Поэзия

- Л. Мартынова.** «Ждите ответа...». *Этюды, стихи* **43**
- В. Колин.** «На город выпала зима...». *Стихи* **67**
- У. Апрельская.** «Вечной любви торжество...». *Стихи* **95**

Документальная проза

- Ю. Поминов.** Хроника смутного времени.
Записки редактора. Книга вторая (продолжение) **74**

© «Нива», 2010, Астана

К 65-летию Великой Победы

С. Жагипаров. За вечный мир в последний бой 99

Публицистика

М. Гольдберг. Жизнь, отданная хлебу 105

Наш общий дом

В. Киянский. Нет кроны без корней 116

Культура. Общество. Личность

Р. Артемьева. Рыцарь её Величества Литературы 137

Критика и литературоведение

А. Какен. Познать язык — поднять державу 145

Л. Харитонова. Не забыть нам этих глаз 150

Искусство

Д. Бекова. Человек на фоне мироздания 152

На житейских перекрёстках

Д. Джумагельдинова. Мусульманка;

Капитан дальнего плавания 154

Приключения. Детектив. Фантастика

Н. Шмигалёв. Не от мира сего.

Повесть-пародия (продолжение) 168

***Изоальбом «Нивы»:** из работ Мажита Байтенова.*

Леон КОСТЕВИЧ

Все совпадения случайны

Роман о лицах

(Окончание. Начало в № № 1-3 за 2010 год)

На лету схватив плюсы сделанного ему предложения, Теналья в свой первый московский вечер долго не ложился спать. Пяля в телевизор глаза и ни слова не понимая, он тасовал в памяти эпизоды недавнего разговора. Придуманно — не подкопаешься. И по пять миллионов на брата — сумма отменная. Но если выпадает такой шанс, почему нельзя взять больше? Эта страшенькая немка, Берта, может написать в заявке сколько захочет. Да, Евгений предупреждал — могут возникнуть подозрения. Но если службу безопасности не насторожат тридцать пять миллионов, то наверняка там также спокойно посмотрят и на сорок пять. И разницу не обязательно делить на всех — раскидать только между ним и немкой. Выключив мешающий сосредоточиться телевизор, Теналья заходил по ковру.

Ещё ни одна баба не устояла перед ним. Тем более такая дурнушка, бледная поганка. Он сразу заметил, как поглядывает на него Берта тайком от русского. Кстати, а почему тайком? Вдруг между ними что-то есть, и она не захочет изменять? Ничего, Джованни умеет обращаться со слабым полом.

Впервые в жизни у итальянца появился повод порадоваться, что когда в колледже его соученики ломились учить английский, он назвал всем выбрал немецкий. Отец говорил потом матери и сёстрам: "Посмотрите на этого дурачка! Ты дурачок, Джанни, весь мир говорит по-английски!". Но он не уступил. И теперь выясняется, Джованни совсем не дурачок. Сумев уломать немку, он не только разделается с шантажирующими его братьями той малолетней сучки, но и, завязав с бухгалтерством, сможет открыть собственное дело.

Завтра они увидятся все вчетвером. Русский сказал, нужно больше времени проводить вместе, чтобы привыкнуть друг к другу. Там он и возьмётся за немку. Главное, сам организатор, занимаясь китайцем, не сможет ему помешать. Остальное вопрос умения и времени. Правда, времени-то у него как раз будет впритык.

Услышав, что его идент появится только на следующий день, добродушный улыбчивый увалень Ланьфан Чен очень старался скрыть от Табашникова разочарование. Женя решил любой ценой компенсировать ему негативные эмоции, но больших усилий не потребовалось: Ланьфан обалдел от Москвы. Коллекционируя у себя дома открытки с видами российской столицы, китаец воспринимал город как гляцевую репродукцию. Назубок зная исторические улицы, знаменитые здания и памятники, он по-детски радовался узнаванию. Не в силах сдержаться, выстреливал: "Кремль! Сандуновские бани! Театр на Таганке!". Увидев часы на фронто-не кукольного театра, попросил остановить машину.

Провожая глазами озабоченно несущихся по тротуарам москвичей, Чен вздохнул:

— Эти люди не знают, какие они счастливые. Если бы я жил в Москве, я бы считал, что мне повезло.

— А я бы жить здесь не хотел. — Табашников посторонился, пропуская постукивающего перед собой палочкой слепого. Слепой держал голову так, будто боялся расплескать кисель, который нёс в глазах.

На лице Ланьфана обозначилось изумление:

— А так может быть? Почему?

— Садитесь, поехали дальше. Мне не хватает здесь уверенности в завтрашнем дне и чувства гармонии с окружающим, как ни высокопарно это звучит. Я хотел бы жить в более обустроенной стране.

— Разве можно сравнивать! Мы не такие, как они: и вы, русские, и мы, китайцы. Мы чище. И лично мне не нравится, когда наши китайки надевают мини-юбки или пренебрегают мнением старших. Это влияние Запада.

— Но оставаясь девственными, люди будут оставаться и более отсталыми. В развитых странах давно гремели бы революции, если бы их правительства позволяли себе в отношении своих народов то, что делают власти Китая и России. Вы посмотрите, ведь мы, русские, никогда нормально не жили. Я говорю про народ в целом. До революции — грязь и безграмотность, после — репрессии, цензура и тотальный дефицит. В Великой Отечественной, где мы победили, хуже русских было только евреям.

— Но советской власти давно нет, — возразил Чен.

— А что это дало? На смену тотальному дефициту и цензуре пришли не менее тотальное узаконенное воровство и обман. Я помню, как люди, имевшие сбережения, которых хватило бы на два автомобиля, однажды проснулись нищими. И никто не ответил за это. Мы не умеем потребовать, поэтому с нами можно поступать как угодно. В этой стране было целое поколение, не видевшее нормальной жизни. Я знал человека, который родился в тысяча девятьсот семнадцатом и умер в восемьдесят пятом.

— Но у вас-то, я смотрю, автомобиль не из дешёвых, а?

— Но мне бывает стыдно смотреть в глаза тем, у кого такого нет.

— Женья, всё образуется. В последние годы у вас в стране появилось руководство, которое наведёт порядок.

— И сколько на это понадобится лет? Остаток моей жизни уж точно. А я не хочу ждать.

Впереди образовалась пробка. У обочины под запрещающим знаком стоял большой джип, пульсирующий “аварийкой”. Объезжающие джип водители не упускали случая в непарламентских выражениях высказать его владельцу своё мнение о нём самом и его автомобиле.

— Обратите внимание, Ланьфан, — призвал Табашников, — в Бельгии или в Австрии такого бы не было: этого бедолагу не обругали бы, а предложили помощь.

— Вы так думаете?

— Европейцы по умолчанию знают: они все читали одни и те же книги и получали одинаковое воспитание — хорошее воспитание, Ланьфан! Их всех учили по-доброму относиться друг к другу. Поэтому люди там понимают — если человек встал посреди дороги, то несомненно по независящим от него причинам. А в нашем обществе множество слоёв и прослоек, существующих в самых разных системах координат. Общих ориентиров давно нет. И если в России кто-то остановился на проезжей части, то не известно — то ли он действительно сломался, то ли только вчера купил права, а то ли жене этого придурка просто понадобилось вон в тот магазин, но он не нашёл рядом места для парковки.

Ланьфан задумался, переваривая услышанное.

Прикидывая, когда лучше начать главный разговор, замолчал и Табашников. Основываясь на своём знании людей, он считал, лучше дать китайцу освоиться до следующего дня. Но деньги повезут послезавтра. И если завтра Чен заартачится, времени его убедить не останется.

— О! — вскричал помощник менеджера предприятия по пошиву спортивной обуви, — Патриаршие пруды! Мы можем остановиться?

Они пошли по аллее. Собираясь с духом, Жёня долго вглядывался в бледное мартовское небо.

Увидев памятник Крылову и героям его басен, Чен пришёл в исступление. Поглаживая фигурки руками, попросил сфотографировать себя на фоне сценки из “Стрекозы и Муравья” — оказывается, в школе он учил эту назидательную историю в китайском переводе.

Они с Табашниковым успели сделать несколько неторопливых кругов вокруг водоёма прежде, чем сценарист решился. “Помните, — приступил он, — ваш идент писал вам, что если вы приедете в Москву, вам, вероятно, никогда не придётся больше работать?”.

Жёня старался говорить буднично, словно речь шла не об ограблении банка. Чен сосредоточенно слушал. Но когда сценарист закончил, затряс головой:

— Нет! У вас ничего не получится! Всех найдут! Это расстрел!

— Успокойтесь, Ланьфан, — растерялся журналист. — Никого не найдут. Как искать, если не знаешь, кого?

Китаец продолжал катать истерику:

— Вы обманули меня! Я считал, мне пишет бизнесмен, серьёзный человек. Я всё бросил, у меня будут сложности на работе!

На двух спорящих по-английски людей стали оглядываться. Взяв Чена за рукав, Табашников отвёл его в сторону. Он замолчал, чтобы какой новой репликой не расстраивать гостя ещё сильнее. Но дождавшись, когда Чен выговорится, пошёл в наступление:

— Как вам не стыдно так кричать. Если вы внимательно слушали, то понимаете, — риск минимальный. И за него вы получите пять миллионов, вот о чём думайте. Вам не только никогда не придётся больше работать — вы с женой сможете переехать в свою любимую Москву и нарожать тут хоть целый детский сад. Я предлагаю вам новую жизнь.

— Давайте рассуждать здраво, — успокоился китаец. — Даже если риск небольшой, он всё равно есть. Конечно, сейчас я тружусь на фабрике и получаю не так много. Но вечером я возвращаюсь к своей семье, обнимаю жену, целую в тёплые щёки детей. Ничего этого не будет, если меня посадят. Я не хочу менять свою нынешнюю жизнь на химеры.

Табашников снова задумался. Чен говорил уверенно. А он — последняя ступень, нижняя карта шаткого карточного домика. Если китаец не согласится, развалится всё. И сценарист пошёл ва-банк:

— Хорошо. Я скажу вам то, чего не говорил ни одному из идентков. Но дайте слово, что будете молчать.

— Обещаю.

— Ланьфан, никакого риска здесь нет вообще. Скажите, вы любите шоу “Лицевой счёт”? Я не знаю, как называется китайская версия.

— Очень люблю, — изменился в лице Чен. — Весь Китай любит. Наш ведущий — самый популярный человек в стране. У меня есть спутниковая

антенна, мы часто смотрим, как делают в Америке. И ваш, российский вариант тоже. В России отлично снимают — интересно даже без перевода.

— Так вот, я — сценарист этой программы. Не верите? — Табашников достал удостоверение “Лиры-ТВ”: — Смотрите. Если в банке вас задержат, я скажу, что это был мой личный проект для шоу. Ведь такого никто ещё не делал, правда, Ланьфан?

Глядя с сомнением, китаец не спешил давать ответ.

— Едем, — позвал Табашников.

Усадив Чена в машину, он взял курс на “Останкино”. Огни фонарей, отражающиеся в мокром асфальте по бокам шоссе, делали дорогу похожей на взлётную полосу.

Показав пропуск, Женья за руку протащил Ланьфана через проходную. Вёл его по коридорам, демонстративно здороваясь со всеми попадавшимися навстречу знакомыми. Показал студию “Лицевого счёта”. Нарочито панибратски хлопнул по плечу встреченного на обратном пути Тихонова:

— Вот, Игорь, это наш китайский товарищ, поклонник российского реалити. По-русски не понимает.

— Хау ду ю ду, — простецки протянул Ланьфану руку ведущий программы. Пусть все знают, какой доступный и незаносчивый человек телезвезда первой величины Игорь Тихонов.

— Ну что? — спросил Табашников, когда они с китайцем вышли на улицу.

— Хорошо. Только мне бы хотелось гарантий.

Женья сильно потёр пальцами виски:

— Какие тут могут быть гарантии, Ланьфан? Мы ведь банк собираемся грабить, а не Эверест покорять. Одно могу сказать точно — если начнутся неприятности, я вас не брошу. Но они не начнутся.

Сценарист говорил искренне: в случае чего ему волей-неволей придётся их прикрывать, иначе они его утопят.

Но убеждая в благополучном финале других, он давно поверил в него и сам. С тех пор как из-за гастрита врач запретил ему нервничать, Женья стал учить себя тому, чем многие владеют от рождения — упрощать самые патовые ситуации. Сейчас он видел перспективу так: ну, придут иденты в банк, ну, сядут в машину, ну, выедут с деньгами за ворота. Ведь делают это каждый день инкассаторы, сделают и их двойники.

— Всё произойдёт седьмого марта в первой половине дня, — напомнил Женья китайцу, — а ночным рейсом вы вылетаете к себе в Гуанчжоу. Вот билет.

— Я хочу успеть съездить в “Детский мир”, купить детям игрушек. Наверное, это лучше сделать завтра?

— Зачем? Всё равно сейчас все игрушки китайские.

В машине Ланьфан задал сценаристу давно волновавший его вопрос:

— А у вас есть дети, Женья?

— Уже нет, — безучастно ответил Табашников.

Разместив Ланьфана на ночлег, Табашников поехал к арабу, прихватив по пути Рэйнуотера. Американцу пришлось переводить всего одну фразу:

— Китаец согласился. Каким будет ваш ответ?

— Иншалла **(На всё воля Аллаха (арабск.))**, — склонил голову Абу Шакур.

Женья облегчённо вздохнул:

— Поезжайте спать, Томас.

Самому Табашникову этим вечером предстояло ещё одно важное дело.

Утром того дня, когда Женя лелеял китайца, Теналья позвонил Берте.

Накануне журналист раздал всем новенькие мобильники, в память которых записал номера лишь тех, с кем владелец телефона мог общаться в силу владения языком. У Берты были номера Табашникова и Тенальи, у Тенальи — только номер Берты, у Абдураззака — только Рэйнуотера, у Рэйнуотера — Табашникова и Абдураззака. Позднее к ним добавился номер Чена. Сам сценарист для общения с двойниками тоже купил себе “чистый” сотовый. По окончании операции все трубки он собирался уничтожить.

Звонок итальянца застал Берту перебирающей платья в шкафу. Табашников посоветовал идентам провести день вместе, чтобы они, хоть немного притёршись друг к другу, не выглядели в банке чужими.

— Мне очень одиноко здесь, — пожаловался Джованни, — словом перекинуться не с кем.

— Скоро мы встречаемся, и вам не будет так грустно, — утешила его Нойманн.

— Хотите, я заеду за вами, и к месту общего сбора мы поедем вдвоём? Я плохо ориентируюсь даже у себя в Милане, не говоря о незнакомых местах.

— Как же тогда вы доберётесь ко мне?

— Вы назовёте мне адрес, и я возьму такси.

— В таком случае что вам мешает приехать на такси туда, где встречаются все?

— Сдаюсь, — заразительно расхохотался Джованни. — Просто вы очень понравились мне, Берта, и я хотел бы увидеть вас раньше, чем остальных.

— Как вам угодно, — смешалась немка. — А то ещё правда заедете куда-нибудь не туда. Пишите адрес.

Тон Берты был бесстрастным, но умеющий слушать женщин Теналья понял, Нойманн ему обрадуется. Хотя и не знал, до какой степени ещё в аэропорту взбудоражил её воображение.

Прежде чем брать такси, бухгалтер купил бутылку вина и коробку конфет.

— Угостить вас чаем? — пролепетала Берта, увидев в руках визитёра гостинцы.

Поставив покупки, Джованни больно поцеловал её в губы. Он решил не цацкаться. Грубо прижав немку к себе, по-хозяйски прошёлся руками по её спине и бёдрам, нашёл “молнию” нарядного платья. Она не хотела сопротивляться. Без усилия подняв Берту на руки, итальянец отнёс её на кровать. Брал долго и жадно. Выгибаясь, она своим шёлковым, ленивым языком облизывала его пальцы, когда он пытался подавить её крики — Теналье был неприятен высокий голос партнёрши.

Никогда за всю жизнь не встречая такого любовника, теперь она хотела ему соответствовать, быть соблазнительной, темпераментной, забыть о болезни. Нойманн поняла, на что станет тратить деньги в отпущенный ей короткий срок — позволит себе то, в чём всегда отказывала в силу воспитания, условностей и приличий. Отдаваясь итальянцу, она, конечно, не упаковывала своих чувств в такие громоздкие формы: в её сознании они были спрессованы в одно компактное понятие — страсть.

А Женя... Бесспорно, он ей нравится, но как человек, как понимающая, жалеющая душа. Итальянца она хотела.

На общую встречу они приехали с опозданием. Вчетвером гуляли по городу. За неимением общего переводчика, полноценного общения не получалось: Рэйнуотер болтал с Абдураззаком, Теналья с Бертой. Желая узнать что-нибудь у прохожих, американец и араб знаками объясняли своё хотенье Берте, а та на ломаном русском обращалась к москвичам.

Со стороны они производили хорошее впечатление: впереди с умным лицом и седым ёжиком на голове шагал Томас, чуть сбоку — похожий на добродушного сказочного халифа абу Шакур, за ними — энергично жестикующий Теналья с внешностью гольдониевского плута, а рядом — покорно державшая его под руку Берта в аккуратной шляпке. После полудня в воздухе заискрился снежок, и она, смешно подпрыгивая, смахивала слетавшиеся на его шевелюру снежинки.

Когда немка, ответив на переливы мобильного, заговорила по-русски, Теналья изобразил ревнивый взгляд. Звонил Табашников. Не успевая обработать китайца, он извинялся, что не сможет с ней увидеться. “Не проблема”, — заверила Нойманн, и сценарист не уловил в её голосе сожаления.

— Можно я провожу тебя? — попросил Джованни, когда все четверо стали прощаться. Вместо ответа Берта незаметно для остальных локтем, под который он её держал, прижала его руку к себе.

Оставшись ночевать у Нойманн, Теналья, лёжа в постели, выложил свою идею насчёт увеличения суммы.

— Нет-нет, — Берта приподнялась на локте. — Женья прав — у нас будут проблемы.

— Подумай сама: тридцать пять миллионов или сорок пять, какая разница?

Уговаривая немку, Теналья понимал — рисковать придётся не ему.

— Прощу тебя, — клянчил он, — мы поделим деньги только с тобой, и уедем вместе.

— Прости, Джованни, но я этого не сделаю.

Бухгалтер потянулся:

— Знаешь, я плохо сплю в незнакомых местах. Ты не могла бы вызвать мне такси?

— Такси? Я не знаю телефон...

— Ничего, найду машину на улице.

Он положил руку ей на живот, и она снова почувствовала желание:

— Ты не боишься ехать ночью один? Москва — опасный город.

Теналья сел на кровати:

— Плевать. Я смелый парень.

— Подожди, Джованни. — Встав на колени, Берта поцеловала ему спину. — Я впишу сорок пять миллионов. Но если я сделаю, как ты хочешь, ты обещаешь, что не бросишь меня?

— Как ты могла подумать? Ты же видишь, как мне хорошо с тобой. — Скабрёзно улыбнувшись, итальянец провёл ладонью по её телу: — От такого не отказываются...

Поздно ночью, когда Теналья уговаривал Берту, Табашников приехал к Пашке.

— Мамка дома, — шёпотом извинился Бузлаев, — внизу, этот, подожди меня.

— Павлик, кто там? — раздался из комнаты не совсем трезвый голос тёти Люды.

— Ко мне это! — рявкнул Пашка. — Пупсика не пускай сюда.

Выйдя из башни, они пошли мимо знакомых с детства домов, огибая заполненные грязной, подмерзающей к ночи водой рытвины в асфальте. Увидев вдалеке свою “Ауди”, Женья полез в карман за ключом:

— Деньги вы везёте послезавтра. Значит, завтра вечером нам надо нейтрализовать всех ваших. Ремешок пристегни.

Занервничав, Пашка не сразу попал блестящей железякой ремня безопасности в защёлку.

— Раскадровка такая. Ты пригласишь дядю Нолика, Никишина, Дмитрия Сергеича и Юру отмечать свой день рождения. Кстати, с наступающим тебя.

— Спасибо. Куда их, этот, вести-то? Домой, в кабак?

Табашников назвал ресторан.

— Паяльные яйца! Ты знаешь, какие там, этот, цены? Кто оплатит-то?

— У тебя через два дня пять миллионов будет, а ты торгуешься.

— Да у меня сейчас вошь на аркане.

— Деньги я дам. Можешь не возвращать. Слушай дальше. Дядя Нолик поддаст и уйдёт в запой, а значит на работе не появится. С ним легче всего.

— Арнольд может отказаться пить — знает же, чем это кончается.

— День рождения — дело святое. Ты должен уговорить. Но пока он не накачался, сразу успокой его: мол, на работе прикроем. Чтобы он это запомнил и утром не стал Туманишвили вашему звонить.

— Да ты что! Он Туманишвили, этот, как огня боится. Пьяный никогда ему не звонит, обычно нас просит — типа, скажите, заболел и всё такое.

— Ключ от “Мерседеса” Дмитрия Сергеича достал?

— Ну. Чуть не попался.

— Покажи. Молодец. Ночью отгонишь подальше. Он пьяный спать будет, не услышит. А с утра искать бросится, как раз полдня по ментам пробегает.

— А ты не подумал, что он сначала, этот, на работу позвонит предупредить?

— Подумал. Поэтому ты утром, до того, как он обнаружит пропажу, ему сам позвонишь, скажешь: ты что, продал машину, что ли? Иду на работу мимо тебя, смотрю — нет “мерса” твоего. И добавишь — ищи спокойно, я на работе предупрежу. Теперь бабник этот ваш, Миша Никишин. Я для него проститутку нашёл, так что ты не удивляйся, когда самая красивая женщина в ресторане ему глазки строить начнёт.

— И чё это даст?

— Не “чё”, а “что”! Не разговаривай со мной так, как будто ты из нас двоих самый умный. Она повезёт его пьяного к себе и всю ночь не тронет, пусть спит. А с утра до обеда будет показывать ему небо в алмазах. Я такую шлюху подобрал, что он предпочтёт на работе потом за прогул отдуваться, чем от неё по доброй воле уйти.

— А он просто по телефону позвонит и предупредит.

— А вот это будет её главная задача. Сотку его выбросит — скажет, по пьянке потерял, городской телефон вырубил — отключен за неуплату, дверь на замок — мама ушла, заперла, и запасного ключа нет. Я ей за это тройной гонорар плачу. Теперь — новенький ваш, Юра. Я тебе дам склянку, ближе к концу нальёшь ему в водку или что вы там пить будете.

— Клофелин, что ли? — вздрогнул Пашка.

— Лучше.

Много лет назад молодой журналист Табашников писал в криминальной хронике об одной интересной медсестричке. Когда в начале девяностых

зарплаты человека в белом халате хватало на два “Сникерса” и блок “Мальборо”, ушлая деваха стала осваивать профессию, про которую ещё совсем недавно советский человек мог узнать только из новелл Мопассана да на закрытом показе в Доме кино. Удовлетворив низменные инстинкты богатого клиента, она подливала ему в спиртное зелье собственного изобретения и очищала карманы. От прозаического клофелина её снадобье отличалось тем, что принявший его засыпал естественным путём, дрых весь следующий день — семью трубами Апокалипсиса не разбудишь, а просыпался с совершенно светлой головой. Но событий разгульного вечера не помнил. Главный редактор по понятным причинам вычеркнул тогда из опуса начинающего борзописца рецептуру эликсира, но она на годы балластом осела в голове Табашникова. То есть, он думал, что балластом.

— Слушай! — смекнул Пашка, — а чё мы паримся?! Давай я им всем этой фигни твоей набодяжу.

— Я думал уже. Когда следствие начнёт копать, выяснится, что у них в крови следы этой дряни есть, а у тебя нет.

— Так я потом тоже хлебну.

— Не бойся, сейчас у криминалистов такие возможности — они увидят, когда ты хлебнул, а когда они. Дальше поехали. Тебе надо как-то исхитриться, и в ресторане вытащить у всех служебные документы.

— Я только у дядь Нолика вытащу — он же, этот, водитель-инкассатор, ему без документов в бункер не дадут заехать. А в служебное помещение нас и так пропускают.

— Как это — и так пропускают? В банк — без документов?

— Вообще по инструкции у нас должны проверять, но там всегда, этот, одни и те же дежурят — Сафронов или Терминатор.

— Кличка такая?

— Ага. Постоянно со словариком в свою смену сидит. Английский учит. Но дальше “Айл би бэк” и “некст тайм” не продвигается.

— И что, совсем документы при входе не проверяют?

— Братка, они нас как облупленных знают. Представь, если бы ты на их месте сидел, ты бы, этот, у меня документы спрашивал? Тем более, мы же сами, типа, охрана: мы банк охраняем, а не от нас.

— Но вы же оружие получаете...

— Это — да, за оружие мы расписываемся. Я ж тебе образцы подписей приносил.

— Остаётся Юлия Карловна Примальских. В кабак она с тобой не пойдёт.

— Конечно! Кто она и кто я.

— Что же делать с Юлией Карловной? А? Прямо не знаю. Хоть убивай её.

— Эй-эй-эй! Ты даже не думай! Я тогда, этот, пас.

Табашников разозлился:

— Чего болтаешь! Мы что, убийцы? Идеальное преступление — весело и беззаботно. Мы её украдём. Я тебя просил узнать, где она живёт, во сколько на работу утром выходит — узнал?

— Ну.

— Что — ну?

— Живёт в Бибирево, поэтому на работу выходит затемно ещё.

— Что ж она — такую должность в банке занимает, и квартиру поближе купить не может?

— Там, вроде, родители больные, точно, этот, не знаю — так Ритка, секретутка её, говорит.

— В общем, смотри. Я беру в аренду “Фольксваген Транспортер”, уже договорился. Мы подгоняем его к её подъезду, оставляем с работающим мотором и открытыми дверями. Заходим в подъезд и ждём. Как она появляется, зажимаем ей нос тряпкой с хлороформом...

— Где хлороформ-то найдём?

— Нашёл уже.

— Ты прямо химик, братка.

— Станешь химиком... Не перебивай. Быстро кладём её в фургон и везём к тебе на дачу, в твой любимый благоустроенный подвал...

— И меня потом точно сажают.

— Она же будет связанная, свет включить не сможет, окон нет. Когда всё кончится, заедем за ней, ещё раз дадим нюхнуть, вывезем подальше и высадим. В себя придёт, тормознёт попутку. Кстати, и ваши с ней показания будут похожи.

— Может, что-нибудь другое для неё придумаем?

— Мы для неё не можем ничего другого придумать — нам магнитная карточка её нужна и документы, иначе как Берта пройдёт?

В кутерьме последних дней Женья не уловил изменившегося поведения Берты, а немка не афишировала своих взаимоотношений с Джованни. Первые признаки сценарист заметил, когда свозил всех под общую крышу. Забрав первым Теналью, а за ним Нойманн, он насторожился, наблюдая в зеркало заднего вида застенчивые улыбки Берты и липкие взгляды итальянца. Беспокойство усиливали неожиданно чувственные интонации брутального немецкого языка. Теналья говорил громко, Берта отвечала вполголоса. Бросив взгляд направо, Табашников в проёме между сиденьями заметил лежащую поверх хрупких пальчиков его возлюбленной лапу миланского бухгалтера, украшенную мутно поблёскивающими кольцами. “Зачем она старается говорить тише? — подумал Женья. — Я же всё равно ничего не понимаю. Ей стыдно предавать?”. Он убавил громкость магнитолы:

— Берта, переведи ему, пожалуйста: меня давно интересовал вопрос: итальянки — верные жёны?

— Джованни считает — как везде: бывают верные, бывают нет, — потупилась Берта. — Он интересуется, почему ты спросил?

— Говорят, они очень темпераментные.

Позже, улучив момент, сценарист сделал “контрольный выстрел”:

— Я ещё не отдал ключи от квартиры, где ты жила. Поедем? Хочу остаться с тобой вдвоём.

— В другой раз, — покраснела немка. — Я не в том настроении.

Он не настаивал. Женья решил не думать о Берте, пока они не совершат того, что задумали. Соперничество из-за женщины часто сводило на нет хорошие замыслы — в своём идеальном преступлении он такого не допустит.

Когда Табашников расквартировывал идентков на новом месте, позвонил Пашка. Шёпотом сообщил — они с инкассаторами уже в ресторане.

— Дядю Нолика еле уболтал... — пустился было в подробности Бузлаев.

— Потом всё расскажешь!

Поговорив с Пашкой, Женья объявил идентам:

— Я уеду ненадолго. Когда вернусь, обсудим детали по завтрашнему дню.

Взяв такси, чтобы не мелькать номерами своей “Ауди”, Табашников поехал за проституткой.

Он подбирал её, как подарок лучшему другу. Несколько дней мочалил газеты с объявлениями об эскорт-услугах. Устав мотаться на смотрины, остановил выбор на жрице любви по имени Арина. Это не была серийная симпатяга, обслуживающая за ночь до десятка клиентов. Красоту, которой обладала девушка, природа даёт так же редко, как внушающее ужас уродство. И судя по Ариным расценкам, она это понимала.

Чтобы путана отнеслась к делу серьёзно, он начал было напускать туману, выдавая себя за серьёзного человека, который в случае чего найдёт и на краю света. Но красавица сразу дала понять — пройдя к своим двадцати пяти годам Крым и Рим, она научилась ненавидеть насилие над личностью почти так же сильно, как Мартин Лютер Кинг, а потому умеет хранить тайны и делает свою работу с дотошностью первой отличницы.

— Сколько ты возьмёшь? — проявил деловой интерес Женья.

В ответ профессионалка назвала такую сумму, что у спрашивающего как топором должно было отрубить то желание, ради удовлетворения которого он и задавал свой вопрос.

— Я заплачу в три раза больше, — посулил сценарист, — но раньше трёх часов дня человек, которого я покажу, не должен никуда выходить и звонить.

— О'кей, мастер, — усмехнулась Арина.

Издали показав ей в ресторане цель, Женья сразу исчез.

Бузлаев должен был присоединиться к идентам как только закончит с инкассаторами. Стесняясь своего друга детства, до сих пор Табашников Пашку с двойниками не знакомил.

Когда сценарист вернулся к двойникам, Рэйнуотер, сцепив руки за спиной, барражировал по единственной комнате квартиры между окном и дверью. Абдураззак сгорбился в кресле, приковав взгляд к одному из цветов на шторе и иногда говоря что-то Томасу по-арабски. Не переставая шагать, американец отвечал таким бесцветным тоном, точно рассуждал сам с собой.

Чен сидел в кресле напротив араба. Застывшее лицо китайца казалось сшитым из той же кожи, что шла на кроссовки на его родном предприятии в Гуанчжоу.

Развалившийся рядом с Бертой на диване, итальянец что-то нервно втолковывал ей, сильно барабанив пальцами себе по коленке. Сейчас он не выглядел таким обаятельным, как обычно. Увидев Табашникова, немка инстинктивно отодвинулась. Обитатели комнаты напоминали мух с оторванными крылышками. Один из трёх рожков поломанной люстры давал мрачноватое освещение, которое в другое время сошло бы за уютное, но теперь Табашников почувствовал себя здесь как в шахте лифта.

Быстро оценив обстановку, он снова ушёл. Вернулся с бутылкой "Русского стандарта" и пакетом еды. Попросил немку нарезать бутербродов. Найдя в навесном шкафу на кухне разномастные рюмки, разлил водку.

Как сговорившись, Рэйнуотер с Тенальей метнули влагу в глотки, почти не касаясь стеклом губ. Араб выпил так, словно вливал в себя сжиженное до пятидесяти граммов время собственной жизни, прошедшее до принятого им вчера решения. Ланьфан принял содержимое рюмки как микстуру, способную избавить от горьких мыслей. Робко отказывающуюся от водки немку заставили пить в приказном порядке, и она вытянула жидкость кривясь, мелкими глотками.

Через три минуты все ожили. Томас перестал накручивать километры от окна до двери, поднявшийся из кресла абу Шакур разминал затёкшие

ноги. Чен ободряюще улыбнулся Берте. Немка, сидя на диване, болтала ногами в шлёпанцах. Итальянец громко зевал.

Женя снова налил. Выпив по второй, двойники сгрудились вокруг журнального столика с закусками. Свет люстры стал казаться приятным. Говоря возбуждённо, каждый просил перевести его слова для всех. Снова став милым, Теналья приглашал новых друзей в Милан. Рассказывал Берте, в каких магазинах можно с неестественными скидками обзавестись сумкой Gilli или туфлями Pollini. “Зачем мне теперь скидки, Джованни? — погладила Теналью по щеке немка. — Если у нас всё получится, я смогу купить любой бутик целиком”. После двух рюмок она стала меньше стесняться Табашникова.

Вынул из бумажника фотографии жены и дочек, Чен заявил, что следующим у них обязательно родится мальчик, хотя по-честному ему наплевать, мальчик или девочка, главное, чтобы они любили своего папу Ланьфана.

В это время у сценариста зазвонил мобильник. Услышав взволнованный голос Бузлаева, Женя ретировался на кухню.

— Братка! Эта дура, шалава твоя, Арина, она всё перепутала! — захлёбывался Пашка. — Она не Мишку склеила, а Юру!

Табашников молчал. Он сам виноват: из боязни быть замеченным плохо показал девушке мишень.

— Паяльные яйца! Ты чё молчишь-то?! — гаркнул Пашка.

— Не надо так громко кричать. Пусть она уводит Юру. Он ведь с женой живёт? Позвонишь ему домой, скажешь — отмечали твой день рождения, Юра выпил лишнего и останется у тебя, завтра вместе поедете на работу. А бодягу, которую я тебе дал, налей тогда своему Мишке.

— Ага, а меня этим прижмут потом!

— Чем прижмут? Скажешь, соврал из мужской солидарности, товарища прикрывал.

— Братка, давай, этот, откажемся: ты же видишь, с самого начала не прёт.

— А ты как думал — нам деньги кто-то сам принесёт?

— Ты же обещал — весело и беззаботно...

— Да и так весело и беззаботно! Не случилось же ничего, что ты разнылся. Лучше подумай о том, как не напиться. Смотри там!

Женя вернулся к компании. Щебеча с Тенальей, Берта шаловливо дёргала итальянца за рукав пиджака. Не понимая один другого, Чен с Абдураззаком приязненно болтали. Рэйнуотер, угнездившись в кресле, шевелил губами, записывая что-то на огрызке бумаги.

— Пишете исследование о “Флер де ла мар”? — усмехнулся Женя.

— Почти. Подсчитываю, сколько и чего мне понадобится для экспедиции. Я сделал это давно, ещё в Вашингтоне. Но сейчас обнаружил в расчётах ошибку. А всё потому, что эти толстозадые койоты в канадской фирме, которая выпускает магнитометрические приборы, не могут лишний раз поднять свою тяжёлую задницу на свои тонкие лапки, чтобы прежде чем отвечать на запрос, перепроверить данные. Юджин! Завтра я смогу всё это купить! — Томас радостно возбудился: — Абду, вы верите, что завтра у вас будет пять миллионов?

Оторвавшись от оживлённой болтовни с Ланьфаном, араб поднял глаза к одиноко светящемуся рожку люстры, подразумевая тем самым — на всё воля Аллаха.

— А вы уверены, Томас, что деньги будут? — испытующе посмотрел на американца Табашников.

— Мне кажется, да. Я сам постоянно об этом думаю. План очень хороший. Он мог бы сработать в любой стране.

— Меня беспокоят Абдураззак и китаец.

— Про китайца не скажу, а за Абду не бойтесь. Конечно, он немного подавлен. Но это от того, что его тут никто кроме меня не понимает. Но беспокоиться не о чем — арабы очень дорожат своим словом, это у них национальное. Нам объясняли на курсах.

У Табашникова снова заверещал телефон:

— Это я, братка!

— Тебя плохо слышно...

— Я из туалета говорю. Чё звоню-то — я, этот, не могу у Нолика магнитную карточку и документы вытащить, они во внутреннем кармане пиджака у него.

— Ну, не знаю... Скажи — жарко стало, сам подай пример, кофту сними или что там на тебе. Если он тоже пиджак снимет, уведи их покурить, сам раньше вернись и вытащи. Думай головой! Думай! Вы долго ещё?

— С часок.

— Как Арина?

— Молодец бабца. В Юрца, этот, мёртвой хваткой вцепилась.

— Приезжай, я тебя жду.

Убрав мобильник, Жёня снова услышал звонок:

— Что ещё?!

— С кем это ты так сурово? — раздался в трубке голос жены. — Ты где, Табашников?

— Как будто ты не знаешь, где. Я на работе, Алёна.

— Неужели? Тебя искал Померанцев. Я тоже ему ответила, что ты на работе, а он сказал, ты в отпуске за свой счёт.

— Это юмор у него такой дурацкий. Плеб большой любитель розыгрышей, я тебе не рассказывал?

— Что за номера, Табашников? Если ты завёл любовницу, имей смелость об этом сообщить! Приди и честно скажи: жена, у меня появилась любовница! И мы вместе подумаем, как жить дальше. Странно, почему этого не произошло раньше: я ведь знаю этих ваших сучек с телевидения. Сучек-журналисток, сучек-дикторш...

— Сучек-режиссёрш, — подсказал муж. — Алёнушка, ты болтаешь глупости. Я приду утром, и мы поговорим, ладушки?

— Утром — с работы?!

— Да, утром с работы. Мы готовим спецвыпуск. А сейчас прости, меня зовут в студию.

Табашников не стал выключать телефон, зная — гордая жена не перезвонит. Главное, чтобы она не догадалась, чем её супруг занимается на самом деле. Пусть лучше думает, что у него есть женщина.

Когда сценарист появился в комнате, Теналья обратился к нему с вопросом, где единственным не итальянским словом было "водка".

— Джованни спрашивает — там осталось ещё немного в бутылке? — перевела Нойманн.

Какой тактичный! Как будто сам не видит. Табашникова наполнила обида на итальянца и Берту. Разлив остатки водки, он продемонстрировал сопернику перевернутый сосуд.

Выпив ещё, Теналья пришёл в возбуждение. Спиртное и мысль о близких деньгах заставляли его глаза блестеть. Он снова звал всех в Италию:

— Милан — лучший город в мире! Санта-Мария-делле-Грации! Музей современного искусства! Я свожу вас в “Скала”! Только в “Скала” настоящая опера!

Щёлкнув пальцами, бухгалтер затыкнул:

*La donna é mobile
Qual piuma al vento,
Muta d'accento — e di pensiero.
Sempre un amabile,
Leggiadro viso,
In pianto o in riso, — é menzognero.*

Женю больно кольнуло: “сердце красавиц склонно к измене”! Сволочь, он специально запел это, чтобы унижить. Пользуется тем, что без него не обойтись. Ничего не подозревая, арию подхватил Рэйнуотер:

*Always miserable
Is he who trusts her,
He who confides in her — his unwary heart!
Yet one never feels
Fully happy
Who on that bosom — does not drink love!*

И тогда, выждав, куплет, вступил Женя:

*Если же милая
Не изменила,
Значит бесспорно
Изменит скоро.
Шутят, смеются,
Нам изменяют,
Но изменяю первым им я!*

Не уловившая смысла происходящего, Берта громко захлопала:

— Какой Милан! Вот где лучшая опера! Du singt besser, als Pavarotti! **(Ты поёшь лучше, чем Паваротти! (нем.))**. — крикнула она Теналье.

Заметив, что одна рюмка осталась нетронутой, красный от смущения Табашников спросил Рэйнуотера:

— Томас, а куда подевался наш Абдураззак?

— Молится, — глазами показал американец в сторону кухни.

Но к тому времени араб уже возвращался в комнату.

— Знаете, меня вдруг заинтересовал один вопрос, — поделился с “морским волком” Табашников. — А при обдумывании моего предложения нашего набожного друга религиозные мотивы не останавливали? Спросите-ка у него.

— Зачем, Юджин?! Мы так долго его уговаривали. Он просто развернётся и улетит в свой Эр-Рияд. Пока не поздно.

— Вы же уверяли, что арабы дорожат своим словом. Пожалуйста, Томас, переведите. Я спрашиваю исключительно из академического интереса. Просто интересно, действительно ли все мы одинаково становимся животными, когда речь заходит об удовлетворении инстинктов или о больших деньгах, или всё-таки культура, образование и религия играют какую-то роль?

Рэйнуотер с кислой миной повторил Женин вопрос по-арабски. Подняв брови, Абу Шакур в задумчивости углубил морщины на лбу:

— Телесное и духовное в мире мусульманина сосуществуют, а не борются, мой дорогой, — объяснил он. — Ничего предосудительного в богатстве нет при условии, что человек будет помнить, кто его ему дал, то есть об Аллахе. Помнить и не забывать подавать нуждающимся милостыню. Неприлично у нас как раз быть бедным: это означает, что ты либо нездоров, либо наказан за гордыню. Мы с вами принадлежим к разным мирам и, возможно, вам будет непросто меня понять. Христианин должен добывать хлеб в поте лица своего и может рассчитывать за это лишь на небольшое воздаяние от Бога — скудная трапеза и непритязательный быт хороши для спасения души. А благочестивый мусульманин, наоборот, вправе ожидать от Небес такой помощи, которая обеспечит его на всю жизнь, и предварительный тяжкий труд здесь совсем не обязательное условие. Я был благочестивым мусульманином, и Аллах заметил меня. Всё богатство в исламе рассматривают как данное, а не как взятое.

— А разве ислам не запрещает излишеств, не ограничивает наслаждений и не проповедует умеренности? — возразил Табашников.

— Это так. Но тем самым ислам служит продлению жизни отдельного человека и обеспечивает стабильность общества. Так что никакого противопоставления материального и духовного нам при всём желании найти не удастся. Да, у нас существуют аскеты, посвятившие себя Аллаху. Но наша религия считает такой образ жизни и мыслей их личным делом: каждый осуществляет правильное поклонение как хочет. Главное — не нарушать того, что предписывает Коран. Между прочим, очень удобная для жизни книга. Она не предоставляет мусульманину возможности многозначного лукавого толкования своих сур. Коран недвусмысленно предписывает, как мы должны поступать в любой ситуации. Поэтому мы не мечаемся и не ищем Бога, как это делают христиане.

— Но по той же причине у вас не может появиться таких писателей, как Достоевский.

— Возможно.

— А как же смерть, Абдураззак? Я знаю, что когда мусульманина опускают в могилу, его допрашивают грозные ангелы Мункар и Накир. Праведников они не трогают до дня воскрешения, а грешников хлещут по лицу и по хребту, напоминая о муках, которые уготованы им в аду после Страшного суда. Что вы скажете Мункару и Накиру, когда они спросят: Абу Шакур, зачем ты ограбил Белсинкра-банк? Повторите им то же самое, что только что говорили мне?

Араб улыбнулся:

— Я скажу им: мусульманин ищет сокровища, и Аллах их ему посылает. Каждый Али-Баба находит свой Сим-Сим. Недаром было сказано пророку: "Господь твой — щедрейший". Белсинкра-банк, о котором вы, Мункар и Накир, любопытствуете у меня, недостойного, это мой Сим-Сим, ниспосланный мне Аллахом. Моей вины тут нет.

Из прихожей послышался звонок.

— Кто это? — испугался Ланьфан.

Табашников встал:

— Это должен быть человек, с которым я обещал вас познакомить.

Вытирая у порога ботинки о тряпку, Пашка пожаловался:

— Дождь пошёл.

— Документы и карточку взял у дяди Нолика?

— Угу. Сказал ему: “Отдай мне на хранение, а то ты, этот, пьяный, пока до дому доберёшься, мало ли что...”

— Это Павел, — объявил идентам Табашников. — Он будет страховать вас завтра в банке.

Пожимая руки первым в своей жизни иностранцам, Пашка ощущал себя не в своей тарелке. До этого он знал только маленького чехословацкого мальчика из “Луна-парка”, таскавшего им с Женькой жвачки “Педро” в обмен на значки с космонавтами.

— Подожди немного, — попросил Бузлаева сценарист, — мы сейчас договорим с Абдураззаком и все вместе обсудим наши завтрашние действия.

— А о чём вы говорите?

— Долго рассказывать.

За Табашникова объяснила Берта:

— Женя заставил нас задуматься о том, почему мы согласились украсть деньги.

— Дак это просто! — осклабился Бузлаев. — Тут, этот, в национальном характере всё дело, вы бы меня спросили.

— Вот как? — удивлённая Нойманн перевела Пашкины слова Теналье.

— Что он сказал? — заинтересовался, почувствовав интонационное оживление беседы, и араб.

— Павлентий, заткнись, — прошипел Женя. — Ахинею несёт, — объяснил он по-английски Рэйнутеру.

— Не мешай ему, — заступилась за Бузлаева немка. — Это интересно.

Сценарист нехотя перевёл умозаключения инкассатора Томасу и Ланьфану.

— И где же связь между завтрашним нашим делом и национальным характером, например, арабов? — обратился к Пашке Абдураззак.

Осенённый вниманием солидного иностранца, Бузлаев сразу стал напоминать циркового бобра, в умственном развитии феноменально обогнавшего собратьев по цеху.

— Так вы ж все там у себя, этот, террористы! — припечатал он.

— Томас, я не буду переводить, — снова упёрся Табашников, — это чушь.

— Вы ошибаетесь, Юджин. Каждый имеет право свободно выражать свои взгляды. Так что он сказал?

— Хорошо. Но этот дурак точно всё сорвёт.

Услышав ответ на свой вопрос, араб ко всеобщему удивлению только философски крякнул.

— А чем вы объясните моё участие? — предвкушая забавный ответ, заёрзал в кресле Чен.

— А чем вы объясните своё участие в культурной революции? Это ж надо — всех воробьёв перебили! О чём это говорит? О том, что гуртом вы на любую глупость подписываетесь.

Табашников покорно повторил то же самое по-английски, стараясь смягчать особенно резкие выпады.

— И всё-таки, Павел, мне кажется, вы слишком вульгарно обобщаете, — засомневалась Нойманн.

— Кто бы говорил! Вы, немцы, этот, вообще дали Гитлеру себя на фашизм уболтать. По сравнению с тем, что вы тогда вытворяли, ограбление банка — тьфу!

— Вы так думаете? — обиделась Берта.

— Спроси у него, — приказал ей Джованни, — а что он скажет про итальянцев?

— Тут и думать не надо, — изрёк Пашка, — итальянцы — мафиози. Тяга к преступлениям у них, этот, в крови.

— Я знал, что вы так скажете, — разочаровался Теналья.

Оставался Томас, вопросительно взглянувший на Бузлаева своими зелёными глубоко посаженными глазами.

— А вы, америкосы, просто, нация такая рисковая. Для вас банк ограбить — национальный, этот, спорт. Буч Кэссиди и Сандэнс Кид. Гангстеры, одним словом.

— Деньги мне нужны, — согласился Рэйнуотер.

— Не принимайте его всерьёз, — обращаясь ко всем, попросил сценарист. — Шопенгауэр говорил: “В национальном характере мало хороших черт: ведь субъектом его является толпа”.

— Не извиняйтесь за своего друга, — сказал Чен, — каждый из нас — представитель этой толпы. И, видимо, не самый лучший, раз мы сейчас здесь сидим.

— Ну а про нас-то с тобой ты забыл, Павликашка, — смягчился Табашников. — Про русских.

Бузлаев достал сигарету, щёлкнул зажигалкой:

— Про русских что! У русских же особый путь, душа, этот, загадочная. Мы сегодня с человеком будем чувствительно водку пить, а завтра его ментам закладём. Ты спроси друзей вот своих, иностранцев — с нами же весь мир боится дело иметь. У нас ни тормозов, ни руля, ни ветрил: мы и, этот, похлеще ограбления банка корки мочим.

— Ладно, — Женя отобрал у Пашки сигарету. — Не кури в комнате. — Отступив к стене, он встал так, чтобы все могли его хорошо видеть. — Через шесть часов мы должны быть в банке. Ты сейчас поезжай, отгони “Мерседес” Дмитрия Сергеевича. Брось его где-нибудь подальше, во дворах среди других машин. Потом мы с тобой сразу поедem в Бибирево, к Юлии Карловне. — Приидентах Табашников не хотел говорить, что они собираются её выкрасть. — После этого возвращаемся сюда, забираем всех и едем на место.

— Мы можем, этот, опоздать в банк, — высказал резонное замечание Бузлаев.

— Не опоздаем. Вчера утром я сам проехал весь маршрут. А ты ещё учти, что завтра седьмое марта — машин на дорогах будет меньше. Водка и погодка, помнишь? Вечером корпоративы, народ на работу в метро поедет. Томас и Берта, дальше переводите очень точно. Я оставлю всех не доезжая до банка квартала три.

— Это ничего, что мы придём на работу сразу все вместе? — перебил Теналья.

— Павелецкий, Джованни интересуется — ничего, что вы всем скопом заявитесь?

— Кого это колышет? Встретились по дороге. Нас же, этот, не тридцать человек будет.

— Когда придёте, спокойно идите в ворота. — Табашников развернул заранее подготовленную самодельную схему. — Двигаетесь за Павлом вот сюда, здесь находится служба инкассации. Контроль проходите так, как будто делаете это каждый день. Приветливо махнёте рукой человеку за стеклом. Перед камерой ведите себя естественно. Сотрудников службы безопасности,

которые находятся по ту сторону объектива, не должно насторожить ваше поведение, а их на это специально натаскивают. Я читал инструкцию. Если человек избегает контакта взглядом, значит, хочет что-то скрыть. Топчется, — испытывает беспокойство. Касается руками лица — то же самое. Держит руки в карманах, — пытается преодолеть внутреннюю неуверенность.

— Я боюсь, — признался Ланьфан.

— Бояться не надо. Открыто смотри в камеру и улыбайся. Дальше. Если вы не попались на контроле, — вы прошли, вы свои. Когда Павел подаст знак, идите за ним в “оружейку” получать оружие и бронежилеты. За них вам надо будет расписаться в журнале. Образцы подписей, чтобы потренировались, я вам давал. И не вздумайте открывать рот: ваше спасение в молчании.

— А если с нами кто-то заговорит? — привстал с дивана Теналья.

— Здороваются — отвечайте кивком, протягивают руку — пожимайте. Зададут вопрос — изобразите неопределённую гримасу и постарайтесь поскорей отойти от этого человека: подумают, у вас плохое настроение и отстанут. Вот тут, — показал на чертеже Табашников, — есть туалет. Закройтесь там и не высовывайтесь. Когда позовёт Павел, идите за ним и садитесь в машину. Удастся выехать за ворота — считайте, всё кончилось.

Открыв шкаф, Женя показал каждому его костюм. Он день рыскал по магазинам, подыскивая по фотографиям облачение наподобие того, в каком Пашкины инкассаторы обычно ходят на работу.

Отведя в сторону Абу Шакура и Томаса, сценарист развернул ещё один чертёж:

— Абдураззак, вот номер машины, за руль которой вы должны сесть. Она будет стоять тут, — ткнув ручкой в старательно нарисованный прямо-угольник, Женя повёл её дальше. — Проедете вот здесь, вдоль забора. В этом месте поверните и нырните сюда — это въезд в хранилище. Когда вас пропустят, останавливайтесь и ждите, пока загрузят мешки с деньгами. Когда наши миллионы окажутся внутри, выезжайте тем же путём и стойте тут — к вам сядут все, кого вы сейчас здесь видите, кроме Берты. Потом — в ворота, и можете расслабиться. За воротами Павел вас сменит. Вы всё уяснили, Абдураззак?

Араб утвердительно кивнул.

— Томас, вы уверены, что переводили точно?

— Конечно, Юджин.

Отдав Абу Шакуру чертёж, Табашников приготовил ещё один:

— Берта, теперь с тобой. Пойдём на кухню, чтобы никому не мешать.

Увидев, как Женя уводит немку, Джованни что-то крикнул им в спину. Итальянец не испытывал ревности: он беспокоился, как бы русский не пошатнул решимости Нойманн изменить сумму в банковских документах.

— Джованни спрашивает, можно ли ему пойти с нами? — вопросительно посмотрела на Женю Берта.

— Нельзя, — с вызовом ответил Табашников.

Пропустив женщину вперёд, он прикрыл за собой дверь. Немка присела на одну из четырёх, отнятых у разных гарнитуров, табуреток. Опершись локтями на стол, Женя развернул предназначенную для неё схему. По таким в пионерском лагере они с Пашкой во время отрядной игры искали закопанные вожатыми конфеты.

— У тебя самая сложная задача: твой идент — большая начальница в Белсинкра-банке. Когда приедем, ты заходишь вот в этот подъезд. Покажешь

документы — поднимайся на второй этаж, лестница здесь. Помнишь, я говорил, чтобы пресечь любые контакты, мы повяжем тебе горло тёплым платком? Платок я приготовил. В холодильнике половинка луковицы: возьмишь с собой и понюхаешь прежде чем входить — глаза будут слезиться. Если кто-то полезет с разговорами, скорчи болезненную гримасу и показывай на горло. Сыграть надо хорошо: по твоей пантомиме каждый должен понять — ты неожиданно разболелась, и только неотложные дела вынудили тебя притащиться на работу. У нас начальство испокон веку повторяет, что незаменимых нет, но бюллетени не приветствует. В результате люди всю жизнь ползут с гриппом на работу, а потом получают серьёзные осложнения, а виноватых нет. Смотрим дальше. Твой кабинет — здесь, третья дверь налево. Когда ты придёшь, он будет уже открыт. Парень в приёмной — твой помощник, зовут Валера. Девушка — секретарша. Валера как никто должен понять, что ты не только разговаривать не в состоянии, но и соображаешь плохо. Знаками покажешь ему, чтобы всё приготовил.

— А где я возьму заявку и ключ от хранилища? — подалась вперёд Берта.

— Это я и имел в виду: заявку, ключ, печать — всё даст он. После этого пусть выйдет. Чистые бланки лежат в сейфе. Где ключ от него, я пока не знаю. Если его не будет в сумке, которую я тебе дам перед выездом, покажешь на сейф Валере, он поймёт. Но если и он не будет знать, как открыть сейф, боюсь, у нас появится проблемка.

— Где ты возьмишь сумку? Вы что, убьёте эту женщину?

— Тьфу ты! Да никто никого не убьёт! Сумку Павел украл, просто с собой взять забыл. Из заявки, полученной от Валеры, в чистый бланк перенесёшь всё, кроме суммы. Сумму впишешь нашу. Здесь — роспись, тут — печать. Первую заявку со ста тысячами евро заверишь и отдашь помощнику, он отнесёт её в инкассацию. Вторую, с тридцатью пятью миллионами, возьмишь с собой в бункер и отдашь кассиру. По ней нам отпустят деньги. В хранилище иди так, как нарисовано красным фломастером. Магнитной карточкой откроешь дверь со второго этажа на первый и с первого в подвал. Около хранилища тебя будут ждать двое твоих замов — без них ты туда не попадёшь. И они без тебя тоже. Не забывай, что за вами постоянно следит камера: пункт мониторинга центрального видеонаблюдения смотрит, чтобы все, кто приходит, были живые, здоровые и делали всё без принуждения. Для замов повтори ту же пантомиму с больным горлом. Когда отдашь кассиру заявку, иди обратно. Даже если что-то пойдёт не так, ты уже ничего не сможешь сделать. Вот тут — Берта, смотри, куда я показываю, — дверь во двор, служебный выход. Если ты им воспользуешься, тебе не придётся снова проделывать весь обратный путь. Выходи на улицу, бери такси и приезжай сюда. Ты всё поняла?

Нойманн покачала головой. Вопросов не было, а сообщать о том, что Теналья уговорил её увеличить сумму, она не собиралась. Когда немка встала, Табашников взял её за руку:

— Ты зря так поступила со мной, Бертуся. Ты будешь жалеть.

Берта виновато улыбнулась:

— Не уверена. Но даже если ты окажешься прав, жалеть мне осталось недолго.

Когда они вернулись в комнату, свет уже не горел. Усевшись на полу перед телевизором, Теналья с Ченом смотрели MTV. Разноцветное мельтешенье экрана, отражаясь в стоявшей на журнальном столике бутылке,

делало её похожей на ёлочную игрушку необычной формы. Дремавший в кресле араб шевелил усами. Рэйнуотер, стоя у окна, наблюдал за улицей. Не хватало Пашки, уехавшего отгонять “Мерседес”.

В надежде отправиться вслед за Абдураззаком, Табашников занял второе кресло, но уснуть не получалось. Закрыв глаза, сценарист думал, не зря ли он затеял всю эту свистопляску. Ради чего? Что ему нужно? Если честно, он хотел бы прожить оставшуюся жизнь где-нибудь в американском захолустье, в удобном домике из нескольких комнат. Чтобы выходить утром за ворота и идти. Просто так, без определённой цели. Чтобы в кармане всегда были денги, и не знать, сколько их. Чтобы можно было поехать в любую страну земного шара. Чтобы чувствовать себя частью мира, дышать жизнью, как воздухом.

Табашников чувствовал лёгкий хмель в голове. Люди не умеют жить. Многие уже в двадцать пять думают — жизнь прошла. Ностальгируют, как вольготно им было в восемнадцать, в двадцать лет: как любили, пили, танцевали. А теперь — муж-урод, жена-корова, дети-спиногрызы. И тяжёлая, серая работа. Люди всё портят в первой половине жизни, когда есть здоровье, но мало мозгов. Жить нужно после сорока, сохранив себя до этого возраста. И успеть исправить, если где-то пошло криво.

Табашников вдруг пришёл к мысли, что никогда, наверное, не стал бы так лезть из кожи, много читать, самосовершенствоваться, стараться лучше всех делать своё дело, если бы родился в другой стране. Но он всегда знал — если станет похожим на тех, с кем рос во дворе, в этом государстве со своей нервной системой не выдержит. Тут с такими не чикаются: будешь бесправным, униженным и с побитой мордой.

Своё журналистское удостоверение он часто использовал как таран. Приходя за какой-нибудь справкой, доставал корочки, если толстая рожа в окошке намекала на взятку или пыталась отфутболить. Харя сразу становилась слащавой, а справка выдавалась молниеносно. Когда “скорая”, внезапно забравшая маму Инну с давлением, отвезла её в первую попавшуюся больницу, после визита Табашникова главврач лично бегал улаживать вопрос с чистыми простынями. Как говорил Пашка, морда-то у всех в пуху.

Женя устроился в кресле поудобнее. Ещё он помнил, как радовали его вещи и события в детстве. Когда ему купили велосипед “Орлёнок”, он просыпался ночью с ощущением, что жизнь изменилась. Выходя ночью в прихожую и стоя босыми ногами на холодном полу, гладил двойную раму, щупал красно-белое седло. Выводя велик во двор, млея от счастья, слушал, как Витька Вичкуткин нудно просит: “Ну чё ты, Евгений, дай “Орлаш” покататься...”. Такое же ощущение поднимало его над землёй, когда, засыпая, он говорил себе — начались каникулы, а утром они с мамой пойдут на мультики.

Узнав с возрастом цену вещам, Табашников жалел, что его ничто больше так не воодушевляло. Ни новая дорогая машина, ни высокая зарплата. А сейчас он верил — скоро этот вкус благодати вернётся. Только бы получилось.

Плывя в полудрёме, сценарист думал — даже теперь не поздно остановиться. Но ему тут же начинало мерещиться — всё делает не он, а какой-то другой Женя Табашников. Точно такой же, с теми же глазами, руками, ногами, но другой. И если всё сорвётся, то посадят тоже не его, а другого.

Вернулся Пашка. Взяв с тарелки бутерброд с ветчиной, с набитым ртом промывчал:

— Хрен знает куда отогнал тачку. Попроси, этот, найти, — сам не найду.

— Не видели тебя?

— Откуда я знаю!

До Бибирева ехали молча. Во взятом Табашниковым напрокат микроавтобусе пахло бензином.

Торчащие из чёрной земли голые мокрые деревья у дома Юлии Карловны нагоняли тоску.

“Вон её машина”, — показал Бузлаев. Журналист подогнал микроавтобус как можно ближе к подъезду.

Они спрятались в нише первого этажа, где за металлическим щитом крутились электросчётчики и кто-то оставил ободранную детскую коляску без одного колеса. Наполовину отвинтив крышку пластиковой бутылки с хлороформом, Женя приготовил тряпку — щедрый лоскут своей старой рубахи.

Скоро, сбегав по ступенькам, мимо пронёсся лохматый мальчишка с молодёжным рюкзачком на спине. Из хлопнувшей двери подъезда потянуло холодом. “Как не бояться детей в такую рань отпускать? — подумал Табашников. — Считай, ночь ещё на дворе”.

Долго никого не было.

— А если она заболела и, этот, дома осталась? — шёпотом предположил Пашка.

— И как тогда деньги повезут?

Бузлаев неопределённо пошмыгал носом.

— Боюсь я, — громко прошептал он. — Не известно, как эти цуцки иностранные себя в банке поведут. Как бы не перестреляли нас там всех.

— Всё будет хорошо, — успокоил сценарист.

— Я что-то, этот, про смерть часто думаю в последнее время. Мы считаем, что она конечный пункт жизни, а она-то рядом всегда. Как будто, этот, идёшь вдоль штакетника, а в нём везде калитки, калитки... Как на улице, где Серый с Камоней жили, помнишь? И в каждую в любой момент зайти можно. Можно купить литр водки, выпить сразу весь, и завернёшь ласты. Можно шпильку в розетку сунуть, с балкона шагнуть.

— С балкона только дураки шагают.

Пашка перенёс вес тела с затёкшей ноги на другую:

— А ты как к смерти относишься?

— Я о ней не думаю.

Табашников давно перестал обсуждать с Бузлаевым свои сокровенные мысли. Если бы на месте Пашки был, например, Глеб Померанцев, Женя прочитал бы ему четверостишие, сложившееся у него только вчера:

*Когда умру (а мы ведь все там будем,
поскольку Бог не делает чудес),
Я попаду к хорошим, добрым людям,
которых мне так не хватает здесь.*

Где-то в галактике подъезда щёлкнул замок. Различив на лестнице стрекозину фигурку начальницы управления кассовых операций, Табашников сжал в руке тряпку. Боясь, что Гримальских услышит бульканье хлороформа, осторожно вылил на ткань полбутылки. Остатки медленно опустил на дно кособокой коляски.

Задержавшись на одной из ступенек, женщина поправила аккуратную шапочку с меховой оторочкой. Когда Юлия Карловна проходила мимо, сценарист, выкинув из ниши руку с тряпкой, сжал ей лицо. В тот же миг

Бузлаев накинулся на даже не успевшую начать сопротивляться Гримальских сзади. Легко дёрнувшись, она осела ему на руки.

В замке за их спинами завошкался ключ. Схватив добычу, похитители вдавились в тёмную нишу. Мимо прошаркала старуха в надетых на шерстяные носки галошах. Табашников и Пашка долго выжидали. Бузлаев чувствовал, как в его левую ладонь из-под пальто просится сердце Гримальских.

— Стой тут, — распорядился Табашников так тихо, что Пашке показалось, он услышал не сами слова, а звук прикосновений Жениного языка к зубам и нёбу.

Выйдя на улицу, журналист осмотрелся. Юлию Карловну они перенесли вмиг. Положили на расстеленный по полу брезент. Журналист сел за руль. Пока ехали, Пашка, чтобы не терять времени, связал ей руки и ноги.

Быстро долетев до дачи, опустили спящую банкиршу в подвал, привязали к трубе.

— Может, рот ей заткнуть? — посоветовался с Бузлаевым Женья. — Вдруг орать будет?

— Пускай хоть заорётся. Кто её услышит из-под земли, тем более, этот, вокруг все дачи сейчас пустые.

Пока Табашников с Пашкой устраивали Гримальских на даче, в общей квартире иденты приводили себя в порядок. Умыв холодной водой лицо, Абдураззак подозвал Рэйнуотера:

— Томас, я не верю этому парню, Евгению. Где гарантия, что он перекинет эти миллионы на наши счета? Вы бы на его месте выполнили обещание?

— Не исключено.

— Позавчера я звонил своим друзьям в Эр-Рияд. Конечно, не объяснял, что да откуда, просто сказал — со мной будут большие деньги. К вечеру они пришлют самолёт в аэропорт Внуково. Это проходит по линии военного ведомства, меня никто не станет досматривать. Вы мне симпатичны, Томас, вы были здесь единственным близким для меня человеком. Полетели вместе? Возьмём свои доли и без всякого риска вывезем уже сегодня.

Рэйнуотер задумался. Идея ему нравилась: он тоже сомневался, что Юджин, находясь в здравом уме, перечислит им деньги. А что они смогут ему сделать? Заявят в Интерпол? Но тогда их просто посадят всех вместе.

— Спасибо, Абду, — искренне посмотрел в глаза арабу Томас. — Я вас в долгу.

Абдураззак говорил правду: его друг Акмаль, благодаря которому в 2006 году он получил хорошие проценты с закупки Саудовской Аравией у англичан истребителей “Тайфун”, действительно отправлял за ним самолёт. Но не во Внуково, а в Шереметьево.

Ибн-Язид подсчитал — пять миллионов плюс все личные сбережения позволяли ему рассчитаться с долгами. А кусок американца давал шанс, снова встав на ноги, быстро выйти на прежние позиции в бизнесе. Для чего деньги Томасу? Какой корабль он собирается выудить? Сказки Жюль Верна!..

Абу Шакур хотел привезти Рэйнуотера во Внуково, а при первой же возможности, когда тот отвлечётся в туалет или купить кока-колы, подхватить оба чемодана, кинуть в такси и рвануть в другой аэропорт.

Определённо популярность “Лицевого счёта” и “Тьмы” достигла высшей точки. За вклад в науку Константина Юрьевича сделали почётным академиком РАН. “Если бы не ваша поистине гениальная идея поиска похожих людей в глобальном масштабе, — говорил ему на торжественной церемонии Артоболевский, — мы никогда не имели бы богатейшего материала для исследований. Да что там! Без вас не суждено было родиться вултологии, которую сегодня называют наукой будущего...”.

А вскоре после этого президент страны среди других отличившихся россиян вручал в Кремле орден Дружбы Боре Кербису. Услышав от главы государства “Вы по праву заслужили эту высокую награду Родины”, скупой на слова создатель всемирно известного сайта прерывисто вздохнул.

Идентов хватко привлекали к процессу глобализации. Во время последней предвыборной кампании метивший на второй срок президент США, послушавшись политтехнологов, вышел к избирателям в обществе своих двойников. “Мы всегда были и остаёмся страной истинной демократии, — констатировал он. — Американскому народу есть из кого выбирать”. Шутку процитировали все средства массовой информации, а её автор на выборах получил большинство голосов.

Активизировались и антиглобалисты. Легкомысленно согласившись поучаствовать в программе “Интеллектуальный спарринг” на конкурирующем канале, Мамкин потом долго себя пилит. Известный ненавистник идеи глобализма, прожжённый коммунист Басманов в эфире не ставил Косте в вину разве что убийство Кирова. Размахивая книгой Бжезинского “Великая шахматная доска”, коммунист ревел:

— Вы, уважаемый, своими передачками льёте воду на мельницу нашего геополитического противника! Способствуете оболваниванию и одурачиванию русского человека!

— Что вы называете одурачиванием? — стараясь не выходить из себя, возражал Костя. — То, что вы видите в нашем шоу — безобидный водевиль. В самом худшем случае — фарс, но не оболванивание. Там нет идеологии.

Лицо тучного Басманова налилось кровью:

— Вы желаете, чтобы вся Вселенная была на одно лицо!

— Я желаю сделать людей ближе друг другу, — растерялся под напором буйного антиглобалиста Мамкин.

— Вы играете на руку транснациональным корпорациям — этим международным ростовщикам, сосущим кровь из стран, которым они дают деньги под грабительские проценты. Это органы будущей политической власти — вы ещё вспомните мои слова. Под их контролем у нас уже проводились, извиняюсь за выражение, либеральные реформы, направленные на реставрацию капитализма! И дальше, если не остановить это безобразие, будет только хуже.

— Слава богу, не всё в этой стране зависит от вас, — вставил реплику Мамкин.

— Очень жаль, уважаемый, что не всё в этой стране зависит от таких, как я. И жаль, что вас не было со мной в две тысячи первом году в итальянском городе Генуя. Нас собралось тогда сто пятьдесят тысяч антиглобалистов. За нами наблюдали сорок тысяч полицейских, готовых в любой момент по приказу властей перейти в наступление. Мы скандировали: “One solution — revolution! One solution — revolution!”. Нашими песнями были

“Интернационал” и “Бандера росса”. — Забывшись, Басманов запел: — Компаньи аванти, алла рискосса, бандера росса, бандера росса... И атмосфера тогда была такая же, как в Испании в тридцать восьмом! Это было незабываемое зрелище.

— Откуда вы знаете, какая в тридцать восьмом была в Испании атмосфера? Вы там были? — удивился Мамкин.

Увлечённый Басманов не обратил на укол внимания:

— ... И глобализм, я считаю, не меньшее зло, чем фашизм! К несчастью, сегодня мы не настолько едины, но, я верю, мы ещё наведём порядок. Когда-то Жан Бове сел на трактор и разрушил Макдональдс, — коммунист повернулся к камере, снимавшей его крупный план. — Придёт время, мы все сядем на трактора и так же разрушим планы политиков, пытающихся навязать нам новый миропорядок. А шоу, существующие на американские подачки, — коммунист снова повернулся к Мамкину, — исчезнут тогда сами собой.

— Вы мне тоже очень симпатичны, — раскланялся Костя.

На теме двойников решил добавить себе популярности и созидатель безумных идей Вилен Моршанский. Появившись в очередной раз в программе “Nil mirari”, приснопамятный Ким Роботов поведал: то, что люди стали похожи друг на друга, является одним из предвестников близкого конца света. В доказательство Моршанский вольно трактовал “Откровение Иоанна Богослова”, но неблагоприятные человеки к его прорицаниям остались глухи.

Когда белый микроавтобус с иидентами выехал в сторону Белсинкрабанка, было ещё темно. Тёплый март быстро сделал снег липким, а лёд тонким — Табашников чувствовал, как чавкает под колёсами. Стараясь ехать быстрее, он пару раз едва успевал затормозить на светофоре.

Высавив идентов за несколько кварталов от банка, подвёз поближе Берту. Развернувшись, сразу поехал туда, где, если не случится ничего плохого, через пять часов должна появиться инкассаторская “ГАЗель” с добычей. Противно затрещонил мобильник. На экране высветился Пашкин номер.

— Братка, мы, этот, не сможем пройти контроль...

— Что случилось?

— Сегодня смена Сафронова, а вместо него какой-то битюг дежурит. Я его не знаю совсем, видел пару раз мельком. Наверно, из другого департамента перевели. А документов-то у нас, сам знаешь...

— Ты же говорил, дубина, на документы не смотрят!

— Я знал, что ли, что так будет?

— Ты же чуть не клялся!

— Сейчас-то нам что делать?!

— Вы уже совались туда?

— Нет, я сразу заметил, остановил всех.

— Хорошо хоть это ты сообразил. Теперь сам не нервничай, и ребят не нервируй. Постарайтесь всё-таки пройти как обычно. Не пустят — попробуй объяснить, что вчера все вместе гуляли в ресторане и у вас украли документы. Не поможет, вызови начальника своего. В общем, сделай всё, что сможешь.

Переговорив с Табашниковым, Пашка сделал иидентам знак идти за ним.

— Здорово, брат! — бросил он охранявшему турникет бугаю. — Открывай, инкассация пришла.

Подняв глаза к красному огоньку камеры, Бузлаев изобразил благостную рожу.

— Документы покажи, — протянул руку бугай.

— С документами любой дурак пройдёт, — заёрничал Пашка. — Да не, если серьёзно, вчера, этот, в кабаке посидели и у нас их, прикинь, спёрли.

— Ищите, — скрестил на необъятной груди руки охранник.

— Да нас же тут каждая собака знает!

— Ищите.

— Слушай, позови Туманишвили.

— Он что, ваши документы принесёт?

— Позови, прошу же.

Стараясь выглядеть естественными, иденты вопросительно смотрели на своего предводителя.

Скоро в конце коридора показался руководитель службы инкассации — маленький грузин Туманишвили.

— Здрасьте, Джордан Суреныч, — залебезил Пашка. — Вот на работу нас не пускают... У меня вчера, этот, день рождения был, так козёл какой-то у всех документы увёл. Остались только у меня, да вон у Арнольда.

Выйдя за турникет, Туманишвили прошёлся мимо идентов, потянул носом воздух. Как учил Табашников, почуяв угрозу общения, все скорчили страдальческие морды.

— С похмелья на работу? — потемнел Туманишвили. — Идите все домой, разговаривать завтра будем. На выезд вместо вас другую бригаду пошлю.

— Что вы, Джордан Суреныч, какое похмелье? — обомлел Пашка. — Мы, этот, только вина немного выпили, знали же, что сегодня деньги везти.

— И он не пил? — подозрительно ткнул в грудь Абдуразака старшой. Бузлаев заговорщицки понизил голос:

— Вы же знаете, если бы он пил, он бы здесь, этот, не стоял сейчас. Он вообще ни капли, ему за руль.

Главный инкассатор Белсинкра-банка потеплел:

— Что пили-то хоть?

— “Хванчкару”, Джордан Суреныч, — соврал Пашка с учётом вкусов начальства.

— Э-э-э, “Хванчкару”... Вот я вам как опытный человек скажу, — Джордан Суренович по-отечески положил руку на грудь Ланьфану, — если много употребить нет возможности, а хочешь, чтобы душа смеялась, “Цинандали” пить надо. Было там “Цинандали” в меню?

— Не помню, Джордан Суреныч. — Пашка посмотрел на Теналью: — Было, этот, “Цинандали” в меню, не помнишь?

В ответ Джованни далеко вперёд выпятил нижнюю губу.

— Ладно, пропусти их, — попросил бугая грузин.

Охранник нерешительно потянулся к кнопке:

— Под вашу личную ответственность, Джордан Суренович.

— Под мою, под мою...

Такого ужаса Берта не испытывала давно. Переступив порог банка и семеня по квадратикам гранитного пола, она ощущала себя попавшей в компьютерную игру, где за каждый правильный шаг начисляются баллы. Всего надо набрать пять миллионов очков. Но при первой же ошибке они

сгорят сразу все. Не боясь лишиться денег, в случае неудачи Нойманн страшилась позора. Тогда их всех наверняка покажут по телевизору, а соседи по Прагер-штрассе перестанут здороваться с её родителями.

Она шла, держа в голове чертёж, нарисованный Табашниковым и теперь лежащий в кармане пальто — пальто женщины, с которой его сняли. Той, чью роль она сейчас исполняет, вместо кого отвечает на поздравления и сочувственные улыбки попадающихся навстречу людей.

Тяжело кивнув помощнику и секретарше, поздравившим её с Восьмым Марта, Берта прошла в кабинет. Осмотревшись, села за стол. Тронула карандаши и ручки в стакане дорогого, отделанного яшмой, канцелярского набора. Встав, выглянула за дверь, жестом приказала Валере зайти. Как учили, разыграла перед ним невменяемую от гриппа начальницу. Запах лука ел глаза. Валера сочувственно переминался с ноги на ногу. Нойманн помахала рукой над столом. Помощник непонимающе замер. Раздражённая тупостью ординарца, Берта хлопнула кулаком по коричневой, попавшейся под руку, папке с тесёмками.

— Вы в хранилище собираетесь? — догадался парень.

Пошелестев по кабинету, он положил перед ней заявку и печать, и вышел. Высыпав на стол содержимое полученной от Табашникова сумки, Берта нашла гроздь ключей на брелоке с надписью “Депозиты Белсинкра-банка”. Встала у сейфа и принялась пробовать их один за другим. Подошёл пятый или шестой по счёту. Взяв чистые бланки, Берта педантично переписала всё почерком Гримальских, прилежно вывела нужную сумму, лихо чиркнула автограф, хлопнула печать. Уже совсем собравшись идти в бункер, не увидела ключа. Вероятно, он лежит в сейфе, решила немка.

Секретарша внесла на подносе стакан горячего чая и шоколадное печенье.

Переворошив в металлическом чреве несгораемого шкафа скреплённые степлером листы с цифрами и диаграммами, купюры разного достоинства и новые, в упаковке, колготки, Нойманн не обнаружила того, что искала. Вернувшись к столу, стала выдвигать ящики. Ключа от хранилища не было. Покусав губы, Берта печатными буквами написала на листе бумаги: “Ключь”, снова выглянула в приёмную. Показала вошедшему Валере листок, изобразив на лице смесь гриппозных мук и начальственного негодования.

— Ключ от хранилища? — оторопел подручный.

Он кинулся к распахнутому сейфу, проверил в шкафах и выбежал. Его не было, может быть, десять минут, может быть, двадцать. На столе подолгу звонили телефоны. Берте было страшно. Она действительно почувствовала себя плохо: сказывалась болезнь, о которой она старалась не вспоминать. Не зная, что Гримальских лежит в подвале Пашкиной дачи, немка боялась — вдруг банкирша по какой-нибудь надобности позвонит на работу. Или замы, не дождавшись её в хранилище, наберут домашний номер своей владычицы. Тогда сейчас за ней придут, и придурковатыми ужимками не отделаешься.

Злясь на пропавшего Валеру и неумолкающие телефоны, лишённая возможности говорить Берта не могла ничего предпринять. Сидела, оцепенев в кожаном кресле, посреди роскошного кабинета.

В дверь постучали. Нойманн вздрогнула. Никто не входил, а стук повторился. Чтобы как-то отреагировать, Берта громко закашляла. Бочком вошёл помощник:

— Вы забыли, Юлия Карловна, вы ключ вчера у начальника департамента оставили, когда комиссия из Центробанка приезжала. Возьмите.

Глядя мимо Валеры, немка протянула ему заявку на сто тысяч евро.

— Руководителю службы инкассации отнести?

Получив в ответ очередной кивок, помощник исчез.

— Совсем озверела она сегодня, — доверительно пожаловался он на ходу секретарше.

Поминутно прикрывая глаза от головной боли, Берта побрела в хранилище.

— Слава тебе, господи, Юлия Карловна! — воскликнул первый зам Примальских, чрезмерным животом напоминающий беременную на последних месяцах. — С Международным женским днём вас.

Улыбаясь подрагивающим уголком рта, Нойманн вместе со всеми прошла к двери. Вставила ключ в специальное отверстие. Передав кассиру заявку, собралась уходить.

— Юлия Карловна, вы нас бросаете? — остановил её “беременный”.

Она непонимающе посмотрела в его глаза цвета монеты в пять евроцентов.

— А расписаться-то, когда посчитают?

Чтобы никто не видел, как ей плохо, Берта вышла из хранилища. Добравшись до лестницы, поднялась на один пролёт. Постояв на площадке, снова спустилась вниз. По расслабленной позе “беременного” поняла — до конца ещё далеко. Сжав руки в кулаки, чтобы прекратить дрожь, опять дошла до лестницы, прошла на первый этаж. Теперь ей казалось — с минуты на минуту вскрыется нестыковка сумм в заявке и дубликаты: когда обе бумаги сверят, концы искать долго не придётся. Невыносимо захотев плотнеть свежего воздуха, Берта пошла к прямоугольнику служебного выхода в конце коридора. По двору шёл Теналья в как на него сшитой инкассаторской форме. Не смея позвать любовника, немка громко закашляла. Итальянец не торопясь изменил маршрут.

— Мне страшно, Джованни, — зашептала Нойманн, озираясь.

— Деньги уже считают, почему ты не уходишь?

— Там нужно что-то подписать, когда закончат. Мне страшно, мой родной. Ноги дрожат так, что боюсь упасть. Помогите мне.

— Что же я сделаю?

— Не знаю. Я еле сдерживаюсь, чтобы не заплакать.

Теналья видел, как её колотит. Если она не выдержит, попадутся все. Расстегнув кобуру, бухгалтер воровато передал Берте пистолет.

— Ты что?!

— Бери скорее! — прикрикнул Джованни. — Сейчас появится кто-нибудь.

Берта сунула “Макаров” под жакет.

— Не бойся, он на предохранителе. Это на самый крайний случай. Больше психологически, чтобы тебе было спокойнее.

Нойманн заметила — страх и вправду поутих.

На обратном пути они разминулись с “беременным”. Галантно уступив дорогу, заместитель пошловато улыбнулся. Берта доброжелательно сморщила губы в ответ. Примальских не любила этого зама, пытавшегося хамовато приударять за ней на банковских корпоративках, и теперь он с удивлением отмечал изменения в поведении начальницы, самонадеянно относя наметившееся потепление за счёт своей мужской привлекательности.

Выйдя туда, где Нойманн только что рассталась с Тенальей, “беременный” закурил. Дойдя до угла здания, проводил взглядом въезжающую в шлюз “ГАЗель” с Абдураззаком за рулём. Подошёл к греющемуся на раннем весеннем солнышке Туманишвили.

— Долго они сегодня, — посетовал главный инкассатор, имея в виду затянувшийся пересчёт денег.

— Считают... — лениво выпустил дым “беременный”.

Он хотел добавить: “Всё-таки сорок пять миллионов — сумма немаленькая”, но передумал — Туманишвили был ниже по должности, а подобная фраза могла выглядеть так, точно заместитель начальницы управления кассовых операций оправдывается за своих сотрудников. Если бы он это произнёс, всё выяснилось бы тут же. Но зам промолчал.

Выбежавший из хранилища человек махнул Туманишвили: деньги посчитаны. Грузин затрусил к шлюзу. Пробегаючи мимо Пашки, на ходу крикнул: “Где гоп-компания ваша? Как ехать, так вы болтаетесь где-то. Искать Джордан Суренович вас должен?”.

Бузлаев помчался к туалету. Скоро все сидели в машине. Вылупившись из-под касок, прижимали к себе АКСы. До выезда за шлагбаум оставалось чуть-чуть.

Боковая дверь броневика отъехала. Появившийся в проёме Туманишвили нашёл глазами Теналью:

— Хорошо, вы не уехали ещё. Миша, тебя начальник отдела кадров срочно вызывает — говорит, сейчас проверки идут, а ты им до сих пор страховое пенсионное свидетельство несёшь. — Не понимая, чего от него хотят, Джованни тревожно зыркал то на главного инкассатора, то на Пашку. — Иди разберись с ними, я вместо тебя сейчас кого-нибудь другого отправлю.

— Джордан Суренович, — засуетился Бузлаев, — да мы вернёмся, и он сходит.

— Я что, курьер, бегать туда-сюда? — поиграл сросшимися бровями Туманишвили.

Добродушному грузину давно казалось — все кому не лень вьют из него верёвки, а слово “руководитель” в названии его должности является чисто номинальным.

— Ну, Джордан Суреныч, — взмолился Пашка, — у нас же стабильный состав, мы всегда вместе ездим.

— Я всё сказал! Выходи, Миша!

Теналья не отрывал от Бузлаева непонимающих глаз. Деревянной рукой подталкивая итальянца к выходу, Пашка пытался сообразить, как поступить с инкассатором, которого сейчас приведёт Туманишвили.

— Cosa successo? (**Что произошло? (итал.)**). — проблеял Джованни, оставаясь стоять рядом с машиной.

На панели приборов запищала рация. Бузлаев нажал кнопку приёма.

— Ну, вы едете? — раздался крик из чёрных дырок. — Филиал звонит, спрашивают — отправили машину, не отправили?

— Едем-едем! Джордан Суреныч человека на замену искать пошёл.

— Скорей пусть ищет, — посоветовала рация.

Вернулся недовольный начальник:

— Нет никого свободных, все на банкоматы разъехались. Ладно, давайте вчетвером, не миллион везёте. — Он сильно хлопнул Теналью по спине бронжилета: — Я тебе куда идти сказал?

— Поехали, чё смотришь?! — ткнул араба в спину Бузлаев, задвигая тяжёлую бронированную дверь “ГАЗели”.

Пребывающий в полуобморочном состоянии Теналья продолжал стоять на месте.

Бронеавтомобиль проехал по двору и, задержавшись у поднимающегося слагбаума, влился в общий поток на шоссе.

Сидя в кабине микроавтобуса, Табашников переключал на приёмнике радиостанции.

С одного бока найденное им в качестве перевалочной базы место ограничивала задняя стена магазина с замершим ремонтом внутри, с другого — бетонный забор медицинского центра. Один въезд камуфлировали рекламные щиты, другой защищала проезжая часть без тротуара. Маленький оазис покоя в многолюдном городе.

С того момента как возникло препятствие на проходной банка, Пашка не звонил. Это означало, что либо у них там всё идёт хорошо, либо, наоборот, и Бузлаев лишён возможности с ним связаться. Скоро всё выяснится. Остаётся ждать.

Утром Рэйнуотер сообщил о вызванном арабом самолёте. Так даже лучше: минус два человека — меньше забот. Если всё получится, остальным тоже билеты в зубы и до свидания. Посмотрев на часы, Женя оглянулся, окидывая взглядом купленные Пашкой большие клетчатые чемоданы.

Отъехав от банка, Абдураззак уступил руль Бузлаеву.

Крутя баранку, Бузлаев одновременно отчитывался перед оперативным дежурным о прохождении маршрута: едем по улице Третьего Интернационала... сворачиваем на Каскадную... выезжаем на Новоухтомское шоссе...

Разговаривая с дежурным, Пашка всякий раз оборачивался к идентам, стуча себя пальцем по губам.

— Почему маршрут озвучиваете вы, а не водитель-инкассатор? — прохрипела рация.

— У него зуб болит, меня попросил.

Между тем у араба разболелся не зуб, а живот.

— Томас, — стонал Абдураззак, — нельзя ли как-то устроить, чтобы я сходил в уборную? У меня расстроился желудок.

— Что же вы не сделали этого в банке, когда мы столько торчали в туалете?

— Тогда всё было нормально.

— Боюсь, придётся потерпеть, Абду. Сможете?

— Постараюсь...

— Думайте лучше о том, что теперь все эти деньги наши. А вы не хотели соглашаться. Вы верите, Чен, — обратился американец к Ланьфану, — что вы теперь богатый человек?

— Пока не совсем, мистер Рэйнуотер: там у них остался наш Джованни. Не известно, как всё повернётся.

— У Джованни должно хватить ума покинуть банк, позвонить Берте, узнать адрес и приехать на квартиру.

Китаец, подсказывая на ухабах, соглашался. Всё именно так и произошло бы, если б не Берта.

Имитировав роспись Гримальских на услужливо подsunутом ей бланке, обессиленная стрессом и гадким самочувствием, Нойманн возвращалась в кабинет. Удобнее и быстрее ей было, пройдя через служебный

выход, поймать такси, но в пальто остался нарисованный Табашниковым чертёж. В затуманенном мозгу Берты пульсировали страшные мысли — что на плане есть её отпечатки пальцев, что поисковая собака возьмёт след по запаху, что по клочку бумаги сейчас можно восстановить всех, кто когда-либо держал его в руках.

Не глядя на флиртовавшего с секретаршей Валеру, немка, протопав через приёмную, со стоном напаялила пальто и переложила в его карман пистолет. Не обращая внимания на вопрос секретарши “вы вернётесь, Юлия Карловна?”, вышла в коридор, спустилась на первый этаж.

Ей нужно было налево, к тому самому служебному выходу. Но направо, через операционный зал, где мелькали клиенты банка и блстели стеклянные двери на улицу, показалось ближе.

Протолкнувшись за спинами работавших с посетителями ребят в фирменных галстучках Белсинкра-банка, Берта обошла менеджера, растолковывающего мелированной девице, как оформить письмо с просьбой об отсрочке платежа по кредиту, тяжело сопя, оставила позади обменник с рубиново горящими на электронном табло курсами валют. Её тошнило, голова кружилась. Немка на секунду прикрыла глаза. Ничего не видя перед собой и больно ударившись о никелированную стойку с рекламой банковских услуг, от неожиданности она громко выругалась:

— Scheisse!

Заметив недоумение на лице повернувшегося к ней охранника, отступила назад.

— Что, Юлия Карловна? — поднял подбородок парень в камуфляже.

Из-за шума в ушах, тошноты и потерянности Берта не разобрала обращённых к ней слов: взгляд собрался на чёрном стволе автомата, ремень которого охранник поправил на плече. Несколько метров отделяли её от дверей. Надо только сделать последнее усилие. Самое последнее во всём этом кошмаре.

Сунув руку в карман, Берта направила на человека в пятнистой форме пистолет.

— Lass mich in Ruhe! Gib mir zu durchmachen! **(Оставь меня в покое! Дай мне пройти! (нем.))** — истерично прокричала она на весь зал.

Операторы и посетители банка наблюдали за происходящим не дыша. Охранник замер. Перед ним стояла явно не начальница управления кассовых операций. Уяснив это, он силился понять, чего хочет фурия с “Макаровым” и что она собирается делать. Берте не хватило всего нескольких секунд — увидев, что вооружённая дама прокладывает путь к выходу, преторианец не стал бы препятствовать. Но тут позади неё раздался хлопок: кто-то опрокинул керамическую вазу с эмблемой Белсинкра-банка, в каких здесь повсюду пылились пластмассовые фиалки. Нойманн повернулась на звук. Сорвав с плеча оружие, охранник пустил очередь. Берту откинуло к обменному пункту. Выступившая на её губах кровь по цвету не отличалась от курсов валют на табло.

На глазах Джованни “ГАЗель” с его компаньонами выехала за ворота. Не понимая сути происходящего, он видел, что в дело вмешались непредвиденные обстоятельства. Но поскольку его никто не задерживает, наверное, нужно потихоньку отсюда убраться и позвонить Берте. Из предосторожности адрес квартиры, откуда они уехали утром и где должны были встретиться для дележа денег, Табашников дал только Нойманн, которой предстояло добираться самой.

— Да ты что какой-то не такой сегодня?! — возмутился Туманишвили. — Чего стоишь, как вкопанный? В отдел кадров топай.

В это время грузина вызвали по рации:

— Джордан Суренович, тут Гримальских застрелили.

Услыхав слово “Гримальских”, Теналья насторожился.

— Как застрелили? — поднял сросшиеся брови руководитель службы инкассации. — Кто?

— Хомченко застрелил. Да тут ещё не разберёшь — Гримальских — не Гримальских. Мне вот говорят, похожая на неё какая-то... Вы лучше сам приходите.

Отключив рацию, грузин узрел перепуганное лицо своего подчинённого. “Похожая на неё какая-то...”.

— Поди-ка сюда, — протянул Джордан Суренович руку к итальянцу. Теналья отклонился.

— Иди, не бойся, — продолжал тянуть руку Туманишвили.

Ударив его по пальцам, Джованни побежал.

— Э! Э! — замахав охранникам у шлагбаума, грузин крикнул: — Держите этого!

Заметив бегущих ему навстречу людей и изменив направление, бухгалтер понёсся вдоль забора. Сейчас он очень пожалел об отданном Берте пистолете. В последний раз так быстро Теналья бегал на студенческой спартакиаде в колледже. Не может быть, чтобы не было ещё одного выхода! Вылетев за угол банка, итальянец увидел калитку. Проскочив в неё, припустил по тротуару, лавируя среди прохожих. Заметив станцию метро, подумал: спасение близко. “Задержите его!” — орали несущиеся следом охранники. Теналья не понимал смысла раздающихся за спиной криков, но знал, что они относятся к нему.

Он перескочил огромную лужу и обогнал девочку в ярко-зелёном плаще, когда его толкнули в бок и навалились сверху. Подбежали следователи.

— А мы идём с Коляном, — начал объяснять, вставая с Джованни, розовощёкий удалец с неправильно сросшимся носом, — слышим, кричат “держите, держите!”. И этот бежит. Я говорю: “Колян, может, он сумочку украл”, да, Колян? Ну, мы и...

Охранники с чувством пожали парням руки, впившись в пойманного с обеих сторон.

— А чё случилось-то на самом деле? — напомнил о себе тот, кого звали Коляном.

— Пока не знаем. Но, вроде, случилось.

Что есть силы прищипывая “ГАЗель”, Пашка мечтал, как начнёт тратить деньги. Даст на операцию отцу, это в первую очередь. Купит мамке отдельную квартиру. Зимой поедет в Эмираты на море, потом пацанам фотки покажет. Вот странно, думал он, давно капитализм построили, а как при СССР никто из них за границу не ездил, так и теперь. Только Сторчило в Германии был, да и то по вызову родственников. Хоть братка Женька ездит, рассказывает... Зажрался братка, давно зажрался. А как с этим банком начали, так вообще много стал себе позволять.

Задумавшись, Пашка поздно нажал на тормоз: тяжёлый броневик, плавая замершими протекторами тонкий ледок, въехал в задний бампер “горбатого” “Запорожца”.

“Стоим в пробке на Шоссе Энтузиастов”, — соврал Бузлаев по рации дежурному, прежде чем полез из кабины разбираться. “Прямо анекдот, — досадовал он, — авария с “горбатым”. И ни раньше, ни позже!”.

Из “Запорожца” выкарабкался юркий вахлак. На оранжевой майке между лапами его расстёгнутого полушубка читалась надпись: “Федерация хоккея с шайбой Ханты-Мансийского автономного округа Югры”.

— Друг, отъезд, этот, в сторонку, проехать мешаешь, — миролюбиво попросил Бузлаев.

— Ты меня в зад ударил, и я “отъезд”?! — вскипел вахлак.

— Проблем захотел? Не видишь — инкассаторская машина.

— Да по мне хоть кортеж президентский!

Видя, что наскоком такого не взять, Пашка протянул владельцу “горбатого” все, какие у него были, деньги. Определив сумму на глаз, водитель в лакированных туфлях оскорбился:

— Да здесь на бампер не хватит! А фара? За разбитую фару я помидорами со своего поля должен платить? Да ты её ещё достань иди, это ведь раритет сейчас. Ра-ри-тет — знаешь такое слово?

Заметив, что к ним стали проявлять ненужный интерес, Пашка забрался внутрь машины. Повозившись там, вылез с опоясанной банковской упаковкой пачкой купюр по сто евро:

— На, купи себе фару. Сдачи не надо — мы торопимся.

Объехав “Запорожец” с разинувшим пасть вахлаком, броневи́к пока-тил дальше.

Впереди показались знакомые рекламные щиты. Он подогнал “ГАЗель” к “Транспортеру” так, чтобы открытые двери не позволяли случайному прохожему видеть, как они перекладывают набитые деньгами серые инкассаторские сумки.

— А где итальянец? — встревожился Табашников.

— Итальянец в банке остался, братка.

— Как остался?

— Да, этот, накладка вышла. Ничего страшного, приедет. Не дурак же он. Пашка открыл сейф. Окинув взглядом мешки, присвистнул:

— Ого, да здесь больше!

— Ты не ошибаешься?

— Глаз наметан!

— Может, купюры меньшего достоинства?

— Купюры, этот, какие надо. — Пашка пересчитал мешки. — Здесь сорок пять миллионов.

— Берта пожадничала! А ведь просил же! Ладно, давай грузить. Им, — Табашников показал глазами на иденто́в, — пока ничего не скажем.

Перекладывая мешки из машины в машину, Бузлаев не забывал отвлекаться к рации, называя улицы, по которым они должны были в это время ехать: “Идём по проспекту Будённого... пересекли Измайловское шоссе... проехали Ткацкую...”.

Продиктовав очередную часть маршрута, инкассатор вернулся перепуганный:

— Там, этот, случилось что-то в банке.

— ?!

— Дежурный приказывает, чтобы мы срочно разворачивались и ехали обратно.

— Уже едем.

У Табашникова зазвонил мобильник. На экране горел номер Берты.

— Алё, — глухо сказал сценарист.

— С вами говорит капитан “Двойного” отдела Косино-Ухтомского района Илья Михайлов. Ваш двойник у нас. Женщина убита при попытке оказать сопротивление. Если вы добровольно вернётесь...

Табашников прервал связь. Размахнувшись, швырнул сотовый через забор медцентра. Услышал, как телефон обо что-то хлопнулся.

— Что случилось? — струхнул Пашка.

— Ерунда. Садитесь в машину. Там ваша одежда — пока едем, переодевайтесь. И разложите деньги по чемоданам. Павлоид, в каждый по пять миллионов, а в два по десять.

Табашников завёл мотор. Чем они сейчас рискуют? Капитан сказал: “Ваш двойник у нас”. Значит, во-первых, у Джованни всё-таки не хватило ума улизнуть, во-вторых, они поняли, что банк ограбили иденты. Что ж, настоящим инкассаторам будет легче отдуваться. Но капитан не назвал Берту по имени — следовательно, Теналья пока ничего не рассказал. Или ещё не нашли переводчика, или бухгалтер решил никого не выдавать, упоывая на то, что Табашников постарается его спасти. Если последнее, то иностранец напрасно ждёт. Что может рассказать Джованни? Что какой-то человек выписал его из Милана и спланировал ограбление банка? Какой-то Евгений? Какой? Где его искать? Правда, Женино имя возникнет, когда начнут проверять контакты инкассаторов. Но по городскому телефону о банке он с Пашкой никогда не говорил, а “чистые” мобильники покупал через десятых лиц, даже не подозревавших, для кого предназначаются телефоны. И всё-таки это ахиллесова пята. Но всё равно на него выйдут не сразу, время подумать есть.

Впереди возник пост ГИБДД. Пропустив несколько легковушек, инспектор жезлом сделал водителю “Фольксвагена” знак остановиться. Женья громко выматерился. Оглянувшись, увидел, что иденты уже успели переодеться. Скомандовал Пашке: “Накрой всё брезентом, быстро!”

Заглянувший в окошко гибэдэдэшник, козырнув, нехотя представился. Рассматривая права, полувопросительно заметил:

— Машина не ваша.

— Напрокат взял. Своя сломалась, а дома ремонт, всё разворочено, дети ноют... Заканчивать надо, стройматериалы возить.

— Внутри что? — постучал жезлом в стенку микроавтобуса инспектор.

— Таджики везу, — улыбнулся Табашников. — Новую бригаду нанял, старых выгнал. Ни хрена нормально сделать не могут — у себя там в мазанках живут, а тут мне десять квадратов испанского кафеля запороли.

— Откройте.

Понимая, что всё пропало, Табашников захлопал по жидкой подтаявшей грязи выполнять распоряжение. На гаишника затравленно уставились Пашка, Рэйнуотер, Чен и Абдураззак. При виде человека в форме Ланьфан непроизвольно взялся за сердце.

— Что-то вот этот не очень на таджика похож, — ткнул жезлом в грудь Томасу инспектор.

— Это татарин, — смиренно объяснил Женья.

Забыв, что при посторонних запрещено разговаривать, изнывающий от боли в животе Абдураззак жалобно шепнул Рэйнуотеру:

— Томас, ана махтаг... **(Томас, мне надо... (арабск.).)**

— Мустахил **(Это невозможно (арабск.).)** — обвёл глазами пространство вокруг американец.

Услыхав восточную речь, гибэдэдэшник успокоился.

— Там что? — указал он на покрытый брезентом холм.

— Мешки с цементом, стены на кухне выравнивать.

— Ну-ну...

Табашников медленно задвинул дверь. Милиционер поправил фуражку:

— Знаешь, есть примета такая — чтобы ремонт долго держался, надо сотруднику дорожной инспекции что-нибудь подарить.

— Я про это слышал, — полез в карман Женья.

Когда “Фольксваген” тронулся, Пашка, откинув брезент, стал утрамбовывать инкассаторские сумки в чемоданы. “Смотрите, — говорил он не понимающим по-русски идентам, — в каждом мешке миллион двести тысяч евро. Видите — кладу. Не обманываю”.

Стеснясь показывать своё состояние остальным, Абдураззак снова пожаловался Рэйнуотеру:

— Томас, у меня невыносимо крутит живот...

— Потерпите, Абду. Думаю, мы скоро приедем.

— Я больше не могу. Попросите остановить хоть где-то, где можно отлучиться.

Глядя на покрытый испариной лоб Абдураззака, американец вдруг застыл, осенённый простой и быстрой в реализации идеей.

В последние дни он не только успел привыкнуть к мысли о пяти миллионах — после выстраивания всех расчётов по экспедиции эти деньги перестали видаться ему слишком большими. Глядя на фотографию, где из воды махал рукой парень в акваланге, собирающийся в следующий миг опуститься в затопленные пенсильванские каменоломни, Томас спрашивал себя, чего он достиг с тех пор? Уважения в научном мире, приличного материального положения, любви своих детей. Но много ли им останется после него? Сколько-нибудь заметного капитала не скоплено. В этом отношении он очень надеялся на “Флер де ла мар”. Но что, если составленная им карта не так точна? Разве все, кто триста лет искал корабль, пёрлись в Малаккский пролив наобум? Наверняка многие из них тоже казались самим себе умнее других. Если в этот раз Посейдон не захочет поделиться с ним сокровищами, он, конечно, проведёт ещё несколько лет в библиотеках и соберёт новую экспедицию. Но от пяти миллионов останутся рожки да ножки. А зачем деньги Абдураззаку, этому торговцу смертью? Снова покупать-продавать оружие? Томас хорошо помнил день 11 сентября. Не известно ещё, как у них там в Аравии всё взаимосвязано. На словах все за мир.

— Юджин, — обратился Рэйнуотер к Табашникову, — Абду говорит, ему позвонили его арабские друзья. Самолёт уже на подлёте, но они хотят, чтобы он их встретил.

— Отвезти вас в аэропорт?

— Нет-нет. Он просит просто посадить его сейчас, чтобы он мог сесть в такси, а я потом возьму оба наши чемодана и подъеду позже. Правда, Абду? — по-арабски уточнил американец.

Думая, что речь идёт о его просьбе, араб с готовностью затараторил в ответ.

— Я вижу большой магазин и стоянку такси, притормозите здесь, — попросил Томас. Он снова переключился на арабский: — Вот магазин, Абду, там есть туалет. — А чтобы Абу Шакур, увидев, как они отъезжают, не испугался раньше времени, добавил: — Только здесь нельзя стоять, видите знак? Мы проедем вперёд, ищите нас там.

Табашников протянул арабу руку:

— Ну, прощайте, Абдураззак.

Не замечая обращённой к нему ладони, торговец оружием, крихтя, выскочил из машины и с силой захлопнул за собой дверь.

— Станный, не попрощался, — огорчился Женья.

— Арабы не любят расставаний, — вступился за товарища Рэйнуотер, — такой народ. Нам объясняли на курсах. Едем дальше?

Отъехав от бровки, Табашников снова погнал машину по проспекту. Скоро у американца зазвонил телефон:

— Куда вы отъехали, Томас? Я не могу вас найти.

— О, друг мой Абду, мы отъехали уже очень, очень далеко, вы нас вряд ли найдёте. Кстати, как вы сходили?

— Некогда шутить, мой дорогой, где вы?

— Мы действительно уехали. Но я буду до конца жизни с благодарностью вспоминать вас как одного из тех людей, благодаря которым сегодня стал богаче, чем был вчера.

Убедившись, что американец не шутит, Абдураззак взмолился:

— Томас, я прошу вас, вернитесь, это бесчестно. — Искренне раскаиваясь в том, что сам собирался оставить Рэйнуотера в аэропорту, смотавшись с его долей, Абу Шакур теперь согласен был взять его с собой. — Подумайте, как вы вывезете деньги в Америку. Этот русский ничего не перечислит на ваш счёт, ничего!

— Я подумал об этом, Абду. Сейчас я заберу наши чемоданы. Поселюсь в отеле и позвоню домой. В Вашингтоне у меня есть нужные знакомства. Сюда приедут люди, которые ввезут в страну какой-нибудь псевдоартефакт, оформленный как представляющий бешеную историческую ценность. А вывезут — деньги, якобы полученные за него здесь. Понимаете?

Прикрыв трубку рукой, Томас опасался, как бы рёв араба не услышали остальные.

— Я заявлю в полицию! — припугнул разъярённый Ибн-Язид.

— В таком случае, когда мы будем сидеть в соседних камерах, я обещаю делиться с вами передачами. Удачи, Абду.

— Что говорит наш Абдураззак? — любопытствовал Табашников.

— Говорит, всё отлично. Едет в аэропорт. Очень торопит. — Опасаясь, как бы в горячке араб и правда не наделал глупостей, Томас попросил: — Юджин, не хочется, чтобы человек нервничал, всё-таки он оказывает мне большую услугу с этим самолётом. Если мои и его деньги уже посчитаны, я выйду прямо сейчас и поеду за ним.

Табашников замедлил ход:

— Павелецкий, отдай мистеру Рэйнуотеру десять миллионов.

Пододвинув американцу два чемодана и разомкнув замки, Пашка показал деньги.

Взяв одну пачку, Томас с треском пролистнул её, как показывают в кино про гангстеров и наркодилеров.

— Вы очень рискуете один с таким багажом, — предупредил Женья. — Берите такси и нигде не задерживайтесь.

Когда они остались втроём, китаец занервничал. В зеркало заднего вида Табашников видел, как Чен, щурия глаза, вглядывается в пейзаж, наплывающий на лобовое стекло.

— Ещё долго? — нарушил наконец молчание Ланьфан.

— Смотря как вы хотите поступить. Сейчас мы едем на квартиру, где ночевали — там можно отдохнуть. Но если хотите, я сразу отдам вам ваш билет на самолёт и отвезу в аэропорт.

Открыв бардачок, Женья достал авиабилеты, которые никому не понадобились. Этот он покупал Берте в Дрезден. Этот Теналье в Милан. Томас с Абдураззаком уехали, даже не взглянув на них.

— Остановите, я выйду здесь, — попросил китаец.

— Да давайте я вас отвезу.

— Вы не поняли. — Вытянув за ремень из-под брезента автомат, Чен пересел так, чтобы ему было удобно держать на прицеле сразу двоих. — Сейчас вы оба выходите, я забираю все деньги и уезжаю.

Табашников перевёл слова китайца Пашке.

Пока Ланьфан не представлял, как поступит дальше. Но простая арифметика кричала: двадцать пять миллионов, оставшихся после американца с арабом, больше полагающихся ему пяти. Он не знал, что под брезентом, благодаря Берте, лежало на десять миллионов больше.

Первым делом деньги надо спрятать. Затем найти жильё и ждать. Ждать китайцы умеют как никакой другой народ в мире. Обычно это вознаграждается. Затаившись, он станет осторожно перебирать варианты. Человек с такой суммой неизбежно найдёт выход. До последнего Ланьфан не верил, что дело увенчается успехом. Но теперь деньги — вот они. Глупо не взять их все. Кто он был ещё три дня назад? Помощник менеджера. Один из миллиарда с лишним муравьёв в муравейнике под названием Китайская Народная Республика. Как-то сводил концы с концами. Маленький человек в маленькой стране. Много детей нельзя. Большой красивый дом — мечта. Драгоценности жена видит только на витрине. У большинства его собратьев нет шансов выскочить из этого круга. У большинства людей планеты нет! А ему судьба предоставляет такую возможность.

Ланьфан навёл короткое дуло АКСа на Бузлаева:

— Выходи!

Пашка не понял значения слов, но легко догадался, чего от него хотят:

— Иду, иду, не кипешишь.

Развернувшись на водительском сиденье, Табашников наблюдал за происходящим. Глядя со света в полумрак, он сделал попытку получше разглядеть лицо китайца, когда услышал удар, сопровождаемый огненным плевком. Чен упал.

— Разбросали пистолеты, — объяснил Пашка. — Вон в углу один валялся. Как его, этот, мент, который нас останавливал, не заметил, я удивляюсь.

— Ты же убил человека!

— А лучше было бы, если бы он всё бабло хапнул? Ты честно скажи, лучше было бы, если б он живой сейчас был, а мы, этот, по улице с пустыми карманами шли с тобой?

— Теперь что говорить. Надо деньги куда-то отвезти, труп спрятать, помыть тут всё. Лезь сюда, садись рядом...

Бузлаев продолжал стоять с пистолетом в руке.

— Что ты смотришь на меня? Садись, поехали, — с расстановкой, как дурачку, повторил Табашников.

— Выходи, — вытянул руку с оружием Пашка.

— Садись, не выделяйся, Пашалот несчастный! — побелел Женя. — Ты видишь, я на пределе! Видишь или нет?!

— Вылазь.

— Ты что, дурак?

— Пошевелись!

Женя обмяк:

— Ну и чего ты хочешь?

— Все деньги.

Не выдержав, сценарист расхохотался:

— Куда ты их денешь? Я же приду к тебе. Приду не один.

— Хрен ты, этот, найдёшь меня. Я посоветовался с кем надо. С такими “бабками” мне за один день и документы какие хочешь слепят, и, этот, внешность изменят. Менты не найдут, не то что ты.

— Паша, зачем ты так? — изменил тактику Табашников. — Мы же как братья с тобой, с детства вместе. Помнишь, как я болел, и ты у нас ночевать остался, а моя мама перепутала — когда я ночью стонал, тебя убаюкивала? А как тётя Люда меня двоюродным сыночкой называла, помнишь?

— Ты лучше вспомни, когда ты меня Пашей в последний раз называл. “Па-а-аша, ты по-о-омнишь!..”. Думаешь, я не вижу, как ты, этот, презираешь меня, друзьям своим брезгуешь показать? А я к тебе — братка, братка... Нет больше у нас общего прошлого! Было, да сплыло.

Табашников попытался перебраться к Пашке.

— Куда! Куда! — Бузлаев снял пистолет с предохранителя. — Вали отсюда!

— Паша, это несправедливо. Я же всё придумал, всё разработал...

— Здоровьем отца клянусь, не выйдешь — выстрелю!

Табашников снова опустился на водительское кресло:

— Я выйду. Но ты скажи сначала, зачем тебе столько денег? Ты же Шура Балаганов, — ты не знаешь, как их потратить.

Здрав подбородок, Пашка стал похож на чучело любимого муравья-дедушки Дурова:

— Я, этот, в ценные бумаги вложу. Это сейчас один из самых привлекательных секторов финансового рынка: высокий уровень надёжности и, этот, ликвидности. Понял? А то сколько можно! Дед крестьянин был, отец на заводе горбатил и я непонятно кто. Другую жизнь начну.

— Тебе на другую жизнь за глаза половины хватит того, что тут лежит.

— А я не потому что, этот, не хватит, а чтоб тебе не досталось.

Табашников увидел, как напрягся палец на спусковом крючке глядящего ему в лицо пистолета. Продолжая говорить о своей ненависти, Пашка распалялся всё больше.

Медленно выжав сцепление, Женя незаметно перевёл рычаг переключения передач с нейтралки на первую скорость.

— Последний раз говорю — выходи или стреляю!! — гаркнул Бузлаев.

Ощувив волну затхлого запаха из его рта, сценарист резко отпустил педаль. Автобус дёрнулся, знаток фондового рынка повалился на спину. Стремительно перегнувшись через спинки сидений, Табашников схватил отлетевший в его сторону “Макаров” и несколько раз выстрелил. Пашка заорал, схватившись за грудь и живот. Опасаясь, как бы шум в коробке “Фольксвагена” не привлёк постороннего внимания, журналист оживил заглохший мотор. Отвечая на каждый стон Бузлаева спазмами в желудке, промчался несколько кварталов. Свернув в одну из боковых улиц, остановился, перелез к Пашке:

— Павлуша, брат мой, прости, я не хотел... Ты сам же первый начал...

Бузлаев застонал:

— Весело и беззаботно, да? Я ведь знал, что, этот, не бывает так, что-бы и море бабла, и никого не грохнули за него.

Табашников заплакал:

— Павлик, смотри, сколько денег, нам хватит. Надо в больницу... Но ведь ты бы выстрелил. Выстрелил бы, да?

— Да успокойся, выстрелил бы...

Упруго вытянувшись, Пашка перестал дышать.

Вызывая мощнейший упадок духа у Бори Кербиса, к маю ажиотаж вокруг “Тьмы” неожиданно пошёл на спад. Ещё совсем недавно резвый счётчик сайта теперь напоминал одометр не самого мощного автомобиля. На “Тьме” колыхалось хоть и большое, но уже не такое великое количество людей. Правда, “Лицевой счёт” по-прежнему держал оборону от желающих прорваться на экран, как Брестская крепость в сорок первом году, но Мамкин понимал — рано или поздно охлаждение интереса к “Тьме” не может не отразиться и на шоу.

А тут ещё в Первопрестольной объявился Андрей Карлин. Давно прожив гроши, полученные за права на свой Замысел, он с завистью следил за его грандиозным воплощением.

Андрей несколько раз порывался ехать добиваться справедливости, но, заглянув в контракт, остывал. Чашу его терпения переполнил свежий номер журнала “Форбс” с фотографией Мамкина на обложке. Купив таблоид, Карлин отправился в юридическую консультацию, но принимавший его пожилой законник, внимательно прочитав договор, вынужден был расписаться в собственном юридическом бессилии перед столь грамотно составленным документом. И тогда механик сам отправился в Москву за правдой.

Узнав, что его разыскивает задетый за живое продавец идеи, Мамкин долго увиливал от встречи. Будучи-таки пойманным у подъезда “Останкино”, по памяти перечислил защищающие его пункты всё той же грамоты. Но Карлин пригрозил дела так не оставить.

Скоро в прессе, преимущественно жёлтой, стали появляться статьи под заголовками: “Как меня ограбил Константин Мамкин” или “Автослекарь из Алма-Аты: идентков придумал я”.

Костя устал отговариваться. “Боже! — восклицал он. — Раньше люди давали друг другу слово и держали его всю жизнь, а сегодня даже муж и жена составляют брачный контракт! Никому нельзя верить”.

Табашников сидел, уставившись на эмблему автоконцерна “Фольксваген” в центре руля. Сейчас он отдал бы все лежавшие за его спиной деньги за то, чтобы навсегда остаться сценаристом лучшей в стране программы “Лицевой счёт”.

Времени на обдумывание дальнейших шагов вдруг стало меньше, чем он рассчитывал ещё недавно. Надо спрятать трупы Пашки и китайца. Вывезти с дачи Юлию Карловну Гримальских. Взятый напрокат микроавтобус отмыть и вернуть.

Главный вопрос — как себя вести, когда им заинтересуется следствие? Пашка и Ланьфан, которые могли рассказать о нём больше всех, мертвы. Кто теперь докажет, что вместо него тоже не действовал двойник? Тогда чего бояться? Очной ставки с итальянцем? “Я вас впервые вижу”, — скажет он Теналье. Конечно, не останется в тени отпуск за свой счёт. Плохо. Чем он занимался эти две недели? Алёна алиби не составит. Можно сокрушать — завёл любовницу и хотел вволю с ней порезвиться. Договориться с той же Ариной — за плату она подтвердит. Нет, Арина сболтнёт лишнего. Не вопрос — он договорится с любой другой женщиной: с его деньгами можно купить целый гарем.

Накрыв брезентом тела, оружие, чемоданы, инкассаторские мешки, которые не успели пересчитать, Табашников снова завёл мотор. Первым делом — избавиться от трупов. По дороге на Пашкину дачу есть подходящая лесополоса. Если трупы и найдут, подумают на Бузлаева. Вероятнее всего, его и сделают основным подозреваемым: быстро выяснится, что при ограблении Пашка был единственным не идентом.

У поста ГИБДД за городом Табашников сбросил скорость. Облокотившийся на капот бело-синей патрульной машины инспектор болтал с сидевшим внутри напарником. Слегка подавшись вперёд, клюнул жезлом в направлении микроавтобуса. Не дожидаясь, пока инспектор подойдёт сам, Жёня побрёл ему навстречу, на ходу вызволяя из пасти тесного кармана права.

После обеда подморозило. Грязный блестящий асфальт засыпала мелкая крупка. Из лесополосы выскочила собачонка. Опасливо уклоняясь от пронесившихся мимо машин, собиралась перебежать дорогу. “Дела у тебя там, что ли?” — погладил собаку Жёня, кивнув туда, где на белой равнине темнели редкие постройки. Дела, кивнула в ответ собака. Вернее, просто опустила морду, как будто отвечала на вопрос.

Встретившись с гибэдэдэшником, сценарист хлопнул себя по бёдрам:

— Тороплюсь, командир — инструменты на дачу везу. Песок, цемент. За ремонт взялся, домик подделать. Там рабочие ждут.

Чубатый, похожий на казачка, инспектор продолжал двигаться к “Транспортеру”. Табашников заковылял с ним в обратную сторону:

— Если нарушил чего — отвечу. А давайте штраф заплачу прямо на месте? Рабочие ждут...

Ревнитель безопасности на дорогах, заглянув в боковое зеркало “Фольксвагена”, поправил шапку с кокардой:

— Что везёте?

— Говорю же — инструменты, цемент...

— Покажите.

— Командир, я что нарушил-то?

— Показывайте.

— Пожалуйста, — Женья с усилием отодвинул поцарапанную дверь.

— Брезент откиньте.

Сценарист остался стоять.

— Брезент откинь, говорю!

Поднявшись внутрь, “казачок” сам сорвал с бесформенной кучи на полу грубый покров в грязных пятнах. Задыхаясь, потянулся к кобуре.

— Я вам сейчас всё объясню, — спокойно сказал Женья, просто чтобы что-то сказать, и не торопясь поплёлся к кабине.

Выпрыгнувший за ним с пистолетом в руке инспектор замахал напарнику, оставшемуся в патрульной машине.

Обойдя микроавтобус, Табашников нащупал между сиденьями Пашкин “Макаров”.

“Казачок” кричал, собачонка перебегала дорогу, от поста к ним ехала машина со вторым милиционером.

Кому и что докажешь теперь? — подумал журналист. — Перестрелять гаишников? Это он сможет быстро. Но он не убийца.

Женья сунул дуло пистолета в рот. Заметил набившуюся за день под ногти грязь. Вспомнил, как в детстве мама Инна чистила ему ногти, приговаривая: “Чьи это лапки маленькие? Чьи это тёпленькие лапки? Нашего котика лапки...”.

В июне “Тьма” пошла по кругу. “Ба! Знакомые всё лица!” — воскликнул профессор Артоболевский, неделю не заглядывавший на сайт по причине сильной загруженности в университете. А безутешный Кербис в ставновившихся всё более редкими интервью с горечью жаловался: все нашли всех. Он усилил рекламу, но результатов не добился.

Мамкин, стремясь предупредить затухание оборотов исполинского маховика под названием “Лицевой счёт”, действовал по принципу “всё на продажу”. Он до последней капли выжал историю с Белсинкра-банком, где был замешан сценарист его шоу Евгений Табашников. Сорок пять миллионов украденных евро позволяли назвать этот случай ограблением века. Предприимчиво заграбастав ситуацию в свои руки, Константин Юрьевич первым получал информацию от сотрудников “Двойного” отдела, занимавшихся происшествием, и выдавал эксклюзив на экраны. В студии у Игоря Тихонова перебивали жена Табашникова, мать Павла Бузлаева, злобный бухгалтер Миланской дизайнерской фирмы одежды Джованни Теналья и задержанный в гастрономе Елисеева старший научный сотрудник Национального географического общества США Томас Рэйнуотер. Американца узнала кассирша, за день до этого возвращавшаяся из Анталы и видевшая в аэропорту фоторобот.

Узнав, что араба, которого “слил” Теналья, не выдают власти Саудовской Аравии, хитрый кладоискатель вернул российскому государству только три миллиона евро. По его словам, остальные у него умыкнул негодный пайщик Абдураззак абу Шакур Ибрахим ибн-Язид. Однако следствие располагало фактами, что Рэйнуотер деньги благоразумно спрятал. Частями по разным тайникам. Знать бы только, по каким. Но расколоть исследователя подводного царства профессионалам “Двойного” отдела так и не удалось. Скорее всего, миллионы Томаса Рэйнуотера лежат сейчас по всей Москве, как клады, ещё ждущие своих отважных искателей.

Но, несмотря на все усилия Мамкина, рейтинги стали показывать постепенное увядание интереса к его реалити-шоу. Выступая в очередном эфире программы, Максим Ксенофонович объяснял причины стагнации маниакальным, гиперинтенсивным характером данного уникального явления.

— Охват оказался неправдоподобным, — говорил Артоболевский, — в процесс сразу втянулось всё население планеты, за исключением диких племён или каких-то совсем уж невероятных маргиналов.

— А что изменилось бы, если б человечество предлагало себя “Тьме” не так навязчиво? — обнажил арктически белые зубы Игорь Тихонов.

Артоболевский скрестил на животе пальцы:

— Думаю, при большей растянутости во времени у людей имелся бы постоянный запас, благодаря которому успевали бы подрасти те, кто заполняет своими лицами овалы “Тантамаресок”. Теперь же следует либо заморозить всё хотя бы на несколько лет, пока повзрослеет новое поколение, либо забыть о “Тьме” вовсе. Но для меня как для учёного, Игорь, важно в первую очередь то, что вултология обладает сейчас таким количеством материала, которого учёным хватит на много-много лет вперёд. А наука, откуда ни посмотри, превыше потехи.

В автосалон на проспекте Маршала Жукова вошёл вахлацкого вида мужичок в оранжевой майке с надписью: “Федерация хоккея с шайбой Ханты-Мансийского автономного округа Югры”. Обойдя несколько раз ряды автомобилей, сквозь стекло заглянул в кабину большого пикапа, приставив, чтобы лучше было видно, ладонь козырьком ко лбу.

— Вам открыть? — подскочил к посетителю служащий автосалона с прицепленным к лацкану пиджака значком в виде двух переплетённых овалов.

Мужичок постучал кулаком по крылу пикапа:

— Хороша машинка. И кузов вместительный — удобрения возить. Только дороговата.

— Столько стоит, — сразу потерял к посетителю интерес продавец. Таких зевак, принимавших автосалон за музей, он каждый день видел десятки.

— Да деньги есть! Мне тут недавно дурачок один за аварию сто тыщ дал. Представляешь, в “запор” мой въехал — и сто тыщ. Еву!

Продавец вздохнул.

— Да честно! Чего не веришь? Я баньку переложил, пристройку из кирпича заварганил, то-сё. В Таиланд вон всей семьёй слетали, жену подел. Мне не хватает-то пять тысяч всего.

— Таких скидок мы не делаем, — снова обрёл интерес к покупателю сотрудник персонала. — Посмотрите другие модельки. Вон та, например, очень хорошие характеристики имеет.

— Да мне эта нравится. Кузов под удобрения... И не хватает-то, считай, немного. Может, всё-таки можно?

Продавец сочувственно покачал головой. Сплюнув, мужичок в сердцах долбанул по крылу кулаком:

— Твою матушку! Ну чего бы ему сто пять тысяч было не дать, а?! Мне бы тюленька в тюленьку хватило. Так не дал же, зараза!

г. Алматы.

Лариса МАРТЫНОВА

“Ждите ответа...”

Пространство

Вариации на тему апорий Зенона

1.

Когда-нибудь я напишу об этом чёртовом пространстве всё, что надо, чтобы не заорать от ужаса. Булькающие квазары, чёрные дыры. Улитки-галактики расползаются в разные стороны. Пустота изначально враждебна всему живому.

Нелегко любоваться пейзажем. Зелёная трава-паутина, прибрежные кусты и река завязываются узлом, а потом скрючиваются в точку. Так бесследно исчезли 20 лет моей жизни с голубыми пелёнками, сказками, томиками энциклопедий, “гроссбухами” немецких словарей, бидончиками садовой малины. В этой точке теперь живут мои молнии. Они, как стрелы, летят над крышей дачного домика. Уютно шуршат мыши и ветер. Там теперь нора для всех мышей. И это ужасно и бессмысленно.

Может быть, когда-нибудь я смогу забыть, как 7300 вечеров, рассветов и ночей прополоскались в мутном весеннем половодье по гальке, веткам и корягам, мимо сонных рачков и пучеглазых рыбин, одуревших от зимней спячки.

(А флейта колдуна-крысолова лежит до времени в бархатном пыльном футляре).

2.

Помоги мне, Зенон Элейский, не проклинать это пространство! Возможно, ты первый догадался, как изловчилось оно свёртывать нас в самый неподходящий момент. Ты посылал быстрого Ахиллеса вслед за его черепахой, и лучший из ахеев не мог догнать ничтожную неуклюжую тварь, пока не согласился с законом насильственной дискретности. Как бежал он, ошалевший от ран и боли! Как рвал на части мою Вселенную! А реке не хватило живой плоти, чтобы выкормить своих мутантов-рыбёшек. Все мудрецы Востока научат ли такой отрешённости и умению покорно растворяться в реке?

(А лицо колдуна мелькает среди ветвей и кружит по воде над тобою в последней точке-мгновении).

Никто не знает, когда твои лёгкие наполнятся воздухом, и ты вновь почувствуешь себя Ахиллесом, бегущим за черепахой, или маленьким лемуром в жаркой саванне, который очнулся от обморока после очередного кульбита на ветке.

Выручи меня, великий Аристотель! Твоя земля не уплывает из-под ног, а купол неба прозрачно-хрустален. Звёзды не сжигают, но украшают небесную твердь до тех пор, пока ересь Джордано Бруно и Галилео Галилея не расшатают

**Лариса
Ивановна
МАРТЫНОВА**

родилась в г. Кемерово. Живёт в Усть-Каменогорске. По образованию градостроитель. Работает по специальности в колледже и Восточно-Казахстанском музее искусств. Печаталась в областной газете “Рудный Алтай”, журнале литобъединения “Звено Алтай” “Восток”, журнале “Простор”. Постоянный автор “Нивы” с 2005 года.

всю прекрасную конструкцию. Когда орбиты планет и само движение казались безупречными, как часть Божественного замысла, Риман и Лобачевский уже ввергли нас в водоворот лекальных воронок, а сейчас конвульсирующий электрон, который вообще не может определиться на орбите, уже представлен общественности как главный бегун и Ахиллес. И ему всё равно, жив он или умер и где находится его дом (то бишь орбита), а где — могила, — очередной энергетический провал. Мы навсегда лишились роскоши Божественных интерьеров и коммунального уюта механической Вселенной.

3.

Когда вы в последний раз видели ангела или циничного чертёнка? Рогатенький и мохнатый ловец наших ошибок ещё даёт тебе некий шанс проснуться, вынырнуть из реки времени на очередную охоту за черепахой, но зелёные твари, летающие в “тарелках”, озабочены только проблемами экологии. Шастают по полям со своими циркулями, пасут наших коров, имеют свою “группу поддержки”. На вершине планируемой пищевой пирамиды они, естественно, видят только своих. А ему, летающему зелёному Ахиллесу, важны не наши античные пропорции. Почему у лягушки искривляющийся язычок? Только для того, чтобы ловить мошек. А дуреет она от плоской луны и скачет получше черепахи в Евклидовых координатах от кочки до кочки.

Зачем так много правил и энциклопедий? Зачем холодная лягушачья лапа сжимает сердце в такую же точку? Оглянись, Ахиллес! Не туча, но тень Черепахи, более гигантской, чем ты можешь себе представить, закрыла солнце. Твоё тело, которое может служить моделью для Праксителя, в беге, достойном победителя Олимпийских игр, с Её Кочки кажутся конвульсией червяка, предназначенного на обед! Скоро, скоро будет очередной дискретный перерыв, предусмотренный провал с орбиты (ведь ты не лучше электрона).

Иначе ты никогда не догонишь свою черепаху, потому, что пока безупречно продуманная мускулатура расправляется в очередной не менее безупречный прыжок, серая тварь уползает ещё чуть-чуть, и кусочки пространства, пусть бесконечно малые, остаются между вами. Навсегда!

Великий бегун и охотник сам должен стать добычей для Другого, чтобы бег за дичью не растянулся до бесконечности.

4.

В этом, мягко сказать, чёртовом пространстве, что делать тебе? Нырнуть на самое дно, чтобы стать Ахиллесом другого разряда? Выкормить стаю мальков, которых поймает такой же мальчишка, чтобы поджарить их на обед, и лучше бегать, когда придёт время его охоты?

Всё логично и понятно, если забыть, что всё это время Эйнштейны и Гегели путаются под ногами у жертв и охотников, а глупая черепаха грустит у разорённого гнезда, а мать Ахиллеса никогда не узнает, кто повинен в смерти её сына.

Перезревшая малина падает на землю мягкой горкой, пчёлы гудят в листве. Ветер разносит горячие запахи лета. Ахиллес на бегу рвёт малину горстями.

Черепахе достанется то, что упало на землю, Главный дизайнер ландшафта караулит их обоих. Только жадный сом под корягой терпеливо ждёт, когда Крысолов снова обидится на горожан. Скромность отшельника и зелёная тина ничуть не мешают ему следить за порядком, ведь назначение его было тайным. Кто готовил столь прекрасные декорации?

Смотри, как бежит рябь по воде, как поток шумит на перекатах. Золотая стрекоза кланяется на былинке, не замочив лапок. Стоит услышать кваканье майской лягушки. Лунная дорожка, как липкая лента, тянется поперёк течения прямо к твоим ногам. Огоньки мелькают, звёздочки падают в воду. Для увертюры нужен только один инструмент — флейта. Всё остальное — настолько неэстетично, что и думать об этом нельзя. Вот там-то, очевидно, и начинается провал, обрыв пространства, когда даже электрон уходит со сцены, чтобы не слышать, как отвратительно чавкает Главный Сом. Луна разрывается от боли на тысячи осколков.

Где-то, в запасниках, новая синева атласно раскручивается от горизонта. Всё дышит озоном, как после дождя, тщательно промыто и прополоскано. Майская листва не подозревает, что осенью она пропитается бурыми пятнами крови, потому что даже сам Учредитель пространства соблюдает его законы и не гнушается быть жертвой.

Больше всего жаль черепаху. Её печаль неизбежна. Может быть, только поэтому ей позволено иметь свой маленький купол. Под ним она и прячется время от времени, когда хруст яичной скорлупы становится совсем уж невыносим.

Помоги ей, Зенон Элейский, не проклинать это пространство, иначе большой купол неба, как скорлупа, будет раздавлен предусмотренным Сверхахиллесом. И только безутешные слёзы некоей Надчерепахи прольются на Землю очередным всемирным потопом.

Рынок Алматы

Персики

Золотистого персика бочок подкрашен карминно и кокетливо, но только с одной, солнечной стороны. Здесь эти рыжие вместе, в лотке, и уже непонятно, где восток, а где — запад. Только поэтому их пушистая мякоть непроизвольно вызывает желание одним укусом прекратить это липкое помешательство.

Малинка

Да, не Сибирь! Скромный стаканчик малинки с пыльных окраин. Не туесок. Не говоря уж о том, что в аромате домашней малины нет и особого изыска, от которого сердце замрёт, как от встречи с Хозяином этой малины в лесу.

Зелёные огурчики

Маленькие зелёные огурчики, пупырчатые от страха, лежат в коробушке плотно и тесно. Так и хочется отправить письмо куда-нибудь в ООН главным “зелёным”. Ведь не дают доспеть! Чем они хуже ягнят, которых убьют на каракуль?

Картошка

Вот картошка, такая, как есть: грязноватая, рядом с другими плодами. Бликовать и лосниться не надо. Белый крахмальчик её совершенно вне конкуренции: и для фрака, чья манишка топорщится тем же крахмалом, и для тех, кто нуждается просто в Еде. Любой.

Всех щенков обогреть невозможно,
Всех голодных детей накормить.
Научитесь в неведение ложном
Мимо них по утрам проходить!

Закрывайте железные двери, —
Их назойливый тонкий скулёж
Мне мешает по-прежнему верить
В то, что мир этот, в целом, хорош!

Даже ветер осенний — романтик.
Дождь уютно стучит по стеклу.
Настороженный мопс, томик Данте,
Граф Толстой, не поддавшийся зву, —

Минимальный духовный наборчик.
От добра не ищите добро.
За ночь заплесневевшую корочку
В мусорное кидаешь ведро.

Что поделаешь, — цивилизация.
В этом круговороте вещей
Где-то будет последняя станция,
Пробирающий до костей

Холод, только уже не собачий,
Дверь, ведущая в Никуда.
Шар Земной — мой резиновый мячик,
Солнце — ёлочная звезда, —

В непроглядную тьму закатились.
Главный Мусорщик, не торопись.
Мне твоя первозданная милость
Там дороже, чем целая жизнь.

Может быть, как щенок у порога,
Буду ждать: приоткроется дверь,
И Хозяин, под именем Бога,
Скажет: “Ты не бездомный теперь!”

Всепрощения, радости хочется.
По-японски компьютер урчит.
Но за дверью опять кто-то топчется
И в подъезде тихонько скулит.

Ждите ответа

1

В этой чашобе
Все ветви заняты
Птицами,
Выкормленными до ленности.

Тесно — ещё бы!
В сумерках памяти
Взвиться бы в небо
И тело своё нести

В этой стране
Все барханы Сахары,
Здесь побывали
Юный и старый.

Вверх, над бутонами
Цепких семян
Липких корней
На полях и пригорочках.

Море — изнанка
Пустыни любой.
Птица-приманка
Зовёт за собой!

3

Ты подожди
На границе двух стран
Возле морей,
Просолённых до корочки,

Если под тяжестью
Ветвь обломилась,
Шариком ртути
Упала планета, —

Поверху белых
Бурунчиков волн,
Там, где колышется
Пена времён.

Будет проявлена
Высшая милость:
Ждите ответа!
Ждите ответа!

2

Только один
Телефонный звонок
Стоит дороже,
Чем десять верблюдов.

Странны до жути
Эти порядки.
Кто там у корня? —
Грызун ли, —
Садовник?

Прямо на коврике
Спят возле ног
Не псы, но поэты —
Лучшие люди.

Ждите ответа
В последней минуте.
Ты ещё юн
Для того,
Чтобы помнить!

Предчувствие зимы

Вы, теплокровные,
Трепещите!
Каждый кленовый лист —
Ваше сердце —
Поневоле научится
Наступающей снежности
На осеннем ветру.

Наше время
 Как бельё на верёвке:
 Болтается
 где-нибудь
 Между окнами и облаками.

Мокрые простыни
Переполнены снами.
Остывающее прошлое
Вместе с нами
Положится возле
Сиреневых гроздьев.

Верёвочки гравитации,
Звёзды-гвозди,
Купол хрустальный
Предусмотрены изначально.

Майский воздух —
Дыхание невидимого Творца
Кружит головы
Школьницам и подлецам.

Лестница
У восточной трубы
Выворачивает ступени:
Поднимись к облакам,
Там, в безветренной лени,
Лишь сияние месяца!

Обдирая колени,
Будней ржавчину от сердца,
Пленник времени тленный
В небожители просится.

Правило “Ваби”*

1

Русский — хмельного,
А маленький грустный японец —
Яркий цветок
На последние деньги возьмёт.

Тень домового
По заводям льдистых оконеч,
Горный поток —
В глубине хризантемы плывёт.

Синие тени
Торопятся, словно живые,
Узкой тропинкой
Безумный пройти камнепад.

В заводях лени
Русалки, как рыбы большие,
Жадными взорами
Жертву хмельную следят.

Берег забвенья,
Где очи-цветы распустились,
В синих цветах —
Страусиные перья склонились:
Тайны Вселенной
В одной хризантеме хранят!

2

Правило “Ваби”
Тысячу лет неизменно:
“В роскоши сада осеннего
Истины нет,
Тайны Вселенной
Хранятся в одной хризантеме,
В зарослях буйных
Теряется солнечный свет!”

3

Длинный и тонкий,
Один для поэтов и нищих,
Ломтик лимона-луны
Над землею плывёт.

Тень незнакомки
Поэт неприкаянный ищет,
Грустный богач
Расцветающий сад стережёт.

Остров Печали,
Где встретятся этот и тот!
(Сад опустевший,
Как хмель,
Разьедающий мысли).

4

В окнах богатых
Бессонница не исчезает.
(В роскоши сада осеннего
Истины нет),

Тонкий ценитель простого
Свой сад обрезает,
Ветер холодный
Срывает последний цветок.

Я то правило
Тоже нарушить не мог!

“Саби”*

Паучок, хранитель “Саби”, —
Чёрной Вечности пыльца,
Вьёт усталые морщины и узоры паутины
Без начала и конца,

Под завесой лет скрывая
Прелесть юного лица.
Проходящая старушка —
Это вовсе не она.
Так под ржавчиной игрушки
Краска яркая видна.

Время, как султан ревнивый,
Всех красавиц соберёт,
А потом неторопливо
В сетке-парандже морщинок
За собою уведёт!

г. Усть-Каменогорск.

* Примечание. Принципы японской эстетики:

“Ваби” — красота в простом,

“Саби” — ржавчина, след времени.

Василий КОЛИН

Пять рассказов

Письмо

На Крещение ударили такие шальные морозы, что жизнь в райцентре почти совсем остановилась: закрылись школы, погасил огни кинотеатр, но главное — встали башенные краны, с помощью которых силами местного треста застраивался Западный микрорайон небольшого городка.

Для заведомо писем газеты «Знамя труда» Артёма Кочкина такой поворот событий ничего хорошего не предвещал, потому что новоселье опять оттягивалось на неопределённый срок.

«Ладно, — думал Кочкин. — Допустим, холода когда-нибудь всё равно закончатся. Но как быть с весенними праздниками? А ведь именно они больше всего выбивают из колеи».

Сидящий напротив Артёма сельхозник Птицын, будто слушая его мысли, задумчиво произнёс:

— Считаю, начиная с Нового года у нас то мёрзнут, то пьют, то ещё чего-нибудь вплоть до посевной.

Кочкин уныло согласился:

— Одни только мы и пашем.

Тут просунулась в дверь секретарша Томка.

— Кочкин, тебе корреспонденция — по-моему, будущие соседи сигнализируют.

Птицын засмеялся:

— Выходит, не одни мы вкалываем, на почте тоже ишаки есть.

Артём расписался в Томкином журнале, и на стол перед ним шлёпнулся голубой конверт, помеченный входящим номером поверх наклеенной марки. С минуту Артём разглядывал письмо, пытаясь угадать, что там внутри.

Птицын предположил:

— Может, про то, как запчасти воруют?

— А это мы сейчас посмотрим, — сказал Артём и расправил вырванные из школьной тетрадки листки.

«Здравствуйте! Пишет вам житель Западного района д. 19 кв. 56 Чекин Владимир Петрович.

Опишу, как получил квартиру».

— Ну, — нетерпеливо спросил Птицын. — Какие новости?

— Да пока обычные, — машинально ответил Кочкин. — Вроде радости хотят поделиться.

— А-а-а, — разочарованно протянул Птицын и стал рисовать в редакционном блокноте край леса, а возле — коттеджик с выходящим из трубы дымком.

«До этого проживали по ул. Февральская, 45. В начале августа пришла к нам женщина, описала дом и постройки, сказав, чтобы мы ожидали комиссию в начале сентября, когда дом будет снесён.

В конце сентября была комиссия — оценили дом, сказав, что ждите извещения и пообещав предоставить четыре комнаты, за что и снизили цену».

— Вот черти, — пробормотал Артём.
— Кого? — оторвался от художества Птицын.
— Строители, говорю, дурят нашего брата.
— Ещё как, — подтвердил Птицын. — Что нам стоит дом построить, нарисуем — будем жить!

И он начал любовно приделывать к коттеджику большой капитальный гараж.

Артём опять углубился в чтение.

“Начались заморозки. Я, встретив соседа, расспросил его. Он сказал, что был на инструктаже в райгазе и видел нашу фамилию (Чекины) в рамках переселения, а от самого разит самогоном.

Ради проверки фактов я послал в райгаз собственную жену, Чекину С. И., где её также оприходовали на предмет прохождения инструктажа, после которого указали в жилотдел.

Там она простояла с девяти до одиннадцати, а отпрашивалась на рабочем месте на один час.

Хотя сосед пьющий, но ничего не соврал, и жене передали ордер, который был уже выписан до того, как она пошла по инстанциям”.

Артём отложил письмо и мечтательно посмотрел на украшенное искрящимися узорами окно — дом, где ему светит квартира, обещали сдать во втором квартале. Конечно, надо быть реалистом и рассчитывать на лето...

— Если плясать от печки, — снова влез в его мысли Птицын, — то жильё ты получишь не раньше, чем после уборочной, а то и в декабре.

— Откуда такие данные? — покосился на коллегу Кочкин.

— Жизненный опыт подсказывает, — загадочно промурлыкал сельхозник, изображая рядом с гаражом рубленую баньку.

“И тут начались мои мытарства, — настойчиво пробивался к Артёму его будущий сосед Чекин. — Приехав в домоуправление Западного района, мне Федотова выдала смесители для ванной и ключи от квартиры, которыми еле открыли — из четырёх подошёл один. А смесители, ввиду их несуразности полдюймовым трубам, еле подогнали к переходникам.

Пройдя по квартире, увидел следующую картину: сразу на входе с потолка капает вода, штукатурка отлетела, а вместо её свежая замазка; в маленькой комнате обои раскручены по полу и разорваны, как будто их специально рвали, а стены сырые; в ванне патрубок сливной изломан, так и до сих пор деревянным чопиком забит, в туалете пустой бачок (без внутренностей) и рядом труба торчит.

В общем, я собрал, что мне выдали в домоуправлении (смесители так и не приобщили из-за отсутствия резьбы на горячехолодных концах), и понёс назад. Придя и рассказав Федотовой, она успокоила меня и сказала, чтобы я сходил в соседний дом, нашёл там мастера или прораба строителей и показал им квартиру, а сантехнические неисправности по ходу дела устранят их слесаря за недорогую плату. Поинтересовавшись о расценках, Федотова также успокоила меня тем, что уложусь в пол-литру.

В общем, пришлось мне побегать по стройке, как саврасому коню, но, исправив свою ошибку, маляры предупредили меня, что, раз стены мокрые, то обои держаться на них всё равно не будут, пока я не найду прораба, который отвечает за крышу.

Найдя и рассказав прорабу, он обещал самолично проверить, но, думаю, он ничего не делал, потому что у меня и сейчас мокры стены и начинает отваливаться замазка, не говоря про штукатурку во время весны.

В общем, после неполадок и их устранения (не всех!), я заселился по факту только одиннадцатого ноября, а газ был подключён двадцать четвёртого ноября, а туалет, несмотря, что я уложился аж в три пол-литры, позавчера, то есть шестнадцатого января уже этого года.

Пока молчу об жене, хотя публично снимаю ответственность за прораба, по вине которого, проходя под нашим балконом и вступив с ней в словесную перепалку, жена чудом как не кувырнулась с пятого этажа, облокотившись на ограждение. По данному поводу есть акт об некачественной сварке, тем более что ограда упала краем, а у того, может, и без нас были ушибы от предыдущих жителей”.

— Бред какой-то, — растерянно пробормотал Кочкин, потирая левой рукой высокий лоб.

— В смысле — радости полные штаны? — сочувственно поинтересовался Птицын.

— Какая радость! Здесь под суд кое-кого отдавать надо.

— Ишь, кровожадный. А жилищная программа? В государственном масштабе твои новосёлы всего лишь недоразумение, издержки производства.

— Здрасьте, — фыркнул Артём. — Живые люди, и вдруг — издержки! Так можно до чего угодно докатиться.

Птицын посмотрел на Кочкина поверх очков и стал выстраивать вокруг нарисованной усадьбы высокий забор.

“Выписавшись и прописавшись, я пошёл в ЖКО получить расчётную книжку, где мне посчитали за три месяца квартплату, то есть октябрь, ноябрь и декабрь. На все мои доказательства они реагировали так: квартплата изымается со дня получения ордера, так что они правы, а я — нет.

Выходит, что они приняли в таком состоянии дом — расплачиваться должен невинный житель квартиры. А не наоборот ли?

Прошу, дорогая редакция, вашей помощи во всём разобраться, а также наказать за очковительство жителей со стороны строителей и ЖКО.

Писал Чекин В. П., если надо, есть желающие также подписаться, только анонимно, опасаясь незаконченного ремонта со стороны прораба.

Постскриптум. Я находился в дневном стационаре с неврозом и по горячим следам к Вам обратиться не мог”.

Артём аккуратно положил письмо отдельно от других бумаг и, заложив руки за голову, стал раскачиваться в кресле.

— Ну? — вопросительно посмотрел на него Птицын.

— Баранки гну! — Артём раздражённо хлопнул ладонью по столу — Единственное, что я могу — это написать фельетон.

— Пиши, — согласился Птицын.

— А если в результате очередь на квартиру отнимут?

— Тогда не пиши, — скучным голосом произнёс Птицын, зевнул и начал добавлять к рисунку красивые кучевые облака.

Найда

Больше всего на свете она стремилась любить хозяина, несмотря на то что он часто напивался и бил её, пиная тяжёлыми сапогами по морде и в живот. Она даже не просила у него еды, а ходила в людные места, где заглядывала прохожим в глаза, и те кидали ей что-нибудь съедобное. В благодарность она кружилась на задних лапах, а кто-то говорил, смеясь и показывая на неё пальцем:

— Во даёт!

Иногда, наевшись, она приносила в зубах булочку или кусок рыбы и оставляла на крыльце, а утром хозяин, хмурый и злой, обнюхивал её добычу и уносил в дом. Однажды собака притащила почти целую палку копчёной колбасы. Хозяин долго смотрел на деликатес мутными глазами, потом понюхал и отодрал зубами кусок, после чего сказал:

— Молодец, тварь.

Услышав в его голосе человеческие нотки, дворняжка радостно завертела хвостом и, высунув язык, подползла к ногам. Ей очень хотелось, чтобы хозяин сказал что-то ещё, и, может быть, даже потрепал загривок. Но вместо этого он снова пнул её под ребро и злобно крикнул:

— Пшла вон, падла!

Из-за постоянных побоев она оценилась мёртвыми уродцами, их вместе с соломой хозяин сжёг посреди двора. С тех пор собака по ночам лежала на кострище и тихонько поскуливала.

Вечером, когда пришли гости — двое угрюмого вида — ей почему-то стало особенно тоскливо. Усевшись под окном, из которого доносились нетрезвые голоса, она пыталась выть, но в неё тут же полетели всякие предметы, а один из пришедших, выйдя по нужде в полуразобранный на дрова амбар, запустил оттуда вилами и проткнул ей бок. Она завизжала от боли и, оставляя в пыли дорожку из крупных алых капель, ушла в бурьян, где осторожно зализала ранку и съела несколько стебельков травы.

Никто её не учил этому, но каким-то образом она сама узнала по запаху, какую именно траву надо съесть, чтобы утихла боль.

Под утро она не вытерпела — тоска заполонила всю её собачью душу, и казалось, что вот-вот разорвётся на части её маленькое сердце. Настороженно обнюхивая воздух, стараясь поменьше ступать на ту лапу, где болел бок, собака подошла к самой двери и вслушалась: вокруг шла обычная предрассветная жизнь, но внутри дома стояла необычная пугающая тишина.

И опять она непонятно как осознала, что нужно сесть возле порога и завывать так страшно и безысходно, чтоб у самой от жуткого плача шерсть на загривке встала дыбом.

Первым не выдержал дед, у которого жила в дощатом сарае добрая молчаливая лошадь. Собака не то чтобы общалась с лошадью, но при встречах они приветственно помахивали хвостами, и этого было достаточно для взаимных симпатий.

Дед сначала глухо выматерился через форточку, а потом скрипнули петли, слышно было, как он шаркающей походкой подошёл к забору и матюнулся уже громче, но не злобно, а вроде бы с некоторым испугом. Собака завывала ещё пронзительней.

— Да уймись ты, холера, язви ты в душу, — уже встревоженно проворчал старик и направился к калитке.

В это время появился другой сосед, в руках у него белела увесистая палка. Где-то недалеко громким шёпотом прозвучал взволнованный женский голос:

— Надо участкового позвать — собачка-то не к добру воет.

Дальше события развивались совсем плохо: когда дворняжка вслед за тапаящими ботинками проникла в комнату, она увидела хозяина лежащим на полу в луже подсыхающей чёрной крови. Рядом валялись те самые вилы, которыми незнакомец проткнул ей бок.

Собака оцетибилась и зарычала. Её тут же выгнали вон, причём снова больно пнули сапогом почти туда, где нестерпимо жгло.

Уйдя в бурьян, она полизала проткнутое место (после пинка оно распухло, и малейшее движение приносило невероятные страдания), затем с трудом уместилась на измятых лопухах и затихла. Однако, несмотря на полуобморочное состояние, она видела, как подъехала закрытая машина и хозяина, укрытого с головой, занесли в мрачную темноту кузова откровенно пахнущие люди. Их запах донёс ветерок, и собаку стошнило. Потом ей захотелось пить, огонь, полыхающий в боку, добрался до головы, обжёт все внутренности и даже лапы, и, сгорая, она уткнулась горячим и сухим носом в собственную тень.

Она не знала, сколько времени пролежала в таком состоянии. Видимо, когда-то шёл дождь, потому что шерсть оказалась мокра. Собака попыталась встать — получилось, но бок всё ещё сильно болел. Она поковыляла в сторону магазина, где снова легла на здоровую половину своего тела, и язык выпал на землю — так ей было легче дышать.

Кто-то поставил перед ней жестянку с водой, кто-то бросил кусок хлеба — собака ни к чему не притронулась.

Вдруг чья-то ласковая рука провела по собачьей спине. Дворняжка приоткрыла глаза и увидела женщину, сидящую возле неё на корточках.

— Найда, — участливо сказала женщина, и собака дружелюбно шевельнула хвостом.

— Найда, пойдём со мной. — Женщина встала, сделала несколько шагов и оглянулась — собака хромала следом.

Они начали жить втроём: Найда и женщина со взрослым, за тридцать, сыном, от которого часто пахло водкой, как и от бывшего хозяина; но имелось и различие — новый ни разу не ударил собаку. Наоборот. В те дни, когда он бывал пьян, дворняжке жилось особенно вольготно. Парень щедро угощал её вкусными косточками или пирожками, которые откуда-то приносил в пластиковых пакетах. И разговаривал он ласково, почёсывая у Найды за ухом:

— Ничё, Найда, мы тебя откормим и на ноги поставим. Ты у нас ещё плясать будешь.

Собака доверчиво засматривалась в его глаза, улыбаясь при этом широко раскрытой пастью с высунутым набок языком.

Но сильнее всего Найда привязалась к матери. С первых же дней, как только у неё улучшилось самочувствие, дворняжка старалась всегда быть рядом с той, которую полюбила больше жизни.

Всё ещё прихрамывая, собака сопровождала женщину повсюду — на почту, в магазин, к соседке... Лёжа где-нибудь в прохладном закутке, она терпеливо ждала свою хозяйку и никакая сила не могла прогнать её с этого места.

Однажды женщина уехала на электричке, и её не было около двух суток. Правда, перед тем, как сесть в вагон, она посмотрела собаке прямо в тёплого цвета зрачки и сказала по-доброму, но всё-таки с повелительными нотками в голосе:

— А сейчас — домой! Ты поняла меня, Найда? Домой!

Конечно, Найда отлично поняла приказ и даже в знак согласия взвизгнула и повиляла лохматым хвостом, но... потом пролежала на перроне до возвращения хозяйки головой в ту сторону, где за поворотом скрылся поезд. Хотя нет. Нельзя сказать, чтобы так уж и пролежала. Как только к

станции с нужного направления подходил очередной состав, Найда поднималась и бежала встречать самого близкого ей человека. Она бегала от вагона к вагону, волооча лапу и не обращая внимания на тычки и пинки со всех сторон, обнюхивала приезжавших и заглядывала им прямо в лица.

После этого случая хозяйка, отлучаясь надолго, стала закрывать собаку в деревянном сарайчике, где та жалобно скулила и отказывалась даже от любимых косточек.

Осенью, повинувшись мощному зову инстинкта, Найда прибилась к стае и несколько дней скиталась, сопровождаемая кобелями, по оврагам и бугоркам, ночуя иногда на чужих сеновалах. Когда она вернулась домой, хозяйка обрадовалась, долго гладила её по виноватой спине и взъерошенному загривку. В голосе женщины одновременно сквозили и нежность, и укор, и оттенок некоторой обиды.

— Ну что же ты, Найда! Где же ты была? А похудела-то, Господи...

В ответ Найда лишь преданно облизывала хозяйкины ладони и шевелила опавшими боками. С той поры у неё потяжелела походка и стал округляться живот.

День ещё не начался, а с неба обрушился снегопад. С утра, по темноте, крупные хлопья, как ватой, облепляли деревья, заборы, провода... В жёлтом свете фонарей снежинки выплясывали в пространстве изысканные фигуры, кружились, подчиняясь особому, только им известному ритму, и мягко опускались на землю, а воздух был свеж и приятен на вкус.

Пахло арбузами.

Найду опять закрыли под замок. Она так и пролежала на старом тряпье до обеда. В полдень двери широко распахнулись, и в проёме качнулся хозяйкин сын.

— Найда, — позвал он ласково. — Выходи гулять.

Он был пьян, кроме того, в голосе чувствовалась фальшь.

Собака насторожилась, на всякий случай поводила носом, но хвостом вильнула приветливо, как всегда.

— Пойдём, Найда, — уговаривал парень. — Я тебе косточку дам.

Он оставил сарай открытым и ушёл в дом. Слышно было, как скрипел под его ногами свежий снег.

Найда подошла к порогу и ещё раз принялась — вроде бы ничего, всё нормально. Она вслушалась: странные посторонние звуки доносились из-за ворот. Собака вышла во двор и несколько раз тявкнула.

— А вот и косточка! — хозяйкин сын неожиданно выскочил на крыльцо, как чёрт из табакерки, и кинул собаке говяжье ребро.

Снегопад прекратился. Подмораживало. Яркое холодное солнце резко поделило мир на ослепительный свет и тёмные контуры теней...

Найда с косточкой хотела было войти обратно в сарай, но хозяйкин сын, неуклюже переступая, опередил её, захлопнув дверь перед самой мордой. Собака с недоумением посмотрела на него, и человек отвёл глаза в сторону.

С улицы постучали:

— Запускай, хозяин!

Парень неуверенной походкой направился к воротам, отодвинул застав. Во двор ввалилась шумная компания. Найда бросила кость и предупредительно заворчала.

— Свои, Найда, свои, — заплетающимся языком успокоил её хозяйкин сын, после чего присел рядом и погладил собаку. Рука парня дрожала,

мелкая нервная дрожь пробежала и по дворняжке. Она ощутила опасность, но пока не могла понять, от кого именно исходит предчувствие беды.

Всё встало на свои места, когда во двор зашёл ещё один человек. На блестящей никелированной цепи он вёл чёрного с белыми мощными лапами широкогрудого питбуля.

Один из пришедших сунул хозяйкиному сыну скомканные деньги:

— Беги пока в магазин, водку хорошую купи, подороже которая. Да пожрать не забудь взять.

— Вы это... Чтобы всё путём... Несильно, — сбивчиво и безвольно лепетал хозяйкин сын, стараясь не глядеть в сторону Найды.

— Ты дуй за водярой, — грубо оборвал его человек с питбулем. — Ничего с твоей дворнягой не случится. Первый раз, что ли.

Найда попыталась проскользнуть на улицу вместе с хозяйкиным сыном, но ей преградили путь:

— Куда ты, сучка!

Она, отчаянно визжа, забилась в угол двора, затравленно озираясь по сторонам.

Питбуля спустили с цепи, послышались крики “фас!”, кто-то крикнул пронзительно, остальные заулюлюкали.

На мгновение Найде удалось посмотреть в глаза чёрной собаке. В них была решимость и холодная смертельная пустота...

Женщина плакала, размазывая по лицу недорогую косметику. По всему двору яркими бутонами на истоптанном снегу цвели красные пятна крови. Собака была ещё жива. Она пыталась даже лизнуть любимую руку, но из-за сломанной шеи не смогла и только виновато шевельнула хвостом: прости, мол, хозяйшшка, видишь, какая со мной оказия приключилась.

В приоткрытую форточку доносился пьяный храп сына.

Через несколько минут сердце дворняжки перестало биться, грудь её опала, лишь набухший живот ещё некоторое время вздрагивал — там медленно умирали так и нерождённые собакой щенки.

Маета

Тяжелее всего лежать в больнице в мае, когда через распахнутое настежь окно врываются в палату пьянящие запахи свежей листвы, а по вечерам из роскошной темноты больничного сада слышен звенящий и счастливый девичий смех и возбуждающий до корней волос стыдливый шёпот.

В один из таких вечеров привезли на “скорой” старого-престарого деда с небесно-голубыми детскими глазами. Он был немощен и двигался с трудом, а потому фельдшерица под руки довела его до палаты и уложила на узкую железную койку. Следом, стуча клюкой, вошла старуха в долгополой опрятной фиолетовой юбке и с огромной сумкой в костистой, почерневшей от времени, руке.

— Здравствуйте, люди добрые, — приветствовала она больных, которые с любопытством пялили глаза на странную пару.

— Занедужил мой старик, силушки нет. Чтой-то обрушилось в ём и таперича болит и болит, а иде болит — незнамо. Вроде, как везде, однако, пуще всего, кажись, душа мается, — всё это она объяснила между делом, расставляя в крашенной белилами тумбочке склянки, пузырьки, баночки, извлечённые из сумки.

Воздух за окном сгустился, набух, сквозь его сырость было видно, как в опрокинутом небе плавится, истекая золотым светом, круглая луна.

У кого-то громко тикали часы.

— Да, чего уж там, старость, как говорится, не радость, — прозвучал из угла чей-то сиплый прокуренный голос, рядом раздался другой, помоложе:

— Я один раз у свояка накирлялся, так тоже потом сильно мучился: вроде всё тело наизнанку выворачивает, а начинаешь щупать себя — нигде ничего. Фиговое это дело, когда душа.

Некоторое время все молчали, только слышно было, как тикают часы, сдавленно постанывает старик да шебаршится возле него старуха. Затем из другого угла вырвался свистящий, с надрывом, хрип:

— Дурак, — и опять стало тихо.

Вошла медсестра, щёлкнула выключателем. Резкий свет сразу нескольких электрических лампочек, висевших в ряд, заставил всех повернуть головы в её сторону, а некоторые даже приподнялись на локте. Нарочито громко — так обычно разговаривают с иностранцами и глуховатыми людьми — медсестра сообщила старухе:

— Вот сюда, бабуля, утром соберёте дедушкины анализы. Видите палочку? Сюда по большому, сюда — по маленькому, а это для мокроты, — старуха засуетилась, стала расставлять мензурки, словно фигуры на шахматной доске, стараясь запомнить, что куда.

Дед мигал на медичку белёсыми ресницами, молчал. От яркого света глаза его заслезились, заблестели. Дрожащей рукой он вытер их и отвернулся к стене.

Сестра вышла.

Стало темно и красиво от луны. Где-то далеко-далеко звучала магнитофонная музыка.

— Завтра буду проситься домой, — решительно, будто подводя черту в споре, сказал молодежавый голос. — Такие “тёлки” по улицам ходят, а тут лежишь, как подстреленный. На фиг надо... А не выпишут — сбегу.

Немного погодя сквозь тиканье часов продрался свистящий шёпот:

— Дурак!

Кто-то шумно вздохнул, сразу же закашлял. Голос в углу приглушённо выругался.

Тяжело заворочался старик.

Старуха тут же встрепелась, зашептала что-то над ним, её и без того сгорбленный силуэт, похожий на большую чёрную птицу, почти сравнялся с контуром старика. Наконец она уложила его поудобней, распрямилась.

— Уж лежал бы тихо, окаянный, — виновато пробормотала она, — людям спать не даёшь.

Старик дышал тяжело и часто. Его всхлипывание вплеталось в тиканье часов и далёкую музыку, и получался необычно странный звук.

С улицы простучали по асфальту женские каблочки.

— А какие деду возрасты будут? — спросил с участием сиплый голос.

Стало слышно, как остальные заинтересованно скрипнули кроватями.

Старуха помедлила, наклонилась ещё раз над стариком, поправила подушку под его голову и ответила, обращаясь ко всем:

— Девятый десяток разменявши. Ох и намаялась я с ним за свой век. Партейный ведь он у меня. И шebутной, джeшeбутной, — последние слова

она произнесла устало, но и как бы с ноткой гордости. — Бывало, когда молодой-то был, в каждую бочку затыкался. Уж и стреляли в его, сердешного, и зарубить в одночасье грозились, ан нет! Ему всё одно надо свою линию гнуть. Шобутной!

— Это кто же, к примеру, покушался на твоего деда? — не унимался сиплый.

— Известно кто. Кулаки да подкулачники. Он их контрой звал. Советская власть тут-о-ка, считай, под его леворвертом установлена. Он ведь у меня строгий был, его все боялись, а значит, и не любили. Намаялась я с ним, — старуха высморкалась в платок. — Он и меня грозился порешить, коли не перестану в Бога верить. Так я сколько годков, почитай, крадамчись у церкву ездила. Это уж он потом отмяк, когда на пенсию вышел. Разрешил Богородицу на комод поставить, а поначалу строгий был, шобутной.

Майская ночь за окном бушевала вовсю. В глубине сада рубиновыми звёздочками вспыхивали огоньки сигарет, отчётливо слышался каждый шорох, порой даже угадывался нежный шелест шёлка по горячему молодому телу и мерещились долгие — взасос — поцелуи.

— Случаем, дед твой не Крайнов ли по фамилии? Ежели так и есть, то я знаю его, — подал свой голос из угла сиплый.

— Он самый, Крайнов, Иван Евдокимыч, — обрадовалась старуха. — А и как его, бедового, не знать. Я же говорю — вся округа тряслась. Крутой был, как кипятик, шобутной.

— Слышал, слышал, — подтвердил сиплый. — Он отца моего под вышак подвёл, а мать босую из дома выгнал, когда имущество конфисковали. Померла она после этого. Зимой дело было. Мы с братьями по чужим людям росли, работали на них, а сестрёнку — в детдом. Так и сгинула где-то.

От окна потянуло предутренним холодком, луна теперь исчезла, зато над размытыми кромками городских крыш слегка обозначилась акварельная полоска горизонта.

По-прежнему громко тикали часы.

Неуверенно хихикнул моложавый голос:

— Выходит, раскулачил вас на фиг этот геройский дед.

Неестественно громко просвистел через всю палату шёпот:

— Каз-зёл!

Со стариком вдруг стало твориться что-то неладное. Он силился подняться, старуха же пыталась воспрепятствовать этому, навалившись на него сухоньким тельцем, прижимала мужа к матрацу, успевая шамкать ему в ухо какие-то непонятные, но ласковые слова.

Видать, уговаривала лежать спокойно.

Край неба уже посветлел основательно, теперь палату наполнил серый сумрак, в котором чётко различались предметы.

Старику удалось-таки сесть и привалиться спиной к потрескавшейся стене. Глаза его неестественно расширились и смотрели куда-то вдаль, за горизонт, тонкие жгутики губ, словно черви, шевелились вокруг чёрного отверстия рта, руки судорожно и цепко хватали концы белой простыни с огромным, похожим на человеческий череп, штампом в углу.

— Вроде, как просит чего, — заворожённо произнёс моложавый.

— Смерти просит, а Бог не даёт, — подтвердил сиплый.

— Пусть крест целует, — пронзил палату надсадный свист.

Старуха, как будто вспомнив нечто важное, откачнулась от долговой фигуры, за которую держалась обеими руками, проворно залезла к

себе за пазуху и вытащила оттуда в сухой горсти маленький медный крестик на суровой чёрной нитке. Зажав его между большим и указательным пальцами, она ткнула распятием в губы старика несколько раз.

То ли от этого, то ли ещё от чего, но только повалился он всем корпусом набок, опала его твёрдая грудь, прикрытая нательной рубашкой, и закатились под жёлтый лоб уже начавшие белеть глаза. А когда старуха склонилась над ним, он уже не дышал, слышно было лишь, как у кого-то громко тикают часы.

А между тем в распахнутое настежь окно ударил первый луч майского животорящего солнца, и с ним ворвались в палату все те запахи и звуки, которые несёт в себе жизнь.

Дождь идёт

Мелкий нудный дождь как зарядил с обеда, так и кропил, не переставая, до самого вечера.

Осень.

Бабье лето давно закончилось, вот-вот просыплется с затянутого тёмными тучами неба снежная крупа, а потом скуёт морозом лужи на дорогах и водянистые разводы по тротуарам, и превратятся они в самый настоящий гололёд.

На остановке народу немного: подвыпивший мужик, навалившись плечом на мокрое дерево, бездумно подставлял распахнутую грудь дождю и пронизывающему ветру, женщина в длинном коричневом плаще под зонтиком и молоденькая девушка в светлой вязаной кофточке и с большой сумкой в руках. Им всем надо уехать в пригород, но троллейбусных маршрутов туда не проложено, рейсовый автобус уже ушёл, а такси, по закону подлости, нет и не предвидится.

Остановка же — одно название: столбик с расписанием. Ни стен, ни крыши.

Сквозь серую марлю дождя в надвигающихся сумерках возник приближающийся силуэт. Мужчина в кепке и кожаной куртке с поднятым воротником, чертыхаясь вполголоса, подошёл к ожидающим.

— Давно стоим? — буркнул подошедший, ни к кому конкретно не обращаясь. Никто и не ответил ему. Он зябко повёл плечами и втихаря ругнулся.

Девушка, видать, очень продрогла. Мелкий озноб иногда заставлял трястись всё её тело, и тогда с мокрых волос скатывались на кофточку блестящие дождевые капли.

Даже сквозь помаду проступали фиолетовые от холода губы.

Медленно и тускло стали зажигаться уличные фонари, что сделало пейзаж ещё более неуютным и тоскливым. И, словно подчёркивая унылость угасающего дня, внезапно и бодро зазвучала мелодия сотового телефона.

— Привет, — раздражённо ответил мужчина, отворачивая небритые скулы от секущего ветра. — Да никуда я не еду, возле остановки стою, как пехотинец... На эстэо загнал... Не знаю, сказали к понедельнику, но при условии, что запчасты где-нибудь сам придумаю... Нет, за это не переживай — “бабки” ушли, сам проконтролировал, платёжку сегодня же скину по факсу... Ага, конечно, ну, пока.

Из сетки дождя вынырнула, подобно щуке, патрульная машина с мигалкой. Медленно двигаясь вдоль бордюра, она внимательно ощупывала

галогеновыми фарами окружающую действительность. Пьяный человек, почуввав опасность, крепче ухватился за кленовый ствол и так к нему прикипел, что казалось — ещё немного, и он навсегда останется при дереве в качестве огромного уродливого нароста.

После ослепительного света темнота вокруг стала гуще, а порывы ветра превратились в сплошное ледяное дыхание.

Взвизгнув тормозами, к остановке лихо подрулил частник.

— Кому-куда по сотне с носа! — весело крикнул водитель, слегка опустив боковое стекло.

Нетрезвый тут же, проворно отлепившись от гостеприимного клёна, рванул переднюю дверцу и мокрым кулём шлёпнулся на зачехлённое сиденье. Одновременно с ним на задний диван впорхнула посиневшая и мокрая девушка и сжалась в углу, обнимая сумку.

Женщина в плаще, увидев, что мужчина уступает ей место, торопливо сказала, складывая зонтик:

— Садитесь, садитесь, я — с краю, мне скоро выходить.

Внутри салона было жарко и по-особому комфортно: зелёные цифры приборов слегка подсвечивали пространство, под успокаивающее бормотание радиоприёмника яркие лучи встречных машин вспарывали чёрную непогоду, а “дворники” на лобовом стекле мягко и бесшумно в заданном ритме усердно вытирали слёзы плачущей осени.

Девчонка всё же замёрзла основательно: несмотря на то что печка работала в полную мощность, у неё зуб на зуб не попадал.

Мужчина молча снял куртку и закутал девушку. Её худенькие плечики перестали вздрагивать, а большие синие глаза благодарно и влажно блеснули из-под пушистых ресниц. Она прильнула к его сильному и тёпловому торсу, от которого исходил почти неуловимый аромат чего-то такого, что заставляет женщин любого возраста чувствовать себя и слабой, и защищённой одновременно.

— С поезда? — спросил мужчина, кивая на сумку.

— Из универа, — ответила девушка, улыбаясь. — Тут у меня компьютер — ноутбук. Я на юридическом учусь, — сообщила она, непонятно зачем, и добавила шёпотом: — Вместе с вашей дочерью, только в разных группах.

— Так ты меня знаешь? — поразился мужчина. Его рука, лежавшая на хрупких плечиках, напряглась на мгновение, затем девушка ощутила сквозь вибрацию мотора, как бьётся его сердце: тук! тук! тук!

— Немного, по телевизору видела.

Он вспомнил, что весной его и других предпринимателей пригласили в студию на так называемый “круглый стол”. Программа оказалась показухой, кардинально ничего не изменилось, но, оказывается, польза от передачи есть — прогремел на всю область.

— Вот здесь, у поворота, остановите, пожалуйста, — громко сказала пассажирка с зонтиком и, расплатившись, вышла из автомобиля, чтобы тут же исчезнуть, раствориться в тёмной пучине упавшей на землю ночи.

Теперь на заднем сиденье стало просторно, да и девушка давно согрелась, но однако продолжала прижиматься к мужскому боку. Верхние пуговицы джинсовой рубашки мужчины оказались не застёгнуты, поэтому ничем не сдвленная голубая жилка на крупной шее свободно пульсировала; иногда судорожно подёргивался кадык.

— В прокуратуры метишь, — грубовато, с оттенком иронии заметил мужчина.

— Нет, я бы хотела работать следователем, — и, после некоторой паузы, — или адвокатом.

Сидевший впереди алкаш встрепенулся:

— У меня тёща — вылитый прокурор. Что, говорит, ты бухарик, то мы тебя терпим, как высшую меру ввиду трёх детей, — пассажир шмыгнул носом и, обернувшись к девушке, оправдался: — Хотя чисто моих там от силы один.

За спиной пьяного рассмеялись.

Это небольшое происшествие словно сблизило взрослого мужчину и юную студентку. Он сильнее притянул девушку к себе, а она покорно и доверчиво позволила его ладони крепче обхватить её плечо.

Теперь он чувствовал через одежду тугую маленькую грудь, и у девушки мелькнула мысль, что так и должно быть, что так было всегда, сколько она себя помнит.

Опустив накрашенные веки, она удобно наклонила к нему голову и хотела в данный момент лишь одного — чтобы поездка длилась вечно. А мужчине показалось, что девчонка, им согретая и убаюканная музыкой движения, уснула в его объятиях, и, значит, не так-то просто будет покинуть салон, не разбудив её.

Странное чувство шевельнулось где-то в глубине его души. Ему тоже захотелось вдруг мчаться в бесконечность сквозь пелену мрака, ни о чём не думая и ни о чём не жалея...

Но всё хорошее, впрочем, как и плохое, когда-нибудь кончается. Иномарка, в которой они ехали, остановилась напротив его дома. Какое-то мгновение мужчина сидел неподвижно, затем стал осторожно высвобождать левую руку, чтобы вынуть портмоне и рассчитаться с таксистом.

В этот момент девушка открыла глаза и красивым движением откинула назад подсохшие волосы.

— Возьмите вашу куртку, спасибо, — тихо сказала она.

— А я, вообще-то, думал — ты спишь, и решил уйти так, раздетым, тем более что вот он, мой дом.

Его спутница, касаясь мелированными прядями спинки переднего кресла, с нескрываемым любопытством осмотрела мокрый забор, металлические зелёные ворота и фонарный столб с качающимся на ветру пятном света.

— Уйти без куртки? — с наивным недоумением переспросила она.

— Ну, я бы забрал её потом, при случае.

— Но ведь вы не знаете мой телефон, — заволновалась пассажирка. — Погодите, я сейчас напишу.

Девушка полезла в сумку, но мужчина остановил её:

— Не надо. Зачем я буду тебе звонить, если вещь у меня?

Он сгрёб куртку в охапку и, надрыв на глаза кепку, захлопнул за собой дверь.

Мотор повысил обороты, и автомобиль плавно тронулся с места, но, проехав несколько метров, неожиданно остановился. Из него высунулась девичья головка:

— Тогда я вам позвоню! — и машина растаяла в темноте, лишь два красных огонька какое-то время ещё мерцали, покачиваясь.

Мужчина постоял, переминаясь с ноги на ногу, поёжился от ледяных струек дождя, которые текли ему за шиворот, затем вдавил большим пальцем кнопку звонка и окунул горячее лицо в скомканную кожу, вдыхая и запоминая новый для него запах.

Жена, открывшая калитку, испуганно отшатнулась:

— Ты пьян? Что с тобой! Где джип?!

— Джип сломался, но со мной всё в порядке.

— Почему же ты раздет?

— Потому что наступила осень и идёт дождь.

“Я люблю тебя, дурочка!”

Чужая флэшка оказалась у меня случайно — кто-то забыл её в интернет-кафе, куда я заглядывал иногда по коммерческим соображениям. Объявление, провисевшее по моей просьбе на входных дверях больше месяца, не сработало — никто из посетителей не заявил о пропаже. Тогда я попытался открыть её в своём ноутбуке, но никакой информации о владельце так и не получил. Почти два гигабайта занимали скучные цифры, наброски бизнес-планов, скачанные тексты статей из гражданского и уголовного кодексов и прочая чепуха. И только в самом конце моё внимание привлекло электронное послание, посвящённое неизвестной женщине. Первые строки я прочёл машинально, а потом как-то незаметно для себя проглотил и всё остальное.

Не знаю, получила неизвестка письмо или нет, но я решил на свой страх и риск опубликовать его в надежде на то, что оно всё-таки найдёт ту, которой и было адресовано.

Когда это случилось и как, я не пойму до сих пор. Может быть, всё произошло в тот момент, когда мы с тобой стояли над крутым глинистым обрывом реки, взявшись за руки и подставив наши счастливые лица распутному летнему ветру, который серьёзно намеревался унести нас в сторону заката, полыхающего над верхушками распустивших зелёные косы берёз?

А может быть, когда мы гуляли по музейным улицам Петербурга, и нечаянно на набережной Невы я вдруг залюбовался твоим отражением в свинцовой воде и понял, что мне теперь без тебя не жить? Именно в тот вечер на цветочном базарчике в подземном переходе у Пассажа нас поразила неземной красотой букет синих роз. Вспомнила?

Нет! Это случилось раньше, я думаю, той апрельской ночью, когда я и ты заявились после сауны в отвратительный гадюшник, пьяные и безбашенные, и нагло уселись за чей-то залитый пивом стол. Помнишь тот случай? Я лично не совсем. Так, местами. Лишь хорошо и отчётливо выплывает из памяти, как в бешеной пляске пропеллером крутилась над головой металлическая рогатая вешалка, норовя проломить голову твоим обидчикам, а ты сидела и плакала — то ли от страха за меня, то ли ещё от чего, не знаю. Зато как ты ласкала меня потом до утра в двухместном номере небольшой гостиницы, куда увёз нас подальше от драки какой-то незнакомый человек!

Я до сих пор готов убить за тебя хоть кого. Вот за себя — нет, а за тебя готов!

Но, скорее всего, это пришло в самый первый вечер нашего знакомства, когда ты, красиво изогнувшись, в одних трусиках, сверкая мокрой спиной, словно ящерица-альбинос, поднималась по вертикали нержавеющей лестницы из лагуны кафельного бассейна городской бани. Той самой бани, куда мы со всей вашей бухгалтерией приехали допивать водку, оставшуюся от празднования Международного женского дня. Крупные капли воды сверкающими бриллиантами катились по твоим волосам и срывались на мои плечи и лоб, разбиваясь вдребезги — это я, задрвав голову, лез кверху вслед за тобой.

Потом вся наша жизнь стала сплошной вертикалью — то взлёты, то падения.

А как ты танцевала! Я приходил от твоих замысловатых па в щенячий восторг и злобно ревновал тебя ко всем, кто, также наблюдая за твоей грациозностью, наслаждался красивыми телодвижениями самозабвенно танцующей девчонки.

Вообще я ревновал тебя всегда и ко всем...

Впрочем, не так уж и важно, когда это случилось, главное, я полюбил тебя так, как до этого никогда и никого не любил. Я даже не представлял себе, что такое чудо бывает на свете. “Я тебя обожаю”, — шептала ты, опуская пушистые ресницы, и я таял от твоих слов как последний идиот.

Вначале я любил твоё молодое и упругое тело, твои волосы, днём заплетённые в целомудренную косу, а ночью падающие тёмным водопадом на моё горячее лицо. Ещё я любил носить тебя на руках и дарить белоснежные лилии, плавающие в собственном аромате грешного дурмана и чем-то неуловимо похожие на тебя. Ты помнишь лилии?

А твои глаза! Господи, как я любил смотреть в твои тёплые карие глаза! Такие глаза были только у моей мамы...

А потом я стал любить тебя всю. Не что-то в отдельности и не за то-то, скажем, и то-то, а — всю, какая есть: со свихнутыми набок мозгами, с порочными наклонностями юной нимфетки и с неумением испечь для меня обыкновенные блины.

Теперь блины у тебя — объединение!

А помнишь, как я приехал на Ленкиной машине в роддом забирать тебя и нашу дочь? Ящик шампанского и огромный букет цветов сразили тогда наповал медсестру, бережно протянувшую мне сопящий и чмокающий кулёчек. Июльское солнце, казалось, радовалось вместе со мной, пока я, осторожно прижимая дочку к груди, гордо вышагивал по аллее. В тот момент я мог бы защитить её от любого зла, существующего во вселенной. Теперь она большая, наша дочь, скоро пойдёт в школу и в моей защите нуждается всё меньше и меньше, а со временем, наверное, я стану совсем ненужным ей...

Сегодня я уверен, что любил тебя всегда, даже тогда, когда тебя и в проекте не было. Ты приходила в мои дерзкие мальчишечьи сны с точно такой же косой, аккуратно лежащей на плече, и уводила за собой в неведомую, сосущую под ложечкой, даль. Я знаю, ты пришла в мою нетрезвую, глупую и неустроенную жизнь из тех далёких мальчишеских снов и вот, уходишь куда-то, так же неожиданно и предсказуемо, как и пришла. Куда ты уходишь? И зачем находилась в моей жизни целых восемь лет, промелькнувших, как одно мгновение? Но главное, КЕМ ты была для меня все эти годы?

Звучит банально, но ты была для меня ВСЕМ! Я дышал тобой, как дышат воздухом и потому не замечают его присутствия; я пил тебя во время жажды и тут же забывал, как забывают о воде, вдоволь напившись; я использовал тебя, как телефон, лишь поломав который, начинаешь ощущать всю важность и нужность маленького и хрупкого аппарата; я искал тебя, если замечал вдруг твоё отсутствие, а найдя и успокоившись, снова отвлекался на какие-то неотложные и главные дела, не подозревая, что самое главное в моей жизни — это ты!

Я жил тобой, потому что любил тебя!

Хорошо это или плохо — не знаю. Это жизнь, а она не бывает плохой или хорошей, жизнь бывает только такой, какая она есть и какой мы её делаем. Мы с тобой сделали её странной и непонятной для окружающих, но такой родной и неповторимой для нас двоих. Нет, не для двоих! Ты и я давно уже стали зеркальным визави. Мы с тобой — одной целое! И я обречён любить тебя всегда за то, что ты — это я, только наоборот. А ещё за твой внутренний мир, который так похож на мой.

Да, тело твоё прекрасно, но, в принципе, и я не урод. Наверное, поэтому нам с тобой так хочется иногда, чтобы кто-то ещё трогал нас, наслаждался нами, подло и воровски, мерзко и грязно, пока мы, отрешённые от остального мира, ищем себя в себе. Нищим людям нравится собирать на халаву лакомые куски с чужого стола. Убого и жалко их “счастье”, но втройне жалче тех, кто, не разглядев за вполне пристойной внешностью нечистоты их горбатых и хромых душ, вляпается туда по самое “не хочу”.

Ты долго пыталась убедить меня, что в твоей измене виноват я сам. Я вспомнил Наташку — жену мента. Она, красивая и ухоженная, приезжала ко мне на белой иномарке и увозила куда-нибудь за город, где отдавалась самозабвенно вся, без остатка. Такая недоступная с виду, она становилась совершенно другой, когда мы оставались вдвоём. Изредка она снимала на несколько часов квартиру и эти несколько часов превращала в подобие семейного счастья. Ей нравилось варить для меня кофе или приготовить фруктовый салат. Почему Наташка убегала от своего мента? Каждый раз она отвечала невпопад. То какие-то деньги не поделили, то ещё чего-нибудь. Но я, наблюдая со стороны, однозначно решил — от скуки.

Так неужели тебе было скучно со мной?

Впервые я ощутил некую отстранённость в Омске, в старинном здании центрального отеля, где мы снимали номер на третьем этаже. Ты помнишь то раннее-раннее летнее утро? Ты подошла к распахнутому настежь окну и, обнажённая, с копной спутанных волос, протянула руки к восходящему солнцу. Его лучи сделали тебя золотой. Я, замирая от восторга, спрятал в ладони твёрдые бугорки твоей груди, целуя прохладную кожу между лопаток, похожих на небольшие крылышки. Серебряный силуэт огромного самолёта резал на взлёте бесконечную даль лазурного неба. В порыве страсти я растворился в тебе и лишь через некоторое время заметил, что ты не со мной.

Где ты была в тот момент?

В бездонном космосе синего неба? Или в самолёте, набирающем высоту?

Ты ничего не ответила мне до сих пор.

Избалованная и капризная, ты всегда стремилась получить то, что тебе захочется в данный момент. Даже в этом мы с тобой похожи. А кто из нас более аморален — не знаю. Иногда мне кажется, что я, иногда — ты.

Не спорю, часто я обижал тебя грубостью и хамством, а порой просто откровенным равнодушием. Твоё прошлое змеиным хвостом перехлёстывало мне горло и душило, душило, душило... Я понимал, что влюбился в шлюху, но ничего поделать с собой не мог, поэтому и причинял тебе боль, страдая от неё почище тебя.

Чего уж теперь скрывать — подворачивались женщины на моём бесшабашном пути, но твоё место в моём сердце до сих пор не занял никто, хотя, наверное, правильнее было бы ещё тогда вырвать тебя из него, как занозу.

То же самое ты пыталась втолковать мне.

— Наши редкие встречи с ним, — говорила ты срывающимся от плача голосом, — были для меня отдушиной. Пойми, я любила и люблю только тебя, а там всего лишь секс и ничего больше. Понимаешь — секс! У тебя запой, а у меня — секс! — уже истерично бросалась ты в меня страшными словами. — Или ты хочешь, чтобы я пила с тобой на пару и стала алкоголичкой?!

Само собой, я не хотел, чтобы ты стала алкоголичкой, а остальное вообще не укладывается в моей непутёвой, распухшей от осознания непоправимости, бедовой голове.

Самый больной и самый безжалостный удар для мужчины — это удар ниже пояса.

Сейчас я невольно замечая, что многие твои словечки и привычки прочно вошли в мой обиход. Без элементов твоего сленга уже немислим мой словарный запас, а твоя привычка, с которой я тщательно подбираю вещи в бутиках, на фоне моей безалаберности и неряшливости стала бросаться в глаза даже мне самому.

А ты? Посмотри в зеркало: ты точь-в-точь скопировала моё отношение к тебе и начала как две капли воды походить на мой характер, иногда терпимый, а порой гнусный до невозможности. И губы свои ты научилась кусать так же, как я, когда психую или просто нервничаю по пустякам.

Даже поступки твои те же самые, что и у меня: я в загул — и ты не лучше, я — к подругам, ты — к друзьям!

В стремлении проникнуть друг в друга мы так далеко зашли, настолько проросли чувствами и мыслями ты — в меня, а я — в тебя, что теперь придётся резать по живому.

Мы с тобой проморгали, проворонили самих себя, потому что каждый видел лишь отражение и, думая что это иллюзия, отмахивался от него как от назойливой мухи. Мы, не задумываясь, готовы были пойти — ты за мной, а я за тобой — на край света, но никто из нас не решился сделать всего лишь один маленький шаг навстречу друг другу, а когда поняли это — уже стало слишком поздно, потому что между нами разверзлась огромная и бездонная пропасть.

Что будет завтра? Я не знаю. Как жить без тебя? Тоже не знаю, даже не представляю, как это можно ходить по улицам с разорванной половинкой кровоточащей души и вдруг неожиданно повстречаться с такой же — осиротевшей, заплаканной и обезумевшей от горя.

Единственное, что я знаю точно, я просто уверен в этом, это то, что при встрече отчаянно прокричу, прорыдаю на весь мир сумасшедшие слова, от которых всегда мороз по коже и слёзы в глазах:

— Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ДУРОЧКА!

Василий КОЛИН

“На город выпала зима...”

Северная мадонна

Идёт беременная барышня
Сквозь городской водоворот —
По тротуарам, как по клавишам,
Проносит бережно живот.

Сейчас она не просто женщина,
Пусть даже косы блещут хной:
Она — красива и божественна,
Как цвет черёмухи весной.

В глазах огромных удивление
От состояния души.
Идёт мадонна, как явление,
По нашей северной глуши.

Лучами солнышка обласкана,
С небес пришедшая сюда.
Такую — не полюбишь наскоро,
А только — раз и навсегда!

Есаул

(1919 г. Петропавловская операция)

Уходил есаул на войну,
Целовал молодую жену.
Над полями клубился рассвет,
И глядели подсолнухи вслед.
Уходил есаул не один:
За плечами висел карабин,
Верный конь танцевал под седлом —
Опустел без хозяина дом.

Пулемёты смазаны, вот боеприпасы —
Крепостная улица сторожит Ишим.
Шаровары синие, красные лампасы,
Горький привкус родины — кизяковый дым.

Уходил есаул воевать,
А вослед ему плакала мать:
Двух сынов нарожала она,
Да сынов разлучила война.
Уходил есаул на Тобольск,
Шёл в составе колчаковских войск,
А навстречу советский отряд —
Комиссаром единственный брат.

Пулемёты смазаны, вот боеприпасы —
Травы Горькой линии на реке Ишим.
Шаровары синие, красные лампасы,
Не умрём, станичники, если победим.

Шашки острые — слава и честь.
Брата нет, но отечество — есть!
Не ушёл есаул от судьбы —
Положили обоих в гробы.

Пулемёты смазаны, вот боеприпасы —
Крепостная улица сторожит Ишим.
Шаровары синие, красные лампасы,
Горький привкус родины — кизяковый дым.

Страна Лимония

В жизни диспропорции,
В сердце дисгармония —
У меня эмоции
От страны Лимонии.

Два лупатых “мерина” —
Мелочь, но приятная;
И бабла немеряно,
А цена — бесплатная.

Там накормят пиццами
Всякого убогого.
Никакой полиции,
Никакой налоговой.

Люди улыбаются,
Хоть на вид серьёзные,
В ресторанах маются
Девочки бесхозные.

Добрые гаишники
Не штрафуют пьяненьких.
Вы нигде не лишние
И всегда, как маленький.

Завтраки украшены
Винами игристыми —
Там простые граждане
Ходят интуристами.

Кайф повсюду ловится
Каждое мгновение,
И сюрприз готовится
Вам на день рождения:

Это не Америка,
Даже не Япония...
У меня истерика
От страны Лимонии.

Барракуда

Снова драма на Бермудах,
По-научному — разбой.
Ходит рыба барракуда
С плоской рыбьей головой.

И морские пассажиры
Капитану говорят:
— К чёрту всё!
Пока мы живы,
Поворачивай назад.

Капитан — мужик не промах
И, само собой, не трус.
В бурных водах незнакомых
Проложил он точный курс.

У него фуражка с крабом,
А в глазах горит успех.
Моряки бегут по трапам —
Поднимаются наверх.

В каждой гавани удача,
Повидали много стран.
Им поставлена задача —
Пересечь меридиан.

Но ко дну идёт посуда —
По эфиру дикий вой:
— Это рыба барракуда
С плоской рыбьей головой!

На город выпала зима

Я жил предчувствием зимы.
Тонуло небо в тёмной пене,
И, сидя в небольшой кофейне,
Глаза в глаза глядели мы.

А вечер был предельно сжат —
Ди-джей настроил голос чей-то,
И плакала в динамик флейта,
И в чашках горький шоколад,
Остыв, затягивался плёнкой...

Я полюбил тебя девчонкой,
Такой, как сладкое драже.
Теперь ты женщина уже
И всё разрушила сама,
Отдав любовь свою другому.

Пора и мне прибиться к дому —
На город выпала зима.

Деревянный рай

Старый дом,
занесённый снегом —
Деревянный маленький рай.

Я люблю, если пахнет хлебом,
И собачий слышится лай.
И хотя маловата площадь
Для каминов и прочих штук,
Но зато соседская лошадь
Из моих угощается рук.
А знакомые мне коровы
Шлют мычанием свой поклон.

И грехи отпустить готовы
Неземные очи икон.

По субботам истопят баньку —
Аж кипит из ковша вода!
Я не раз городскую пьянку
Завершать приползал сюда:
Лёгкий пар и, конечно, веник,
Да шипучий квасок со льдом...

Недостаточно в мире денег,
Чтоб купить у меня мой дом.

Готов дарить охапки роз
И совершать поступки.
Пшеничный хмель твоих волос
Рассыпался до юбки.

В глазах невинность и порок,
Учебники под мышкой.
Не удивляюсь, что я мог
Влюбиться, как мальчишка.

Есть что-то сладкое внутри
У наших юных женщин,
И мне всегда — за двадцать три.
Не больше и не меньше.

Ангел

Воздаётся нам за грешные дела —
Кто-то чёрный просыпает соль на рану.
Мои кони закусали удила,
И рука невольно тянется к нагану.
В грязном омуте на самом дне души
Распоясались и дико пляшут черти.

— Нечисть пьяная, пляши во мне, пляши,
И в живот рогами бей до жуткой смерти!

Кто распял меня гвоздями страшных слов,
И кому я перешёл его дорогу?
Кто-то чёрный меня сталкивает в ров —
Неужели я совсем не нужен Богу?!

Ах, кабацкая разбойная тоска —
Избавление найду в свинцовой пуле.
Ствол, как птица, тычет клювом у виска...

Ангел с неба прилетел и сел на стуле.
Пропадаю я без ласки и огня,
В доме лики у икон покрылись пылью.

— Кем Вы посланы, и что Вам до меня,
Не боитесь ли испачкать Ваши крылья?
Воздаётся мне за грешные дела —
Кто-то чёрный просыпает соль на рану.
Мои кони закусил удила,
И рука невольно тянется к нагану.
А судьба моя — то ложь, то воровство,
То сплошные наркотические дозы...

Покачало головою Существо
И в бокал хрустальный выплакало слёзы.
Чую: предки заворочались в гробу,
В карты — фарт, и козырями только крести.

Взвыли черти, уходя через трубу,
Оставляя мне горелый запах шерсти.

Дура

Пахло пивом и попкорном,
Вечер был. Звенела даль.
Я пришёл в костюме чёрном —
Элегантный, как рояль.

Сбросил шляпу и перчатки —
Весь любовью окрылён.
На серебряной печатке
Вензель мой запечатлён.

Не теряя время даром,
Заглянул под кружева.
Ты в ответ сказала с жаром:
— Нет, поженимся сперва.

Ну зачем такая крайность
И гроза из-под бровей?
Я ушёл, а ты осталась
Дурой в памяти моей.

Участковый Меринов

Метраж на подселение —
Холодный туалет.
Я с местным населением
Прожил немало лет.
И, было дело, много раз
Делил последний грош,
Хотя и привлекали нас
За пьянку и дебош.

А участковый Меринов
По прозвищу “Совок”
Кроил и мне примеривал
Потенциальный срок.

Пока нас ненавидела
Родная наша власть —
Страна спала и видела,
Чего бы где украсть.
Мы по карманам тарили
Халяву с госдобром.
Воры и пролетарии
Делили общий дом.

А участковый Меринов
По прозвищу “Совок”
Кроил и мне примеривал
Потенциальный срок.

Рождались тут и мучились,
И умирали тут.
А по такому случаю,
Конечно, люди пьют.
Пускай в душе окалина,
И трудный выпал век.
Я, может, жил неправильно,
Зато — как человек.

А участковый Меринов
По прозвищу “Совок”
Кроил и мне примеривал
Потенциальный срок.

Васильковая сторона

Там, где пляшут берёзы и клёны
Под мелодию тополей,
Опрокинул июль стозвоны
В росяные чаши полей.

А река отражает медленно
Облаков серебристый лёд.
Мне, наверное, небом велено
Возрождать себя каждый год.

И вчера я влюбился крепко,
Несмотря, что была жара —
Озорная рыжая девка
Увела меня в клевера.
Одурманила до рассвета
Пьяным зноем своих волос.

Целовало шальное лето
Белокожую плоть берёз.

Хохотали глаза бесстыжие —
У девчонки весёлый нрав.
В полнолуние ведьмы рыжие
Заплетают венки из трав.

Мы цветы луговые мяли,
Комаров отгоняя прочь.
Воспылали зарницей дали —
Колдовская кончилась ночь.

Красота вокруг — ширь багряная,
Во хмелю хожу без вина.
Ой, медвяная, Богом данная,
Васильковая сторона.

Такая любовь

В небо вылита звёздная щёлочь —
Никому в этот миг не солгу,
Что живу, как последняя сволочь,
У тебя в неоплатном долгу.

Алкоголем судьбу распиная,
Презираю себя и кляню.
Ты прости, если можешь, родная,
Бесконечную нашу вину.

И за горечь украденных вёсен,
Если можешь, меня не суди.
Я сегодня пришёл в свою осень
Бедуином несчастной любви.

Чёрно-белое утро пустыни
Остужает горячую кровь...
Не считай мои фразы пустыми —
И такая бывает любовь!

с. Бишкуль
Северо-Казахстанской области.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга вторая

(Продолжение. Начало в № № 1-12 за 2009 г. и в № № 1-3 за 2010 г.)

2 июня1994 года

Правительство республики назвало выраженное ему Верховным Советом недоверие неконституционным и призвало его к конструктивному диалогу. Публикуем заявление Кабинета министров и отчёт с пресс-конференции заместителя председателя ВС М. Оспанова, который отстаивает право парламентариев на оценку действий правительства.

За последнее время в Экибастузе побывали делегации деловых людей из США, Италии, Японии, других стран. Восхищаются потенциалом угольных предприятий, нашими ГРЭС, но почему-то не спешат вкладывать в них деньги...

В Павлодаре депутаты дискутируют о возможностях создания у нас свободной экономической зоны (или зоны технологического прорыва, как её ещё называют), некоторые выдают её чуть ли не за панацею. Мне же эти споры представляются в значительной мере бесполезными — чем-то вроде горбачёвской перестройки с её ускорением...

Сессии городского маслихата предшествовал небольшой скандал: депутатов встречала группа пикетчиков с плакатом: "В Павлодаре должна быть улица Тургенева". После долгих и нервных дебатов народные избранники решили временно приостановить переименования в Павлодаре, объясняя это сложной социально-экономической ситуацией в городе. Теперь надо ждать встречной атаки в казахскоязычной прессе.

*Страна в поисках счастья мечется,
Видно, завязаны крепко её глаза... —*

пишет в сегодняшней подборке стихов О. Григорьева. И она, в общем, права.

В Павлодаре побывала Елена Камбурова, приезд которой организовал местный телевизионщик Саша Васильев. Мы с Ольгой были на концерте. Конечно, творчество Камбуровой — не для массового зрителя, однако же на этот раз не только она, но и павлодарцы были на высоте — оценили оригинальную манеру исполнения певицы, когда она сама — целый театр.

Вчера отмечали очередной юбилей — руководителя телерадиокомпании А. М. Ажибаевой. Сначала — на её работе, официально, потом, ещё более пышно и торжественно, в ресторане.

А. М. Ажибаева имеет отношение к моей редакторской судьбе, считает своим учеником, поэтому я оказался в числе “допущенных” к столу. Её собственная судьба складывалась достаточно удачно: работала в комсомоле, училась в партшколе (Академии общественных наук при ЦК КПСС — с защитой диссертации), потом заведовала отделом обкома партии, после чего — редкий случай — лет десять, если не больше, занимала пост секретаря обкома по идеологии — один из ключевых в ту пору.

Умна, образованна, осторожна — гроссмейстер политических игр. При всём при том обладает истинно мужским характером. Когда в Павлодар вернулся “старый новый первый” — Б. В. Исаев — и решил избавиться от неё по обычной партийной схеме, последняя не сработала. Ажибаева уходит отказалась и нашла поддержку у большинства членов бюро обкома партии (в их числе был и я). А ушла позднее сама, притом красиво, получив через Москву назначение на какую-то должность в Монголию — по линии общества дружбы со странами социалистического содружества... Правда, там она в связи с развалом СССР пробыла недолго и вернулась домой, вскоре возглавила телерадиокомпанию, для чего тем, кто принимал решение о её новом назначении, пришлось сделать ряд кадровых передвижек, чтобы трудоустроить других уважаемых людей.

Я так подробно обо всём этом рассказываю, чтобы подчеркнуть: Ажибаева — значительная фигура не только на местном политическом небосклоне, но и человек со связями в столицах...

Я сомневался в том, что она сможет управляться со столь капризным кораблём, как телевидение, — с его непредсказуемым “экипажем”. Однако А. М. на редкость быстро освоилась на новом месте, забрав здесь всё в свои руки (и прежде всего коммерцию), и повела уверенной рукой дела так, будто не служила всю жизнь коммунистической идее, а только и мечтала жить в рынке.

И вот — юбилей. Говорит, что она его не хотела, думая ограничиться узким кругом лиц, но настояли другие: это, мол, не только ваше личное дело...

Для банкета был “зафрахтован” большой зал ресторана “Иртыш”. Столы накрыли человек на 230-250, и мест за ними пустовало совсем немного... Временами празднество напоминало областной партийный актив с участием бывших работников отдела пропаганды и агитации обкома партии — со всеми его ответвлениями, секретарей райкомов партии по идеологии (бывших, разумеется) и прочих структур, которые в своё время курировала А. М. Они так и выходили для произнесения тостов — дружными отрядами, демонстрируя солидарность и верность идеалам.

Присутствовал также традиционный набор партийно-советских аксакалов, кочующих с юбилея на юбилей... Тем самым другим присутствующим давалось понять: существует некая устойчивая преемственность в кадровой политике и связь между “бывшими” и нынешними — со всеми вытекающими последствиями.

Вечер был построен так, что гости ни на минуту не оставались наедине с собой. Двое ведущих рассказывали о жизненном пути юбиляра, этот рассказ перемежался тостами и концертными номерами...

Слушать всё это (за исключением, разве, песен) в течение нескольких часов на трезвую голову тяжело, поэтому я выпивал и закусывал.

Оглядевшись повнимательнее, обнаружил среди гостей и давних заклятых “друзей” А. М. — бывших обкомовцев, а также из прочей областной номенклатурной обоймы. Как мне потом пояснили: она не хотела их видеть, но организаторы празднества опять же дали понять: ваш юбилей — не ваше личное дело, и определённые персоналии должны присутствовать на нём, независимо от ваших симпатий-антипатий... Уже в который раз убеждаюсь в том, что Восток — дело тонкое.

Думаю, А. М. и в самом деле не слишком нужен был этот банкет: на всё происходящее она взирала либо с олимпийским спокойствием, либо с иронической улыбкой — ну что же, мол, тут поделаешь, раз вам это надо...

Стол был, само собой, традиционно богатый — со всеми полагающимися блюдами и атрибутами... Я ушёл в разгар веселья, отпросившись у юбилярши, в раздумьях: во что же обходится подобное празднество, и кто за него платил?

3 июня

Грустная планёрка... Объявил народу, что сегодня — последний рабочий день Роберта Штарка... Что его уход — невосполнимая для конторы потеря, но я отпускаю его с лёгким сердцем — в том смысле, что желаю ему прижиться на новом месте и получить там всё то, чем он был обделён здесь...

Потом говорил Роберт: он проработал в “ЗП” 15 лет, и редакция на самом деле стала ему вторым домом, второй семьёй. Покаялся перед нами за прошлое: истовую веру в коммунистическую идею, служение партийной идеологии, материалы на атеистические темы; заметил, что он и вправду во всё это верил, был простодушен и наивен; может, отсюда и повышенная активность в недавних дискуссиях с ортодоксами-коммунистами, повышенное внимание к вере и верующим; и это — не перекрашивание, а возвращение долгов...

Я потом сказал ему: может, напрасно ты каялся — ведь не подличал, не кривил душой, не травил людей... “Да нет — я должен был это сказать...”

Потом зашла Гришина: контора в трансе, кто, мол, заменит Штарка? Да, его нам никто не заменит, отвечал я, но мы-то с тобой остаёмся, да и другие тоже...

Нас со Штарком связывает ещё и то, что мы стали замами редактора одновременно — это была идея С. П. Шевченко. И когда мы шли с ним из обкома партии после собеседования (то есть вопрос уже был практически решён) в редакцию, у него непроизвольно вырвалось: не думал, что меня, немца, двинут на эту должность... Я тогда этим его словам особого значения не придавал — сам был психологически абсолютно не готов к своим новым обязанностям — и только теперь понимаю, насколько они были не случайны, какая за ними цепь унижений, разочарований, обид...

Так что отъезд его не случаен. Павлодарским Штарком он вряд ли там станет, но с его характером — не пропадёт.

Кстати, на днях снова прислала письмо Таня Конобейцева. Письмо странное, уж очень похожее на отчёт. Видимо, Татьяну обескуражила публикация в “ЗП” её первого письма (я посылал вырезку). И это — второе, — несмотря на его приличный объём, какое-то “зажатое”, без эмоций, открытости, свойственных нашим отношениям.

Наверное, я поторопился с публикацией — уж очень оно мне показалось характерным, передающим настроения эмигрантов... Теперь и Ольга меня ругает: зачем ты это сделал? Да, надо мне быть по деликатнее с друзьями, помещая их в свои писания...

4 июня

Цены растут как на дрожжах: на мясо, сливочное масло, водку. На этот раз — из-за отпуска цен на энергоносители. Фиксированными остаются цены на хлеб и некоторые виды круп.

Россия по уровню развития занимает 34 место в мире, уступая, в частности, не только развитым, но и таким странам, как Израиль, Барбадос (я даже не знаю — где это), Кипр, Южная Корея, Уругвай (из сегодняшнего “Горячего теле-тайпа”)... Не думаю, что Казахстан ушёл дальше России — скорее, наоборот...

Чего только не бывает в жизни. Ночью, в степи, молодой водитель “КамАЗа” сбил лису. В азарте погони выскочил из машины за ней и сам попал под колёса по инерции движущейся машины. Скончался уже в больнице. А лиса, кстати, оклема-лась и сбежала. (Из сегодняшней подборки “200 строк в конце недели”).

5 июня

Перечитываю А. И. Солженицына — “Бодался телёнок с дубом”. В этой автобиографической вещи А. И. встаёт для всех в полный рост. Фигура сродни протопопу Аввакуму. Недужинный характер... Но и гордыня — неуёмная.

Любопытно, что мало о ком из тех, с кем А. И. встречался, у него находится доброе слово; большинство — приспособленцы, мелкие людишки, рабы и холопы... Презрение и нелюбовь к Шолохову у Солженицына — особые... С Сартром не захотел встретиться ещё и потому, что тот, якобы, “пробивал” Нобелевскую премию для Шолохова... Жёстко, правдиво, хотя и не без симпатии и жалости, выписан Твардовский. Так, наверное, относится сильный, волевой человек к порядочному, но более слабому, к тому же страдающему традиционным русским недугом. Любопытно, что нахожу в описаниях Солженицыным Твардовского схожие черты наших с Александром Трифоновичем редакторских сущностей (переживания, линия поведения в тех или иных ситуациях, аргументы в разговорах с авторами и сильными мира сего и т. д.). И это у меня не мания величия... Просто несвобода — всегда несвобода, и проявления её часто бывают сходны.

Из писателей у Солженицына находятся добрые слова в адрес С. Залыгина, В. Белова, Б. Можая, В. Солоухина... Большинство же тех, кто был тогда “на волне”, по Солженицыну — полные ничтожества. Думаю, это и так, и не так... Просто Солженицын всех меряет по собственной — предельно высокой — мерке. А люди — всегда просто люди, даже когда они известные (и при том неплохие) писатели...

А. И. пишет обо всём свободно, прямо, не таясь. Бывает, что и себя не жалуется... Не только других, но и себя строго судит. Тем и силён, хотя, наверное, рядом с таким трудно жить — хоть кому.

7 июня

Власти Экибастуза прикрыли около 40 частных торговых предприятий, поскольку те совсем перестали сдавать в банк выручку. А в городе — постоянные задержки с выплатой зарплат бюджетникам, пенсий и пособий.

В “Экибастузугле” не рассчитались со своими работниками по зарплате ещё за апрель. Уголь в Россию по-прежнему идёт лишь по бартеру, а казахстанские потребители за него вовсе не платят.

Всемирный банк выделит Казахстану кредит в размере 15,7 миллиона долларов — на модернизацию нефтедобычи и привлечение в эту отрасль зарубежных инвестиций. Кредит должен быть погашен за 17 лет.

Заканчивается подписка, а библиотекам Павлодара не выделено ни тенге на газеты и журналы. И вот Центральная библиотечная система слёзно просит через “ЗП”: “Помогите библиотекам — кто может!”.

Облстатуправление констатирует: в области впервые за послевоенные годы получен отрицательный прирост населения — 8,5 тысячи человек. Больше людей умирает, меньше рождается, приезжает меньше, чем уезжает...

9 июня

Депутаты областного маслихата со страниц нашей газеты бьют челом Верховному Совету: после передачи пенсионного фонда в республиканский бюджет ситуация с выдачей пенсий резко ухудшилась, и сегодня в области нет ни тенге для выплаты пенсий. Депутаты призывают своих коллег-парламентариев “принять постановление, гарантирующее своевременную выплату зарплат, пенсий и пособий...”. Если бы можно было решить все проблемы одним росчерком пера...

Казахстан в этом году поставит в другие страны более пяти миллионов тонн зерна — в Узбекистан, Белоруссию, Киргизию, Иран... А сельчане, в том числе хлеборобы, как были, так и останутся голозадыми...

Заскочил на выставку реконструкций, открывшуюся в бывшем индустриальном институте, а теперь техническом университете. Кто только не обитал на территории области десятки тысяч лет назад. Мамонты и бизоны, шерстистые носороги и гигантские олени, пещерные медведи и саблезубые тигры... Как мало мы знаем о нашей истории...

Генеральный прокурор Казахстана Ж. Туякбаев выступил с заявлением, в котором предостерегает прессу о недопустимости материалов, подогревающих страсти вокруг действительных и мнимых проблем в национальных отношениях, играющих на национальных чувствах, возбуждающих национальную рознь. При этом ни одного примера не приводится. Однако лица, уличённые в подобном, будут привлекаться к “установленной законодательством ответственности”. Превентивная, так сказать, мера.

Публикуем проект формирования Евразийского союза государств, предложенный Н. А. Назарбаевым.

11 июня

На двух с половиной газетных страницах публикуем Послание президента Н. А. Назарбаева Верховному Совету — “Об ускорении рыночных преобразований и мерах выхода из экономического кризиса”. Несколько цитат:

“В настоящее время Казахстан переживает уникальный по своей тяжести исторический период... Мы столкнулись с тяжелейшим экономическим и социальным кризисом, имеющим объективный многофакторный характер...”

Одной из основных причин усугубления кризиса в экономике послужил распад СССР. Экономика Казахстана на момент приобретения суверенитета представляла собой “кусочек” цельной и монолитной экономики Союза, выполняющей свою локальную задачу.

Мы получили в наследство часть единого общесоюзного народнохозяйственного комплекса, а по сути дела, экономического ГУЛАГа, который чётко отражал имперско-политическую идеологию регионального разделения труда в составе СССР. В его составе казахстанский “остров”, имея утяжелённую структуру с гипертрофированно развитым добывающим и аграрно-сырьевым сектором, был сориентирован на что угодно, кроме собственных нужд и потребностей своего населения. Обслуживая потребности других таких же “островов”, Казахстан за счёт их же, следуя воле Центра, удовлетворял большую часть своих потребностей...

При ужесточившейся финансовой ситуации... в Казахстане возникло перепроизводство отдельных видов продукции: мяса, тракторов, фосфора, минеральных удобрений, цемента и целого ряда других товаров... (Не знаю, как там

насчёт фосфора и удобрений, а с тракторами можно, пожалуй, согласиться, но то, что у нас перепроизводство мяса, которого мы потребляем куда меньше нормы, во всяком случае — большая часть казахстанцев, то тут, похоже, президента опять подвели помощники... Потому что у любого здорового человека тут же возникнет вопрос — куда же оно, это мясо, теперь девается, ведь в союзный фонд его поставлять больше не надо... — **Ю. П.**)

Экономика и население страны ничего не проиграют, если целый ряд неэффективных производств будет закрыт..

Проблема, перед которой сегодня стоит политическое руководство страны, это:

а) либо... проводить политику реформ, как до сих пор...

б) либо... избрать что-то иное... с тем, чтобы обеспечить более динамичное осуществление и высокую эффективность реформ...

Мы вступили в самый критический период своей истории...

Преодоление кризиса... невозможно без... разделения предприятий на “больные” и “здоровые”... Те предприятия, которые поддаются экономически окупаемой реабилитации, будут подвергаться... оздоровлению, а остальные — “погибнут” как обанкротившиеся. Их бремя никто не в состоянии взять на себя...

Стержневое значение в реформе предприятий по-прежнему будет иметь разгосударствление с последующей приватизацией...

Главным звеном государственной политики должна стать эффективная защита государством прав частной собственности...

... Предстоит сформировать правительство нового курса...

Его члены должны принять своего рода присягу перед президентом... на верность курсу реформ...”.

14 июня

Публикуем текст большой речи Н. А. Назарбаева на заседании Верховного Совета. (Послание он, оказывается, не оглашал — текст его был роздан депутатам). Несколько цитат из выступления:

“Объявленная перестройка по сути так и не началась, поскольку даже в Кремле не знали, в какую же сторону перестраиваться, каким образом и в какие сроки... Начавшиеся эксперименты в экономике и политике лишь ускорили падение прогнившей системы, привели к осознанию необходимости смены общественно-политического строя и реформирования экономики...”

Рухнул тоталитарный партийно-политический строй, рассыпалась держава, разжался “кулак”, который держал всю конструкцию...

Вспоминаю резолюцию Первомайского митинга в Усть-Каменогорске. В ней изложено требование возврата к идеологии и практике социализма, восстановления СССР...

... Основными инициаторами подобных митингов являются... силы, предпочитающие нередко оставаться в тени. Преимущественно это бывшие и нынешние руководители, общественные лидеры, которые, прикрывая собственную бездеятельность и пользуясь сложной ситуацией..., просто заморочили многим головы.

... Настало время со всей ответственностью сказать нашим гражданам: у нас остаётся единственный путь финансовой стабилизации — сократить все расходы государства, кроме самых жизненно необходимых... Прекратить любые... дотации предприятиям.

... Программа развития казахского и других языков сразу же взбудоражила общество из-за допущенных перегибов в отношении порядка и сроков внедрения казахского языка... Необходимо, не затягивая, принять новый закон о языках и снять всякую дискриминацию русского языка, который казахам и другим народам не менее необходим...

... Предлагаю в законе о госслужащих предусмотреть принесение ими, а также членами правительства, присяги на верность Отечеству и его интересам...

Массовые переименования улиц, населённых пунктов и даже крупных городов носили односторонний характер, не учитывали общественного мнения, этнографического состава населения, а иногда — и вековых традиций...

Считаю необходимым, чтобы Верховный Совет на практике реализовал концепцию постоянно действующего профессионального парламента... В наибольшей мере интересам проводимой в Казахстане законодательной политики отвечает двухпалатная структура парламента...

Кабинет министров должен стать командой единомышленников... Она должна получить у Президента, Парламента и народа карт-бланш, скажем, на 15 месяцев по реализации своей программы..."

Ольга Воронько побывала в открывшемся недавно косметическом салоне для богатых (сеанс обслуживания стоит от 9 до 15 долларов) и описывает свои впечатления... Как я когда-то пересказывал на страницах районной газеты передовые приёмы откорма скота, так она, очень подробно, косметические процедуры. Вот только читателей у неё в данном случае наверняка будет поболее, чем когда-то у меня...

16 июня

Куда конь с копытом — туда и рак с клешней... Социал-демократическая ассоциация, ассоциация славянских культур, ЭКОМ, общества защиты прав потребителей и независимых профсоюзов и т. д. в переданном редакции обращении предлагают свои способы выхода из системного кризиса... Читать эти общие слова просто смешно, но "голос общественности" должен быть услышан... Обращение публикуем... Хотя нет за большинством лидеров этих едва ли не враз народившихся "общественных объединений" никого, кроме самих "лидеров", ничем особым доселе себя не проявивших, зато сверх всякой меры амбициозных.

17 июня

Ездил в Акмолу-Целиноград. Вычитал гранки "Записок об отце" — В. Р. Гундарев ставит их в пятый номер. То, что он решил напечатать "Записки", стало для меня полной неожиданностью. Как мне повезло в жизни — встретить такого человека и редактора. Мы становимся с Владимиром Романовичем по-человечески очень близки.

Встречали меня хорошо, хотя и выпито было опять изрядно. Нанёс визит Людке Яшной, познакомился с мужем — Сауком. Человек, похоже, надёжный, авторитетный, с таким можно иметь дело. И к Людке с Линой (её дочь) хорошо относится.

Звонили с Людкой Любке Власовой в Бишкек. Ей передали мою книжку "Помню и люблю". Говорит: "Меня трясло от воспоминаний...". Для меня это высшая оценка.

Вчера с Данькой и Димкой рыбачили на даче — браконьерским орудием лова (бреднем). Наловили в заводях протоки рыбёшки — щучек и чебаков, хватило и на жарёху, и на уху. Плохо, что орал на мальчишек во время "путины", превращая тем самым увлекательное занятие в чёрт-те что... И ещё обгорел на даче, как поросёнок, хотя и солнца почти не было.

Полная неясность с Данькиным поступлением в институт. Приём на бесплатной основе резко сокращён (нет денег в бюджете), кругом — списки абитуриентов (от предприятий). Я вроде договорился с одним земляком из Экибастуза,

что энергетики включают Даньку в свой список, а на днях узнаю — этот самый знакомый арестован за взятку. Я его давно знаю и не верю, что он способен на такое, но от этого не легче...

И ещё до сих пор неясно: будут ли это обычные экзамены, или тестирование. Бедные наши дети... А уж про нас, родителей, и говорить нечего...

Утром пришёл знакомый адвокат — старый еврей — и, ужасно грассируя, суровым голосом с порога заявил: “Мы, гусские паттиоты, пгиговагиваем тебя к смегти — за пгоизгаильскую пгопаганду и связи с междунaгодным сионизмом”. И захохотал, довольный произведённым эффектом.

Да уж, в чём только меня не обвиняли: славянские “патриоты” — за недостаток русского патриотизма; казахские “патриоты” — за недостаток казахского; “новые демократы” — в провластной позиции; власти — в сочувствии “так называемым демократам”... И т. д. и т. п.

Адвокат на днях уезжает в Израиль — насовсем. Будет там получать пенсию, которая тут ему и не снилась... Дети учатся в Москве — один заканчивает институт, другой аспирантуру... А я проблемы своего сына в родном Павлодаре решить не могу...

Позвонил А. М. Мухамеджанов: у главы обладминистрации сегодня юбилей — 40 лет, надо бы поздравить...

— С какой стати? — взвился я, — он что, наш с вами друг? Нам с вами вообще надо подальше от власти держаться!

Многоопытный Алеке стал меня пространно убеждать, сведя всё в в конце концов к формуле: от нас не убудет, да и вообще сходить лучше, чем не сходить... Я сказал, что не согласен, но не могу ослушаться аксакала... Сходили — поздравили, и вправду — не убыло от нас...

На ближайшей сессии областного маслихата депутаты собираются поставить вопрос о соучредительстве маслихата... Таким образом, нас, учредителей газеты, может быть уже трое: обладминистрация, коллектив редакции и маслихат. Обладминистрация “щупает” меня на предмет того, что “хорошо бы депутатам отказать...”. Я ответил: не мудрите — надо соглашаться, более того — преподнести это как проявление вашей доброй воли, решительный шаг к сотрудничеству.

18 июня

Валя Федосенко (жена моего однокурсника Володи, редактора многотиражки энергостроевцев) передала нам материал о грандиозном празднике в Успенке, устроенном по инициативе глав Экибастуза Р. Ш. Жуматаева и Успенского района В. Д. Глазырина. Я уже писал, что они, не дожидаясь никаких директив сверху, наладили нормальные, взаимовыгодные контакты между городом и деревней. Всех проблем эти связи, конечно, не решают, но многие бреши — заполняют.

Валентина пишет, что до этого — уже дважды за весну — успенцы приезжали в Экибастуз, привозили продукцию села по ценам себестоимости, выступали на рыночной площади города с концертами... А теперь десант в 250 экибастузцев побывал в Успенке. Десятки автолавок едва поместились на центральной площади райцентра. Торговали в них всем тем, что и нужно сельчанам: одеждой, обувью, предметами быта — от стирального порошка до мотоцикла “Урал”, на который, кстати, тоже нашлись покупатели. И продуктами торговали тоже. Особенно радовалась ребятя мороженому, вкус которого на селе успели позабыть.

Были, само собой, выступления экибастузских артистов, приветственные речи глав города и района — Р. Ш. Жуматаева и В. Д. Глазырина.

Следующая встреча пройдёт в Экибастузе, куда успенцы приедут на День города. И, конечно же, не с пустыми руками.

Материал В. Федосенко дали на первой полосе — пусть другие учатся, как надо сегодня налаживать связи.

Похоже, слухи о кончине потребкооперации сильно преувеличены. Как пишет сегодня в нашей газете один из руководителей облпотребсоюза В. Поливанный, в его системе насчитывается 832 магазина (и все работают), 26 столовых, кафе и ресторанов, 106 предприятий разного профиля, которые за полтора года произвели продукции на 32 миллиона тенге. Одного хлеба за это время кооператоры испекли свыше 47 тысяч тонн, а колбасы выдали 1700 тонн... И т. д. и т. п. Тем не менее потребкооперация переживает не лучшие времена, и судьба её весьма туманна.

Республиканское движение “Лад” сделало доброе дело: выпускники школ нашей области будут в этом году поступать в вузы России на равных условиях с россиянами. Для этого лишь надо запастись рекомендацией нашей “Славии”. Публикуем об этом заметку.

21 июня

Движение “Аттан” провело митинг протеста у здания посольства Китая в Алма-Ате. Протестовали против очередного ядерного взрыва, проведённого китайцами в Лоб-Норе, неподалёку от Казахстана.

Н. А. Назарбаев дал интервью российской “Независимой газете”. Две цитаты: “Никого не может удовлетворить тот СНГ, который мы сегодня имеем. 400 невыполняющихся документов...”

... На границе между Россией и Казахстаном стоят 65 пунктов, очень похожих на пограничные пропускные пункты, а не таможни, а я хочу своим указом в одностороннем порядке снять все таможенные барьеры в сторону России...”

23 июня

Правительство предложило администрации Экибастуза принять на свой баланс социальную сферу “Экибастузугля”. По логике всё вроде верно, а по сути издевательство: сегодня есть, пусть не идеальная, но всё же налаженная система содержания жилого фонда угольщиков, его детских садов, профилактория, медсанчасти и прочего, а город, у которого вместо бюджета сегодня огромная финансовая дыра, просто не в состоянии не только содержать, но даже и сохранить всё это.

А если социальная сфера угольщиков начнёт рушиться, на её восстановление потребуется во много раз больше средств, чем нужно сегодня на поддержание. Экибастузцам (и властям, и угольщикам) это ясно как белый день, а правительству, с его глобальным экономическим мышлением, выходит, нет?

Людмила Ермолина ходила на аукцион по продаже автотранспорта — 32 автомобиля Ленинского АТП. Настоящая схватка на нём развернулась за “КамАЗы”. При относительно невысоких стартовых ценах (от 1200 до 8000 тенге) они, 1980-1985 годов выпуска (с пробегом до трёхсот тысяч километров), “уходили” за 120-220 тысяч тенге. Есть у нас, есть, оказывается, небедные люди.

Познакомился с собкором “Известий” в Казахстане В. Ардаевым. Его у нас считают возмутителем спокойствия, чуть ли не провокатором. Даже Н. А. Назарбаев не раз выражал недовольство его материалами, и как-то В. Ардаева на полгода “выселяли” из республики. Потом он опять вернулся. Спрашиваю: “Зачем тебе всё это? Жил бы в России — как человек...”. — “Ну да, — отвечает, — там я буду один из многих, а тут я — Ардаев...”. В этом есть свой резон, здесь он — фигура.

Едва он появился в Павлодаре, как его тут же хотели увезти в Баянаул — знакомить с его красотами, а по сути — просто “выключить”... Так в своё время поступали с известным “правдистом” М. Н. Полтораниным, иногда это удавалось, но чаще — нет: тот всё равно умудрялся найти острую тему... Ардаев не поддался, я тоже ему подбросил тему для материала — как власть прибирает к рукам (уже прибрала) местные газеты. Вроде загорелся...

В. Ардаев представляется мне современным типом столичного журналиста: в меру здравого смысла, в меру здорового цинизма, никакого пиетета к власти — скорее, наоборот. Все её знаки внимания (опека, закреплённая машина, шикарный номер в гостинице и т. д.) принимает, но сам, как хорошая охотничья собака, всё время нацелен на поиск дичи — острой журналистской темы.

Н. А. Назарбаев усиленно тасует кадры. Заменял многих министров, нескольких глав областных администраций. Тенденция: на смену бывшей партийно-советской номенклатуре приходят молодые бизнесмены. Так, главой Семипалатинской областной администрации назначен 31-летний Г. Б. Жакиянов. И тут, наверное, не обошлось без протекции зампреда правительства А. Кажегельдина, тоже бывшего семипалатинского предпринимателя... Сорокалетний бизнесмен возглавил республиканский комитет по госимуществу. Освобождён от должности мэр Алма-Аты З. Нуркадилов. Наш Ю. И. Лавриненко выдвинут главой Восточно-Казахстанской области. Ходят упорные слухи о скорой отставке А. А. Жабагина...

Но по большому счёту тасуется одна и та же колода...

Несколько дней назад отдали под рекламу всю третью страницу, чего прежде никогда не делали. Реклама необычная: хозяин АО “Гамма” А. Петренко поздравляет всех с семилетием своего предприятия. Несколько строк в центре страницы и сплошное пустое поле — вокруг. Читатели встретили эту “акцию” со страшным возмущением: это что ещё за издевательство над нами? А всё дело в том, что нам за это поздравление заплатили хорошие деньги. Наверное, в будущем надо быть осмотрительнее в подобных вещах, даже весьма выгодных финансово.

Вчера по “Останкино” показали скандальный фильм С. Говорухина — о нравственном распаде России, за чем последовало его обсуждение в пресс-клубе. Двойственное чувство оставляет и сам фильм, и последующий разговор о нём. Автор, не шибко утруждая себя, набрал фактов поужасней и вывалил на голову зрителя — вот вам новая Россия... А постоянные члены пресс-клуба (похоже, сами себя в него назначившие — этакий интеллектуальный бомонд) с упоением, достойным лучшего применения, поют по этому поводу глухаринные песни — каждый свою, никто никого не слушая. Одна из газет назвала, и, по-моему, очень точно, этот пресс-клуб нарциссическим болотом...

Говорухин — профессионально и не очень — отгавкивался от критиков-пигмеев: этакий великан-интеллектуал в стране шавок-лилипутов. Почему-то раздражает и это его напускное величие. Хотя я люблю и его “Вертикаль”, и, конечно же, “Место встречи изменить нельзя”.

25 июня

Ездили с А. М. Мухамеджановым на юбилей редактора районной газеты. Задумка была устроить нечто вроде творческого вечера, а вышло заунывное славословие с длинейшими и скучнейшими речами. Всё же любят мои братья-казахи устраивать празднества по любому поводу. Наверное, это у них в крови, потому что не вытравлено даже 70 годами советской власти.

Самым приятным действием на данном юбилее был бешбармак, но ведь до него ещё досидеть было надо...

Данька после окончания школы неожиданно для всех нас постригся наголо и выглядит ужасно смешно-лопоухо... Ольга решила перевести этот его демарш в шутку:

— У тебя, видно, мания величия — хочешь уже теперь на отца походить. Шутку семейство оценило, поскольку я изрядно лыс...

На ферросплавном заводе вдвое сократили рабочую неделю, тысячи людей отправлены в неоплаченные отпуска. Причина как всегда банальна — резко сократились поставки так называемой электродной массы. Это похоже на экономическую диверсию: ермаковские ферросплавы имеют репутацию едва ли не лучших в мире и всегда пользуются повышенным спросом. Как долго продлится полупростой завода, никто сказать не может.

В Экибастузе побывал Андрей Маленков — доктор биологических наук, председатель экономического совета Академии естественных наук России. И, кстати, сын того самого Г. М. Маленкова, сосланного Хрущёвым в Казахстан и лет десять возглавлявшего Экибастузскую ТЭЦ, которую, в свою очередь, строил один из самых знаменитых “зэков” СССР — будущий нобелевский лауреат А. И. Солженицын.

Сыну Маленкова был оказан ветеранами ТЭЦ весьма тёплый приём, поскольку бывшего главу советского правительства здесь помнят как умелого хозяйственника и заботливого руководителя, а не как соратника Сталина.

Нарасхват шла и книга Андрея Маленкова о его отце, в которой воссоздаётся и экибастузская часть биографии Маленкова-старшего. В магазинах, кстати, её нет. Надо будет поспрашивать у экибастузцев.

Люди практически перестали ходить в кино. Отправившаяся по заданию редакции в кинотеатр “Космос” Людмила Ермолина обнаружила в зрительном зале трёх человек, пришедших посмотреть захватывающий американский боевик “Пятьдесят на пятьдесят”. Я тоже не помню — когда был в кино.

28 июня

Обнародована (в том числе и в “ЗП”) программа действий правительства Казахстана по ускорению реформ и выходу из экономического кризиса:

“Курс правительства содержит три основные меры:

1. Экономическая либерализация через устранение контроля над ценами и производителями;

2. Макроэкономическая стабилизация через регулирование денежной массы в обращении и сбалансирование бюджета;

3. Продажа госсобственности частным лицам и (или) организациям...".

Тем временем на нашем нефтеперерабатывающем заводе остановлено битумное производство — затоварились им. Завод работает с большими убытками. Поставок нефти из России не ожидается — завод задолжал российским партнёрам около 70 миллионов рублей, и шансов рассчитаться в ближайшее время нет. Заводу в свою очередь должны казахстанские потребители нефтепродуктов... И нет пока что перспектив разорвать этот порочный круг.

Интереснейший материал царского полковника Мусы Чорманова — старшего султана Баянаульского окружного приказа — где-то отыскал и прислал нам экибастузский краевед С. Джаксыбаев. Речь идёт о быте и обычаях казахов: как они жили, вели хозяйство, строили жилища, рукодельничали, встречали гостей, как заготавливали согум и боролись зимой с гололёдом...

30 июня

Набрали на третий квартал 40 тысяч подписчиков. Могли бы и больше, но это невыгодно экономически...

Г. Жаманбалинов прислал заметку из Иртышского района: лучших стригалей совхоза имени Исы Байзакова премировали сахаром: за первое место — 20 килограммов, за второе и третье, соответственно, 15 и 10 килограммов.

2 июля

1994 года

“Ноу-хау” наших властей — соглашение о взаимодействии областной администрации, маслихата, профсоюзов, партий, обществ, средств массовой информации в ускорении реформ и достижении согласия в обществе. Теперь все мы — заодно, во всяком случае, на словах. Публикуем текст соглашения на первой странице.

На месте старого дома семьи Васильевых строится новый, из чалдайской сосны. Это — идея Б. В. Исаева. И хоть он теперь не у власти, благодаря ему у нас будет новый Дом-музей поэта Павла Васильева.

Наш собкор Г. Жаманбалинов пишет о трагикомическом случае, произошедшем в Иртышке. Его житель полтора года назад сдал заготовителям бычка на мясо. И вот с ним только что рассчитались. Разумеется, без поправки на инфляцию. Денег хватило ровно на две бутылки водки. Он их купил и позвал своих приятелей, чтобы отпраздновать “удачное” завершение сделки... Откармливает сейчас ещё двух бычков, надеясь сбыть их более выгодно.

П. И. Оноприенко пишет, что в магазинах Экибастуза днём с огнём не сыщешь соли. Это при том, что Павлодарская область ещё недавно снабжала ею не только Казахстан, но и пол-Союза... Оказывается, соли и сегодня в области достаточно, но стоит она копейки, и новые коммерсанты не хотят связываться с невыгодным товаром.

Публикуем “Слова назидания” Абая. Больше, чем кому-либо, в них достаётся его соплеменникам. И не потому, что он не любит сородичей, а потому, что у него болит душа за будущее своего народа.

5 июля

Получили от подписки около двух миллионов тенге. Казалось бы, неслыханные деньги, но их едва хватит на бумагу на ближайшие три месяца, а в остальном жить редакции придётся на рекламу...

Недавно заходил к знакомому предпринимателю — он опять купил себе новую машину — “всего-то навсего” за полтора миллиона тенге. Его малое предприятие выпускает наборы мягкой мебели для офисов. Бывший учитель, потом — снабженец... Откуда у людей такие таланты?

Он же рассказал мне, как привёз из Японии свою первую иномарку. У них, начинающих бизнесменов, был какой-то обучающий семинар на борту теплохода, на котором они курсировали вдоль Дальнего Востока. Завернули в Японию, где предприимчивые местные бизнесмены специально прямо в порту выставили подержанные “Тойоты” и “Ниссаны”. Внешний вид — вполне, и цены — бери — не хочу... Мой знакомый присмотрел “Тойоту” за 700 долларов. И такой он оказался не один, тем более что японцы гарантировали бесплатную доставку груза до Владивостока. Уже там он смог договориться с экипажем грузового самолёта, направлявшегося в Ташкент, чтобы прихватили и его “Тойоту”. А что — Павлодар был почти по пути, и запросили за “оказию” всего 300 долларов... Так сегодня дела делаются...

Пенсионеры стали получать пенсию с большой задержкой. И это настоящая беда для очень многих, у которых нет близких людей или других источников дохода. Нам беспрерывно звонят и пишут... Я вчера одной бабуле говорю: “Моей матери тоже не несут пенсию уже третью неделю...”. — “Но у неё-то вы есть, а мне как быть — я одна, и эти несчастные тенге у меня расписаны на каждый день...”. И в самом деле — как ей быть?

Пока пенсии выплачивались из местного (областного) бюджета, подобного не было, а потом где-то наверху почему-то решили, что лучше передать их в республиканский бюджет. И началось... Местные власти стали заложниками такой “бюджетной политики” — люди ведь с них требуют, а что они могут сделать?

Хотя и местные власти хороши: кругом — нехватка всего и вся, а у нас — международный турнир по волейболу, на который затрачено шесть миллионов тенге. Теперь вот ещё международная конференция по энергетике, которая тоже влетит в копеечку.

Готовятся очередные юбилеи — областного, районных масштабов...

Президент, встречаясь недавно с редакторами республиканских газет, говорил им: что вы, мол, всё только про плохое пишете, неужели не видите, что и хорошее есть?

Сестра Наталья ездила на днях в командировку в совхоз “Советский Казахстан” — один из самых дальних в Железинском районе. Рассказывает: там, в втором отделении, уже много месяцев не работают единственный магазин, почта, клуб, радио... Живут — как на необитаемом острове, натуральным хозяйством. Докладывают ли помощники президенту о том, что творится сегодня в дальних сёлах и аулах?

По-прежнему стоит жара... В конторе невозможно работать, а дома — спать, не успеваю по ночам смачивать простыни — иначе не уснуть.

Попытался устроить Ольге короткий отдых — отправил их с Пашкой на дачу жить... Путёвые мужья отправляют своих жён на Чёрное море, а я — на берег протоки Иртыша, за железнодорожный мост... Благо ещё жара и комаров немного, хотя по ночам всё равно грызут.

Жили они там три дня, ночевали, пару раз я с ними. Жгли костёр, ужинали на берегу...

Недавно рыбачили в Железинке — на “Башмаке” (это озеро такое). Поймали бреднем несколько щук. Любопытно состояние рыбацкого азарта, когда видишь в “мотне” бредня большую рыбу...

Ещё и берёзовых веников наломали... Теперь они дома сохнут, и в спальне запах берёзового листа — как в лесу...

7 июля

Интереснейший материал историка Т. Инсебаева о первой экспедиции Петра Первого в Прииртышье — походе его сподвижника И. Д. Бухгольца в наши края и причинах его неудач. Бухголец держал отчёт о провале своей экспедиции перед Сенатом и Петром Первым и был оправдан. А вот плохо ему помогавший и к тому же вороватый сибирский губернатор князь М. П. Гагарин был приговорён судом к смертной казни и повешен в Санкт-Петербурге. Бухголец же навсегда остался в истории освоения Прииртышья (хотя и не нашёл яркендского золота), ещё долго служил на весьма ответственных постах, большей частью в Сибири, вышел в отставку в чине генерал-майора, дожил до 70 лет.

Почти ничего этого я не знал...

8 июля

Устроили благотворительную акцию в конторе — выдали каждому работнику по 50-килограммовому мешку сахара. Половина — за счёт редакции, половину платишь сам. Платить есть чем — выдали премию по два оклада. У нас с Ольгой на двоих вышло аж 5,5 тысячи тенге. Забогатели...

Читаю в сегодняшнем номере объявление: строительное объединение набирает рабочих, средняя зарплата — от трёх до пяти тысяч тенге. Верхний предел составляет две моих зарплаты вместе с гонораром и премией...

Мы почти все деньги проживаем... Но пытаемся что-то и откладывать, менять на доллары. За полгода накопили аж 300 долларов. Мечтаем купить однокомнатную квартиру.

Ходил с А. М. Мухамеджановым на презентацию автомобильного салона, открытого на месте бывшей станции техобслуживания. Выставлялись “Форды” — с десятков моделей: от прогулочных, с открытым верхом, до величественных самодовольных джипов... Цены — от десяти до 50 тысяч долларов.

А пенсионерам уже второй месяц не платят пенсии...

Верховный Совет Казахстана принял решение о переносе нашей столицы в Акмолу. Это — идея президента. И хотя он уверяет, что особых затрат на перенос не понадобится, вряд ли на самом деле это так. Затраты предстоят немислимые...

Зачем всё это президенту? Целей сразу несколько: перенести столицу в центр страны, покрепче привязать к ней преимущественно русскоязычный северо-восток, где всё ещё тлеют угли сепаратизма; “отрезать” преимущественно казахскоязычный юг с его влиятельными националистическими кланами...

В качестве аргументов приводятся и такие: Алма-Ата уже сегодня перенаселена, зажата горами и не имеет значительных перспектив для роста; к тому же она расположена в сейсмоопасной зоне...

Интересно, как скоро всё это произойдёт — передислокация высших структур власти в Акмолу? Говорят, что, может быть, и в Павлодаре разместят ряд министерств: например, энергетики, чёрной и цветной металлургии...

9 июля

Пока одни мои земляки бедствуют, жалуются на жизнь, другие отдыхают от трудов в Греции, Эмиратах, Болгарии, Италии... Но больше всего павлодарцев ездит в Германию — за подержанными автомобилями: за прошлый месяц туда было отправлено пять групп по 35 человек каждая.

12 июля

Прочитал в нашей газете: разведанные запасы угля в мире составляют примерно 800 миллиардов тонн, и хватит их при нынешних масштабах использования примерно на 250 лет; а Казахстану его запасов (только в Экибастузском бассейне — около 12 миллиардов тонн) при уровне потребления как в минувшем году — на 400 лет. Примерно такая же ситуация с нефтью и газом. Так что хочешь не хочешь, а придётся искать альтернативные источники энергии.

Необычная встреча в редакции. Парень-казах Ерлан Бейсеков просто очаровал нас игрой на давно забытых даже в России гусях. Он — павлодарец, из музыкальной семьи; отец играет на домбре и поёт, сёстры играют на пианино и казахских народных инструментах, поют, танцуют... Учился Ерлан в Ленинграде, собирается продолжить учёбу в Москве...

Вот уж воистину: искусство не знает никаких границ.

13 июля

Полная неясность с Данькиным поступлением в институт: то ли экзамен, то ли тестирование, то ли по списку энергетиков, то ли сам по себе... По коридорам института шарахаются ошалелые родители со своими чадами... Богатые платят за своих деньги, влиятельные включают все мыслимые и немыслимые рычаги...

Мать, видя как я дёргаюсь, сердится: «А как вы с Ольгой учились? Кто вас устраивал? Так себя ведёте, будто не он, а вы поступаете!».

Она и права, и не права. У нас всё же были твёрдые правила (хотя и «блатные» тоже были), а тут — чёрт ногу сломит. Но, с другой стороны, тепличные условия приводят к атрофии не только мышц, но и интеллекта. А здоровая конкуренция, соперничество, честолюбие просто необходимы каждому для нахождения своих координат в жизненном море. Почему сотни лет угнетаемые евреи столь влиятельны в самых престижных сферах — культуре и искусстве, науке, банковском бизнесе? Вынуждены были бороться за выживание, знали: чтобы добиться успеха, надо терпеть и трудиться больше, чем другие. Хотя нельзя отрицать и поддержку ими друг друга.

Состоялись выборы президентов Белоруссии и Украины. В Белоруссии сокрушительную победу одержал А. Г. Лукашенко — бывший директор совхоза, получивший особую известность как борец с коррупцией. И, кстати, единственный депутат белорусского парламента, голосовавший против печально известного Беловежского соглашения. Лукашенко набрал свыше 80 процентов голосов. Для сравнения: Кебич (нынешний премьер-министр) — около 15 процентов.

На Украине с небольшим перевесом победил Л. Д. Кучма — бывший директор крупнейшего оборонного предприятия, нынешний премьер-министр, отстаивающий необходимость сохранения связей с Россией. И хотя в ходе предвыборной кампании чаша весов как будто склонялась в пользу “самостийщика” Кравчука, тот проиграл Кучме.

Таким образом, уже сами народы двух республик дали оценку двоим руководителям из “беловежской тройки” (С. Шушкевич в качестве кандидата в президенты не смог пройти даже во второй тур). Поделом и Кравчуку — ведь если бы не он, то не было бы никакой Пуци...

Что же до России, то М. С. Горбачёв, “сдавший” “славянской тройке” СССР, не устаёт повторять, что не считает свою политическую карьеру законченной, а посему не исключает возможности своего участия в выборах российского президента в 1996 году. Если, конечно, народ этого захочет. Тут уж точно желаемое выдаётся за действительное: в памяти народа М. С. останется не только разрушителем, но и предателем... Независимо от того, какими были его намерения, результаты содеянного им оказались ужасающими.

“Неделя” дала главы из книги бывшего начальника охраны Горбачёва — Медведева. Это тот самый рослый лысовато-сосредоточенный человек, который неотступно находился при Горбачёве, — выходил ли тот из машины, шёл ли на очередную встречу с народом, президентом США или просто сидел в президиуме какого-то собрания...

Медведев пишет о М. С. весьма неллицеприятные вещи — и о его театральных “хождениях в народ” (типичные политические игры), и об отношении к помощникам и личной охране (заступив на пост генсека, М. С. тут же заменил прежнюю охрану, много лет служившую ему верой и правдой). Пишет о “спецпоручениях”, которые давал М. С.: купить цветы для Раисы Максимовны, погладить рубашку — всё только через начальника спецуправления КГБ. Но особенно “доставала” Медведева Раиса Максимовна — зачастую отчитывала как мальчика, притом любила это делать в присутствии Горбачёва. Медведев приводит немало примеров её взбалмошности, манерности, отсутствия чувства меры и такта — лезла в дела, в которые ей вмешиваться никак не полагалось.

Тяжело читать подобные вещи... Может быть, и не должны помощники сильных мира сего полоскать грязное бельё тех, кому они много лет служили (а иные и прислуживали). Но и сильные мира не должны так себя вести, ибо давно известно: нет ничего тайного, что не стало бы явным. И вот ещё что любопытно: люди, по многу лет находившиеся рядом с Брежневым и Андроповым (их помощники, охранники и т. д.), никогда не сказали о них публично ни одного дурного слова — даже в ту пору, когда того же Брежнева везде и всюду выставляли просто карикатурной фигурой.

Медведев же пишет о Горбачёве — “голый” (видимо, по аналогии с королём) политик, людей никогда не ценил, менял, как перчатки, в угоду сиюминутной политической конъюнктуры. Так что телевизионный облик М. С. имел очень мало общего с его реальной человеческой сутью, и, наверное, Горбачёв ещё долго будет пожинать плоды того, что когда-то посеял.

Позвонила расстроенная А. М. Ажибаева. Вчера журналисты телерадиокомпаний дали сюжет о коллективном походе теряющих терпение пенсионеров на областную администрацию. Акция протеста вызвана регулярными задержками пенсий, общим ухудшением жизни пенсионеров. Группу демонстрантов завели в здание, где с ними пытались объясниться высокопоставленные чиновники. Журналистов с этой встречи выдворили, они и об этом факте сообщили.

Ажибаевой позвонили из обл администрации — вначале её бывшая подчинённая — с упреком в нагнетании страстей, а когда А. М. её “отбрила”, позвонил и сам глава... Так Ажибаева на собственной шкуре почувствовала, что такое диктат власти и как власть относится к журналистам...

Может, и хорошо, что А. М. дала им отпор, хотя ещё неизвестно, чем это обернётся для неё самой... И давно ли сам я долго убеждал её, и лишь с третьего захода убедил, что мы должны дать материал о голодовке тракторостроителя, протестующего против произвола заводского начальства. И мне тоже говорили: вы что, хотите подогреть страсти, кому подыгрываете?

А. М. Ажибаева, впрочем, всегда была одной из самых здравомыслящих влиятельных фигур в бывшем обкоме партии, но и ей приходилось играть по “партийным правилам” — с оглядкой на первого секретаря, на ЦК и т. д.

14 июля

Парламент с президентом бодаются из-за окончательного варианта бюджета этого года. Депутаты в стремлении удовлетворить все свои предвыборные популистские обещания запланировали 60 миллиардов тенге дополнительных расходов — а это два годовых республиканских бюджета. Чтобы получить эту сумму, надо увеличить ставки разных налогов в три-пять раз, что, конечно же, нереально.

Президент наложил вето на ряд законодательных инициатив парламентариев и вернул Верховному Совету проект бюджета на доработку. А парламентарии отклонили вето президента. Создана согласительная комиссия.

16 июля

В Павлодаре — большой сбор: здесь собрались главы областных администраций, которые во главе с премьер-министром С. А. Терещенко обсуждают насущные проблемы приватизации. Ходил на эту встречу сам, пытался вникать в речи, что было весьма непросто, потому что нет единства по многим вопросам даже среди самих членов правительства. С. А. Терещенко заявил следующее:

— Приватизация нам нужна для того, чтобы появился новый класс собственников и стал хозяином там, где не справилось государство. Сворачивать с этого пути не будем.

Тем временем один из специалистов бывшего совхоза “Селетинский” Х. Сатимбеков пишет в нашей газете, что это хозяйство переживает уже вторую волну реорганизации — и опять неудачную. После первой, которая, по сути, стала лишь сменой вывески, совхоз превратился в коллективное предприятие, и дела пошли ещё хуже. Теперь всем жителям села выдали свидетельства (паи) для новой реорганизации. Совхоз поделён на четыре части: четыре хозяина собрали у людей пай, по существу поделив всё имущество бывшего совхоза меж собой. К тому же по паям жители села разделились на две большие этнические группы — казахов и неказахов. Что тоже чревато проблемами в будущем. А в системе организации труда и хозяйствования мало что изменилось.

До села у правительства, похоже, руки просто не доходят, и всё там пущено на самотёк. Поэтому село попросту агонизирует, разваливается.

Весь учёный мир обсуждает редчайшее космическое явление — остатки кометы, летящие со скоростью 60 километров в секунду, скоро врежутся в атмосферу Юпитера — самой крупной планеты нашей солнечной системы. При этом энергия взрыва составит в тротиловом эквиваленте около миллиона мегатонн — это 500 тысяч тунгусских метеоритов, или 50 миллиардов Хиросим.

Земле, находящейся на расстоянии 730 миллионов километров от Юпитера, этот гигантский взрыв ничем не грозит. Нам, землянам, вообще очень повезло с Юпитером, который первым принимает на себя львиную долю вторгающихся в нашу солнечную систему больших и малых космических тел.

Наша курьерша Нина Ивановна Сабодашева повадилась ходить с мужем на рыбалку, и никогда эти походы для неё не были особенно удачными. А на днях она руками поймала четырёхкилограммового налима. Увидела в заводи непонятный предмет, думала — обломок бревна, а когда “бревно” стало разворачиваться — прямо у её ног, ринулась в воду, смогла ухватить рыбину за жабры и вытащить на берег..

18 июля

Давненько я не получал столько всего сразу... У старшего брата, которого я хотел поздравить с днём рождения, нелады в отношениях с детьми. И виноват в этом, конечно, он сам — решил, что может жить, как хочет, а всё остальное устроится само собой. Не внял моим предупреждениям, потому что “сам себе Поминов”.

У младшего брата — проблемы с самим собой, отчего не только его семья, но и мы с матерью и сестрой на ушах. Написал ему короткое и жёсткое письмо... Там всё настолько плохо, что ни говорить, ни писать об этом не хочется...

Всё это с утра. А потом поругался с депутатом Верховного Совета, великим демократом Галенко. Мы по просьбе обладминистрации сняли его объявление в предыдущем номере — о том, что он организывает встречу с депутатами областного и городского маслихатов. Аргументы: встречу ни с кем не согласовал, и готовился едва ли не митинг..

И вот звонит сам Галенко: это что — цензура, опять вы за старое, давно пора определиться — по какую вы сторону баррикад. “На баррикады, пожалуйста, без меня, — жёстко отвечал я, — они уже не раз в истории были и хорошо известно, чем это заканчивалось. Что же касается объявления, то дела так не делаются: надо же было сначала договариваться в обоих маслихатах, а потом давать объявление. А ваш помощник принёс его втихаря...”

Само собой, наговорили друг другу резкостей. Он сказал, что так эту историю не оставит. Я нашёл что ответить...

Опять я меж двух огней и опять крайний. И те жизни не дают, и эти. И у всех свой счёт к газете, и они лучше меня знают, как её надо делать. Как же они мне все остохренели!

19 июля

Павлодарское АО “Пульс” продолжает удивлять не только земляков, но и всю республику: здесь наладили выпуск стеклянной посуды — из нашего же карсорского песка. Часть её — несложных видов — уже поставили на поток, доводится до кондиции и эксклюзивная художественная продукция...

21 июля

Сегодня с утра забастовали лифтеры, которым уже несколько месяцев не платят зарплату. Часть лифтов в городе остановлена — редакцию бомбардируют звонками недовольные жители многоэтажек.

А в областном онкодиспансере остались некормленными больные — торговля отказалась отпускать без предоплаты даже молоко и хлеб. Даём заметку в номер...

Среднемесячная зарплата в Казахстане составляет 23,9 доллара. Это меньше, чем в России (94 доллара), в Туркмении (57,7) и даже в Узбекистане (39,6 доллара).

23 июля

Удивительные вещи сообщает в интервью, данном “ЗП”, доктор технических наук, профессор Ф. К. Бойко. Он и его помощники разработали и изготовили опытно-промышленные установки, позволяющие самогенерировать энергию, используя так называемые резонансные процессы. В сталейце № 2 тракторного завода уже почти три года действует электропечь, выплавляющая сталь, чугуны, бронзу, ферросплавы. С помощью открытия Ф.К. Бойко здесь создают режимы, при которых печь сама начинает генерировать электроэнергию. И легко можно фиксировать уровни потребления электроэнергии — из электросистемы и генерируемой самой печью. Испытания печи проводили в присутствии самых авторитетных специалистов и комиссий. И во всех случаях фиксировали снижение удельного расхода электроэнергии (в зависимости от вида выплавляемого металла) более чем в два-три раза. И это далеко не предел.

Создание резонансных режимов позволяет экономить электроэнергию при нагреве воды в электрорекотельных. Но и это не всё. Ф.К. Бойко уверяет, что его изобретения — усилительные устройства — позволяют в разы увеличить мощность турбогенераторов Экибастузской ГРЭС-1 без увеличения объёмов сжигаемого угля. И тогда отпадает необходимость в строительстве новых энергоблоков на ГРЭС-2. В 1990 году научными разработками Ф. К. Бойко заинтересовался Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков. Более полумесяца демонстрировал Фёдор Константинович разработанный им способ усиления тока в аппарате Совмина, Академии наук СССР, Комитете по науке и технике, институте высоких температур. В результате академия наук СССР и Казахской ССР было поручено создать отдельный научно-исследовательский институт по данной проблематике... Но Союз вскоре распался, и до изобретений профессора Бойко никому с тех пор нет дела.

Неужели же и после подробнейшего интервью Ф.К. Бойко, подготовленного В. Г. Семерьяновым (тема не его, но справился он с ней отлично), ничего не изменится?!

Экибастузский марафонец Марат Жиланбаев продолжает творить чудеса. В Книгу рекордов Гиннесса занесены два его очередных достижения: пробег через Большую пустыню Виктория в Австралии (1600 километров за 22 дня при дневной температуре воздуха до 42 градусов) и через пустыню Невада в Северной Америке (1218 километров за 18 дней — через долину Смерти, Большой Каньон, Лас-Вегас и т. д.). Теперь Марат — единственный человек в мире, бегом преодолевший все самые главные пустыни земного шара.

В ноябре этого года Марат намеревается стартовать в кругосветку. Маршрут пройдёт по Азии, Африке, Европе и Северной Америке — по территориям 28 стран. В оргкомитет “Кругосветки” вошли члены правительства Казахстана, общественные деятели, другие известные люди. Их принял Н.А. Назарбаев, одобрявший идею пробега. Член оргкомитета Олжас Сулейменов сказал: этот пробег станет событием, равнозначным полёту в космос.

Дело за малым — средствами на организацию кругосветки. Пока что в спонсорах у Марата всё тот же “Экибастууголь”, но ему в одиночку этот проект не осилить.

26 июля

Публикуем сообщение республиканского Госкомстата — об итогах первого полугодия... Всё ясно уже из заголовка — “Тенденция снижения уровня жизни сохраняется”.

Премьер-министр Казахстана С. А. Терещенко высказался за передачу пяти процентов акций руководителям приватизируемых предприятий, которые умело ведут дело. В число вероятных кандидатов-счастливчиков вошли наши З. М. Нурмуханова (АО “Иртыш” — бывший мясокомбинат) и М. Н. Чукумов (АО “Мебельная фабрика “Арай”). Для сравнения: всему коллективу приватизируемого предприятия безвозмездно передаётся десять процентов акций.

28 июля

В Экибастузском районе больше нет совхозов. Их имущество описано, оценено и поделено между бывшими работниками хозяйств. Скоро каждый из них получит свою долю оставшегося совхозного добра — скота, техники и т.д. А дальше каждый волен решать — хозяйствовать самому, объединяться с такими же горемыками или идти в уже создающиеся новые объединения.

Никто пока не рвётся крестьянствовать единолично...

В Акмоле прошёл творческий вечер В. Р. Гундарева. Областной драмтеатр был полон. Владимир Романович и меня звал, но я поехать не смог, о чём очень жалею.

30 июля

Суббота. Приценялись к покупке ещё одной дачи. Главный аргумент “за” — то, что она в нашем садоводстве, неподалёку от нашей дачи. Сперва хозяева запросили 20 тысяч тенге, это примерно 400 долларов. Эту сумму мы могли бы потянуть... Но хозяйка (хозяин больше молчал) стала настаивать на 30 тысячах... А таких денег у нас нет, и в долги залезать не хочется... Так что покупка, скорее всего, не состоится, разве если все другие потенциальные покупатели откажутся.

Собственно, дача доброго слова не стоит: участок маленький, сильно запущенный, домик крохотный, хотя и кирпичный, приличных плодовых деревьев и кустарников нет... Единственное достоинство — неподалёку наша дача, и у нас есть мысль на одной сделать сад, а на другой огород, а кирпичный домик превратить в баню... Но две дачи — это большая обуза, если ими заниматься по-настоящему. Так что не только в деньгах (хотя и в них тоже) дело...

Алма-Ата наконец дала обратный ход — пенсионный фонд выведен из республиканского бюджета. Восстановлен прежний порядок сбора средств в этот фонд и выплаты пенсий. Параллельно увеличены в полтора раза пенсии. Но ещё неизвестно, сколько пройдёт времени, чтобы их выплата была, наконец, нормализована.

Фонд Гиллера провёл опрос общественного мнения в столице и четырёх других крупнейших городах республики: 43 процента опрошенных русских считают своей родиной в равной степени как Казахстан, так и Россию. Я бы, пожалуй, также отнёс себя к их числу.

По уровню средней зарплаты Россия значительно обходит Казахстан, но беда в том, что и там её многие либо не получают вовсе, либо получают с большой задержкой, особенно на селе.

Опять отличилась Ольга Воронько: летала стюардессой по Казахстану — на “Як-40”, и в Москву — на “Як-42”. Написала хороший материал, из которого явствует: не такая уж сладкая жизнь у стюардесс...

В России разгорается скандал, связанный с деятельностью известной фирмы “МММ”, акции которой в последнее время продавались даже у нас в Павлодаре. Всё было организовано очень просто: купил акцию и уже через месяц можешь получить проценты, весьма, кстати, приличные. И поскольку реклама “МММ” была невероятно раскрученной, находились всё новые и новые клиенты — за их счёт и выплачивались проценты предыдущим. Телевизионно-рекламный держатель акций Лёня Голубков (этакий простовато-дурковатый русский мужик) сперва купил жене сапоги, потом из халавщика, ни за что ни про что получившего деньги от “МММ”, превратился в “партнёра”, потом в орбиту их телесемьи под крышей “МММ” невеста как затесалась “Просто Мария” из супер-популярного латиноамериканского сериала... “У “МММ” нет проблем” — беспрерывно звучало с экранов ТВ. Бывшие центральные газеты (даже серьёзные “Известия”) полосами давали рекламу “МММ”...

И вот выясняется: “МММ” — это мыльный пузырь, и ничего более. У этой “фирмы” нет ни одного предприятия, ни одного производства, ни одного банка. У неё вообще ничего нет, за исключением сети ТОО — товариществ с ограниченной ответственностью, которые не только не отвечают по обязательствам друг друга, но и вообще ни за что не отвечают. В свою очередь виртуальное АО “МММ” также не несёт никакой ответственности за деятельность многочисленных ТОО, действующих под маркой “МММ”. Это называют теперь финансовой пирамидой, когда деньги делаются из воздуха; а со всеми предыдущими клиентами рассчитываются за счёт последующих. И если бы все держатели акций “МММ” захотели бы их сдать обратно, чтобы получить за них деньги, пирамида бы сразу обрушилась — этих денег просто нет.

Тем не менее АО “МММ” получало ежегодно от продажи акций миллиарды рублей и только на рекламу тратило до 10 миллиардов рублей в год.

Всё началось с банальной налоговой проверки (повод: утаивают доходы, чтобы не платить налоги), потом дело дошло до правительства, и всем стало ясно: могущественная империя — на деле мыльный пузырь, и до сих пор она паразитировала на умелой рекламе и неизбывном желании российского обывателя заработать деньги, ничего не делая...

По некоторым данным, держателями акций “МММ” стали 10 миллионов россиян и, почувствовав себя одураченными, они такое могут устроить... Пока что объявлено о стократном уменьшении стоимости номинала акции — со ста тысяч до тысячи рублей... Президент АО “МММ” С. Мавроди заявил в “Труде”, что все козни властей против него — это провокации против фирмы, поскольку десять миллионов держателей акций “МММ” (а с членами семей — это не менее 40-50 миллионов человек) представляют собой реальную политическую силу, против которой ополчились все сразу — правительство, демократы, коммунисты, жириновцы...

Чем кончится дело — сказать трудно.

Ходили с Димкой в баню. Билет в общее отделение стоит 35 тенге. Итого за четыре похода (раз в неделю) человеку надо отдать 140 тенге. А размер минимальной заработной платы в Казахстане определён в 150 тенге. Как раз на баню...

Продолжение следует.

Новое имя

Ульяна АПРЕЛЬСКАЯ

“Вечной любви торжество...”

В букете из белых камелий
Ты — мой фиолетовый ирис.
Камелии дважды в неделю
Под утро мне снились.

Луга васильков опустели,
И с облаком грусти простились
Букеты из белых камелий
И мой фиолетовый ирис.

Недолюбили

Губы медовые,
мятые простыни.
Недолюбили друг друга
и бросили.
Скользкие улицы,
тени-предатели.
Видно, впустую мы время потратили.
Слёз перекрёстки,
раскаты отчаянья.
Громкие стоны и вздохи печальные.
Непобедимые, непримиримые,
Доводы каждого неоспоримые.
Мифы — иллюзии,
беды — случайности,
Непредсказуемы детские шалости.
Мысли греховные,
сладость отмищения.

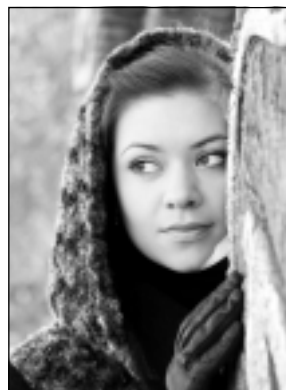

Ульяна Юрьевна АПРЕЛЬСКАЯ (ШТИЛЬМАН)

родилась 24 апреля 1988 г. в г. Степногорске Целиноградской области. В 2009 г. окончила Казахскую национальную академию музыки г. Астаны по специальности “актриса театра и кино”. В 2008 г. стала лауреатом международного фестиваля “Шабьт” в номинации “Эстрадное искусство”.

В 2007 г. принята в труппу русского драматического театра им. Максима Горького. В числе любимых ролей, сыгранных на сцене театра, роль Лидочки в спектакле “Свадьба Кречинского” и роль учительницы в спектакле “Дорогая Елена Сергеевна”.

Публикуется впервые.

Ночь на коленях, мольба о прощении.
Злая бессонница.

Необратимость.

Если б всё это мне только приснилось!

Страх одиночества,
жёсткие простыни.

Переболели,
а бросить — не бросили.

Я за двоих страдать устала,
Я всё решила прекратить!
Весна! Грачи! Пора настала
Любить!

Едва апрель начнёт резвиться,
Я жажду утолю —
Пусть ветром тёплым со страницы
Летит моё "Люблю".

В тупике

Холодное небо, в слезах утопая,
Пыталось к себе приручить.
Ведомая, я оказалась у края
И, кажется, незачем жить.

Во тьме я одну разглядела дорогу,
И времени только на вдох.
Ни вера, ни ангелы мне не помогут.
Прости меня, грешную, Бог.

Злодейка-разлука

Предчувствие скорой разлуки
Играет тугою струной.
Ни с чем не сравнимая мука
Опять оставаться одной.
И в небо журавликов стаю
Я вместо себя отпущу.
Злодейку-разлуку прощаю,
Прощаю и сильно грущу.

В твои глаза, как в омут, без оглядки
Мне постоянно хочется нырять.
Я не могу любить тебя украдкой,
Я у беды хочу тебя отнять.

Мечтаю излечить тебя от грусти,
Дарую волю чувствам, не словам,
Пусть горькая тоска тебя отпустит,
И мы поделим счастье пополам...

Вот и встретились любовь и счастье —
Имена иврита и латыни.
Мы с тобой единого две части,
Части неделимые отныне.

Ты меня погубил, бездушный,
Растерзал моё сердце, как зверь,
Вместе стало смертельно душно
Теперь...

Пусть убьёт меня злая разлука,
Ненавистная душит слеза,
Твоя близость мне стала мукой.
Так нельзя...

Убегу, невзирая на вьюгу,
За измену беглянку прости.
Не смогли мы надеждой друг друга
Спасти...

И спала маска...

Спектакль окончен. Занавес. Финал.
И спала маска с моего актёра.
И рукоплещет восхищённый зал,
Поглядывая на меня с немым укором.

Тебе — фанфары, лавры и цветы,
Друзей поддержка и подруг участие.
А мне — бездонный омут пустоты,
И редко отголоски псевдострасти.

Смотрю с галёрки на искусный фарс,
Гашу в себе обиды и сомнения.
Благодарю судьбу в сто первый раз
За посланное мне с небес прозреньё.

Жемчуга россыпь танцует на коже
Медленный танец фокстрот.
Бус серпантин завивается в ложе
С парой лавандовых нот.

Запаха звон в унисон упоенью,
Сахарных губ колдовство.
Время — ничто. Драгоценность — мгновенье.
Вечной любви торжество.

Красками в мыслях рисую
Сладкие ночи без сна.
Ливни твоих поцелуев
Мне предсказала весна.
Ей, чудотворной, вверяю
Власть над своею судьбой.
Нрав горделивый смиряю
И трепещу пред тобой.

Играешь мною,
 словно мышкой кошка.
А мне тепла охота,
 хоть немножко.
Мне б взять,
 да громко рассмеяться...

Но отчего глаза слезятся?

Мои стихи — непролитые слёзы,
Раскаты грома в лабиринтах темноты.
Небес кровавых огненные грозы
И отголоски бренной суеты.

Украденного счастья дуновение,
Моей души немая глубина.
Навеки поразившее мгновенье,
Никем не покорённая луна.

Мои стихи — волшебные рассветы,
Закат сердец, упрямая печаль.
Мои стихи — вопросы без ответа,
Ошибки, о которых мне не жаль.

г. Астана.

Рисунки Дарияш КАРИМОВОЙ.

Сапаргали ЖАГИПАРОВ,
полковник

За вечный мир в последний бой...

*Пахнет детство
травами-покосами,
Где-то там, у жизни на краю,
Злая доля грузными колёсами
Раздавила молодость мою,
Беру гитару в руки —
Плачет-стонет каждая струна,
И под эти медленные звуки
Засыпает вся страна.*

Дмитрий Дёмин

Об авиаторе майоре в отставке Евгении Богунове, участнике двух войн, кавалере ордена Отечественной войны, медали “За боевые заслуги”, удостоенном грамоты Президиума Верховного Совета СССР за мужество и воинскую доблесть при выполнении интернационального долга.

“Сынок, что поделаешь, война...”

Несколько раз Богунову предлагали новую квартиру в многоэтажном доме в центре Петропавловска, но ветеран двух войн отнекивался, мол, зачем мне жильё.

— У меня есть частный дом, — говорил Евгений Аврамович, — лучше отдайте квартиру нуждающимся людям. Это будет справедливо.

Руководители аэропорта, где трудился Богунов старшим инженером, были в недоумении, сказав: “Вот чудак, как фронтовику и передовику производства, предлагают квартиру, а он который раз уж отказывается. Где видели человека, не желающего стать счастливым и жить в уютной благоустройке?”.

Да, фронтовик более полвека своей жизни посвятил труду. Когда началась Великая Отечественная, то на мальчишеские плечи Жени легла особенно тяжёлая ноша. Ему тогда едва исполнилось пятнадцать лет. Он заменил в колхозе отца Аврама Ивановича, ушедшего на фронт. Уходя из дома, отец вздохнул:

— Сынок, что поделаешь, война — она есть война.

Малыши, сбившись в кучу, ничего не понимая, таращили глаза на отца. Аврам Иванович расцеловал каждого. А из глаз жены Марьи Андреевны по лицу ручейками текли слёзы.

Помолчав, старший Богунов тихо добавил:

— Женья, ты ещё молод, не спеши на фронт и в тылу нужны рабочие руки — помогай матери.

В колхозном поле Евгений и его мать трудились каждый день без передышки, стараясь доделать всё то, что не успели завершить ушедшие на фронт

мужчины. Особенно на сенокосе Женья по-взрослому проявлял усердие и настойчивость. Невысокого роста, щупловатый, в закатанных штанишках, он босиком всегда шёл среди косарей в числе первых. Острая коса беззвучно срезала траву. Вжик-вжик — и ровный густой рядок ложился под ноги. Был трудолюбив и старателен, выполняя другие задания руководства колхоза.

Время от времени Богунов не забывал заглянуть и в военкомат. Он, как и его сверстники, просился на фронт. Впоследствии наступил и его черёд, стал Евгений курсантом Селищинской авиационной школы механиков.

Материнское сердце

Опустел неказистый домик в селе Плоское, что в Северо-Казахстанской области. Марья Андреевна осталась с малышами. На сердце стало тускло. Беспокоилась: “Как они там, на фронте?”.

Какой мерой измерить, сколько она пережила за годы войны? Сколько душевных сил нужно было для того, чтобы нести тяготы будничных колхозных дел. Казалось бы, оставалась она спокойной внешне, в то же время все её мысли были там, где смертельная опасность каждую минуту грозила мужу и сыну. Каждая их рана была и её раной. С нетерпением ждала от них весточек. Как много значило получить с фронта сложенный треугольничком листок, с корявым почерком от Аврама Ивановича и Евгения. Даже несколько слов: “Жив и здоров”, присланных из неведомой фронтовой дали, зашифрованной номером полевой почты, могли порадовать и придать силы.

До сих пор в семье Богуновых сохранились документы, фотокопии газет, благодарственные письма, в которых сообщается о подвиге отца и сына. Их сумела сохранить добрая и отзывчивая Марья Андреевна.

— Вот фотографии отца, — рассказывает Евгений Аврамович. — На обратной стороне надписи: “Пенза, госпиталь, 26.01.1942 г.”; “На Эльбе, в пехоте — в 314-й стрелковой дивизии, 30.05.1945 г.”.

Есть у ветерана и свои памятные фотографии, благодарности, вручённые командиром части полковником А.Вишняковым, за образцовое выполнение им воинского долга.

Эти документы не могут не растрогать каждого, кто прошёл трудными дорогами войны и тех, кто ковал победу в тылу.

С гармошкой всю войну

Мы сидим в доме Евгения Аврамовича. На плите кипит чайник. Вспоминая пережитое, боевых друзей, майор в отставке не сдержался, взял в руки гармонь и запел: “Тёмная ночь разделяет, любимая, нас...”.

А затем спел другую:

*“Эх, дороги,
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян”.*

Играл Богунов с задором, с настроением. Пел бывший механик боевых самолётов и о небе, о крыльях, в том числе вспомнил свою, курсантскую: “Пропеллер громче песню пой”.

— Не поверите, с гармошкой прошёл всю войну, — продолжает ветеран. — С ней было всегда легко и весело. Игра бередила душу, воодушевляла, звала в бой. Да, песня, песня, что она делала с человеком! Тут рядом раздаются взрывы, надо выполнять задачу, а песня всё не выходит из головы, звучит и звучит.

Сейчас, возвращаясь к тем боевым годам, я смотрю на них через призму времени, как будто всё было во сне. Подумать только: тогда, несмотря на свою молодость, хотелось жить, презирал смерть. Мы-то хоть живы остались, а ведь скольких боевых товарищей потеряли, уму непостижимо.

Вместо сердца — “пламенный мотор”

Фронтовик, о чём-то ещё подумав, заговорил вновь:

— По молодости всё казалось преодолимо, и в самом деле, вместо сердца бился “пламенный мотор”.

Богунов крикит, среднего роста, говорит неторопливо, обстоятельно. Так и кажется, что и со словами обращается, как когда-то с самолётом, готовя его к вылету.

— Окончив авиационную школу, я прибыл в 176-й гвардейский Проксуровский, орденов Александра Невского, Кутузова истребительный авиационный полк, в тот период принимавший участие в освобождении Крымского полуострова от гитлеровских захватчиков. Часть дислоцировалась на полях аэродромах Княжевичи и Джанкой.

После назначения его механиком самолёта “Ла-5” познакомился со своим командиром, лётчиком-лейтенантом Сергеем Крамаренко. Выглядел он стройным, подтянутым. Внешне чем-то был похож на отца Богунова и в манере разговора чувствовалась доброжелательность, заботливое участие, но в то же время требовательность.

— Осмотрев меня с головы до ног, — говорит фронтовик, — Сергей Макарович подробно расспросил, откуда родом, есть ли отец, мать, другая родня, чем занимался до войны.

Когда Крамаренко коснулся боевого пути части, то с гордостью сообщил, что полк неоднократно одерживал победы в жарких боях, и в этом есть заслуга прославленных лётчиков Ивана Кожедуба, Александра Команичкина и многих других героев.

Со временем я узнал, что Крамаренко не только отважный лётчик, незаурядный тактик воздушного боя, но и человек добрейшей души.

Гордостью для меня до сих пор являются мой командир, Герой Советского Союза, генерал-майор авиации Сергей Крамаренко, конечно же, ас, трижды Герой Советского Союза Иван Никитич Кожедуб, сбивший в воздушных боях 62 самолёта противника. С ними я прошёл через две войны.

В том, что Сергей Макарович стал Героем, думаю, есть и мой вклад. По признанию самого Крамаренко, лётчик, техник, механик — одно целое. И в самом деле, выпуск боевой машины в небо не обходился без нашего участия. А готовить самолёт надо было мгновенно и качественно. Тем более, события весны 1944 года развивались стремительно, не было ни

минуты для отдыха. В те дни, укрепляя свои позиции на южном берегу Сиваша и под Керчью, фашисты во что бы то ни стало пытались удержать за собой Крым. Воздушные бои разгорались над крымской землёй все сильней и сильней.

Наши истребители и штурмовики, несмотря на непогоду, надёжно прикрывали наземные войска. Блокировали аэродромы противника, тем самым не давали возможности взлетать гитлеровским бомбардировщикам. Но и фашисты упорно сопротивлялись. Их “Юнкерсы”, “Хейнкели” бешено огрызались, а “мессеры” яростно набрасывались на наши аэродромы.

Так случилось, что однажды надо было немедленно оказать помощь лётчику, попавшему в беду, то есть приземлившемуся вдали от нашего аэродрома. Взяв с собой бортовую сумку, канистру масла, пришлось через вражеские укрепления добираться до самолёта, у которого отказал мотор.

Откровенно говоря, мне не надо было долго объяснять, в чём причина отказа мотора. Оказывается, лопнул масляный шланг. Отважный лётчик старший лейтенант Виктор Стулов остался доволен, что я смог за короткое время устранить неисправность.

Не раз механику приходилось кроме машины своего командира обслуживать самолёты других лётчиков.

Именно за отзывчивость и профессионализм его уважали пилоты, штурманы части. “Настоящий труженик, к любому делу относится с душой, ответственностью, к тому же у него “золотые” руки, до тонкости знает технику и её вооружение”, — так отзывались сослуживцы о Богунове.

Как-то, уже спустя годы после войны, встречаясь с бывшим своим механиком, майором в отставке Богуновым, генерал-майор авиации Крамаренко припомнил ему весну сорок четвёртого, как фашисты превратили Сапун-гору в мощный узел обороны, как отстаивали каждый клочок земли.

В ответ Евгений Аврамович вспомнил и другие сражения, сказав: “Всё помню, будто было вчера, как день и ночь. Не забуду, как вы, лётчики, пять-шесть раз ходили на штурмовку, видели вываливающихся из-за облаков “мессеров”. И над землёй вертелась такая огненная карусель, что словами передать трудно”.

— Помню подвиги, кроме авиаторов, и других специалистов, наших боевых товарищей, которые оказывали всяческую помощь в строительстве аэродромов, мостов, в разминировании. Разве не героизм, когда по шестнадцать-восемнадцать часов сапёры стояли в ледяной воде под огнём гитлеровцев, сооружая мост? Разве без храбрости, отваги и партизан, тружеников тыла, антифашистов одолели бы врага, вооружённого до зубов? Именно наши воины в 41-м остановили врага под Москвой, в 43-м сломали хребет под Сталинградом и Курском, в 45-м добились его в собственном логове.

Хоть я и авиатор, но считаю, что вклад в Победу внесли все представители видов и родов войск, но всё же главный вклад внесли наземные войска. Первый автограф на рейхстаге заслуженно оставил пехотинец. Мы ему помогли завоевать Победу — одну на всех. Нельзя её делить. Ведь воевал весь наш народ.

Корейский след. Под грифом “секретности”

— А каким ветром вас занесло на корейскую землю? — спрашиваю ветерана.

Евгений Аврамович тяжело вздыхает, а затем из шкафа вынимает пожелтевшие документы.

— Жизнь, как говорят, непредсказуемая штука, — успокоившись, произносит фронтовик. — В те 50-е годы эта война за “морем” для нас была засекречена. Но война есть война, каждый из нас делал своё дело добросовестно, никто не прятался за спины друг друга. Каждый вылет, каждый бой были особенными. Разумеется, и страна была чужая, отличалась как климатическими условиями, так и в плане географического положения. Но как бы там ни было, советские лётчики надёжно защищали независимость Северной Кореи от вражеского нашествия.

Конечно же, когда наступила весна сорок пятого, каждый военнотруженик из нашей части думал, что с войной покончили мы счёт, и разговоры теперь шли о будущем, о мирной жизни. Люди мечтали... Я собирался вернуться домой — в Казахстан, но нас, особенно лётчиков, механиков, техников, почему-то задержали. Продолжил дальнейшую службу в качестве техника самолётов в Подмоскowie. Были горячие деньки. И риск тоже. В Заполярье, на острове Шмидта, в условиях полярных ночей пришлось испытывать новую технику, а затем — командировки на остров Врангеля.

Живёт человек буднями. Приходят радость и печаль. Одно сменяет другое. Наступил день, когда командование отдало приказ на погрузку самолётов в эшелон. Требовалась величайшая скрытность, чтобы никто не узнал: куда и зачем направляемся?

... И вот Японское море. У всех нас, — рассказывает Богунов, — иностранные имена, штатская одежда, документы, по которым значатся специалисты разных профессий, и безмятежный вид туристов. Хотя перед этой длительной поездкой прошли обучение в Китае, значит, мы на корейской земле должны воевать в роли китайских лётчиков, механиков, техников, мотористов... Всё это — необходимые меры предосторожности.

До сих пор помню, перед моими глазами — чужая земля. Пелена мгlistых облаков лежала над городом. Вечерело. В разрыве туч выглянула тусклая красная полоса. Последний луч заката упал на серебристые крылья машин.

Оперативная группа, возглавляемая трижды Героем Советского Союза Иваном Кожедубом, накоротке провела совещание. Иван Никитич довёл до нас общую обстановку и поставил задачу. Прославленный лётчик внешне выглядел спокойным, однако в нём чувствовалась какая-то озабоченность. Но мы понимали, что именно на его плечах большая ответственность за принимаемые оперативные решения.

“Мы на чужой территории, — говорил Кожедуб, — поэтому прошу соблюдать дисциплину, проявлять единство и характер, разумеется, боевое мастерство, а его вам не занимать...”

Многих лётчиков я знал уже давно, с ними прошёл боевой путь в составе 176-го гвардейского истребительного авиаполка. Тем более, моим командиром стал тот же самый Сергей Крамаренко, с которым на фронте мы делили глоток воды и горбушку хлеба.

Поздней весной 1951 года началась боевая работа. Особенно жаркими были боевые сражения в районе железнодорожного моста через реку

Ялуцзян. Он представлял собой важный стратегический узел, и американцы пытались вывести из строя мост, бросив в этих целях почти до пятидесяти бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Иван Кожедуб, зная ситуацию, распорядился на перехват поднять самолёты “МиГ-15”. И закрутилась в небе карусель. Наши лётчики сбили 12 “летающих крепостей”. Отличился и Сергей Крамаренко, вступив в неравный бой с группой американских машин. В корейском небе он — командир эскадрильи, лётчик смелый, напористый, в целом сбил 13 “сэйбров”, за что был удостоен высокой награды.

Ветеран и по сегодняшний день помнит фамилии своих героев-однopolчан, таких асов воздушных боёв, как А. Вишняков, Д. Титаренко, А. Шербестов, Г. Гесь, Г. Олейник. А машины “МиГ-15” считает самыми лучшими, проявившими в сражениях живучесть, “непотопляемость”. В качестве примера он привёл такой факт. После одного боя на “МиГе” насчитали более 60 пробоин, но когда машины коснулись руки техников, самолёт остался в боевом строю.

Советские лётчики часто использовали как манёвр уклонения косую петлю. Это трудный манёвр для преследователя, не дававший ему возможность найти огневую позицию.

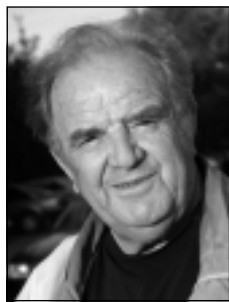
Успех сражений во многом зависел от мастерства и наземных специалистов. Техник Богунов работал и здесь основательно, снимая узлы, разбирая их до деталей. Промывал, чистил, смазывал, методично собирал узлы и ставил их на место. И машина летала, словно боялась ослушаться техника.

Евгений Аврамович — не только профессионал высочайшего класса, но и открытый, весёлый человек, чем-то напоминавший своего командира. Он, как и ранее на фронте, привлекал лётчиков своей общительностью, музыкальными способностями. В минуты досуга брал в руки гармонь и старался поднять настроение товарищей.

И сегодня фронтовик не расстаётся со своим музыкальным инструментом.

— В доме хоть не всегда людно, но хлопот по хозяйству хватает, — говорит ветеран. — В разговоре некоторые пенсионеры сетуют на то, что рядом нет детей, стало скучно жить, а я им отвечаю: “Займитесь любимым делом, тогда будет и настроение, радость”. Моё здоровье, настроение — пчеловодство, игра на гармошке, на баяне. Не всегда рядом и мои дети, у каждого из них своя жизнь, судьба, работа. Сын Николай — кандидат экономических наук, трудится в конструкторском бюро, дочь Татьяна — юрист, внук Илья после окончания Череповецкого военного института радиоэлектроники проходит воинскую службу. С супругой Раисией Николаевной мы прожили счастливую жизнь. Не так давно она ушла в мир иной, но соседи не дают скучать, заглядывают на огонёк. И тогда за шумящим самоваром, под звуки баяна поём песни, да есть и о чём поговорить.

г. Петропавловск.

Моисей ГОЛЬДБЕРГ

Жизнь, отданная хлебу

Судьба отмерила Степану Яковлевичу Трофимову всего 64 года. Но на земле он оставил светлую, добрую память.

Его называли звездой первой величины.

8 января 2010 года исполнилось сто лет со дня рождения этого замечательного организатора сельскохозяйственного производства Казахстана.

В январе каждый день удлиняется на минуточку. Продрогшие, себрыбрыющиеся изморозью хатёнки Первомайки подставляют свои крыши солнцу, чтобы хоть на какое-то мгновение почувствовать приближение весны. Минувший декабрь был уж больно сумрачным. Село накрывали то гололёды, то оттепели, то на него обрушивались обильные снегопады. Сельчане издавна связывают самую длинную ночь с днём рождения вождя, собравшего деревенских мужиков в колхозы. Усач, по их определению, хоть и был суровым в отношении деревенского люда, но зато выполнил главный завет Ильича — дал деревне сто тысяч тракторов, чтобы они накормили досыта страну хлебом. Осуществилась мечта земледельца. На всём советском пространстве с конца двадцатых годов стали появляться машинно-тракторные станции. Три буквы — МТС — стали знаком времени. Первые МТС заработали в 1928 году. Они должны были положить конец примитиву в земледелии, пробудить у сельского люда профессиональный интерес к механизации полеводства.

*Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати...*

В 30-х годах из всех репродукторов звучала песня о погибшем героетрактористе Петре Дьякове. Молодого парня враги коллективизации стащили с трактора, облили керосином, кинули в борозду, которую он только проложил на земле, и подожгли. При этом изверги орали: "Хотел землю, получай её!".

Но, оказывается, "огненный тракторист" спасся каким-то чудом и вполне благополучно дожил до героической целинной эпопеи. Известный журналист и знаменитый редактор "Известий" — лучшей газеты страны Алексей Аджубей разыскал его в Приуралье на станции Голышманово, где тот работал механиком элеватора. Алексей Иванович был зятем Никиты Сергеевича, и в последний приезд Хрущёва на целину сопровождал своего знаменитого тестя. Аджубей рассказал о своей журналистской находке мне лично. Он спросил Дьякова, почему же столько лет тот не отзывался.

Герой-тракторист ответил: "Да, я слушал знаменитую песню Кирилла Молчанова. Но я думал, что это о другом Петруше. Ведь тогда коллективизация превратилась в сплошное противостояние друг против друга многих крестьян".

МТС к началу освоения целины в стране насчитывалось почти 9 тысяч.

В Первомайке располагалась крупнейшая на Акмолинщине Калининская МТС. Многие годы её возглавлял человек, для которого сотворение хлебного колоса стало высшей жизненной целью. Степан Яковлевич Трофимов, можно сказать, родился степняком. Дед его переселился из-под Полтавы на вольные земли Оренбуржья. Причиной отъезда как раз и стала та катавасия, которая происходила в украинском селе, где классовая вражда обострилась до невозможности. Переезд оказался печальным. Дедушка Степана так и не увидел океан бушующих диких ковылей с красными тюльпанами, не ощутил запах чабрецовых полей, когда разогретые солнцем, они неистово благоухают. В дороге он занемог и скончался. А сын его Яков обосновался в Пономарёвском районе Оренбуржья. Там же и родился Степан. Юношей он оказался в числе разработчиков карьера стройматериалов под Карагандой. Среди ста крепких молодых рабочих-казахов он был единственным русским. Там познал доброту этой нации и силу братства, впервые услышал знаменитую песню “Дударай”, о любви русской девушки Марии и красивого кудрявого казахского джигита Дюсена. Через многие годы Трофимов оказался как раз в этом самом Кургальджинском районе, где родилась эта трогательная песня о любви, ставшая казахской классикой, и дай Бог, чтобы она всегда объединяла людей. К слову сказать, судьба его дочери Тони в чём-то повторила судьбу героини песни “Дударай”. В Антонину влюбился казах, и они создали прекрасную семью, в которой всегда почитали слово её отца. Как говорится, породнились с казахами кровно.

Первые трудовые будни Степана Яковлевича связаны с развитием Карагандинского индустриального региона. Строились шахты, город, прокладывались подъездные пути.

“Работа на карьере была нелёгкой. Всё время хотелось есть. Еды всегда не хватало. Всё, что подбрасывали из аулов, всё шло на общий стол. Последние баурсаки или лепёшку парни отдавали мне. Там я и выучил казахский язык, все мудрые поговорки, присказки. Словом, прошёл полный курс “горьковских университетов”. Позже, когда я проходил специальные курсы в Алма-Ате, преподаватели-казахи даже удивлялись тому, как я владею некоторыми языковыми оборотами.

“Понимаешь, — говорили мне, — даже не все казахи знают такие мудрёные слова”.

Здесь же, в Караганде, заметили общественную активность русского юноши и приобщили его к многим важным ответственным делам. В то время наряду с коллективизацией кочевников принуждали к оседлости. Бедность была невероятная. Кочевники не могли воспринять новую жизнь. Люди замерзали в степи, умирали от голода. Однажды Степану поручили акцию спасения голодающих. Был собран караван с продовольствием и топливом из ста пятидесяти подвод. Это был очень опасный для жизни рейс, поскольку не секрет, что во многих районах промышляли банды грабителей, которые нападали на тех, кто шёл на помощь голодающим.

Процветало мародёрство. Вот именно там проявились отважный и твёрдый характер молодого и отчаянного Трофимова, его личное бесстрашие. Эти качества в нём подметили руководители региона, его живой ум, какую-то особую внутреннюю уникальность. При этом все отмечали его работоспособность и постоянное стремление к самообразованию.

Несомненно, главную хозяйственную закалку Степан Трофимов получил, работая директором МТС в Первомайке. Она стала кузницей воспитания кадров. Профессии тракториста, шофёра, комбайнера были в те годы мечтой многих юношей и девушек. Что бы там ни говорили, деревни тогдашнего Новочеркасского района крепили. Урожаи колхозов радовали. Он целыми днями проводил в тракторных бригадах, давая советы, подбадривая колхозников.

“Главное, чтобы каждый колосок был увесистым, чтобы в нём было не меньше 35-40 зёрен, а мы уж постараемся вовремя обмолотить пшеничку без потерь. А наши хозяйшечки хлебушек ароматный испекут в домашних печах: румяный, пахнущий гроздьями хмеля, обвивающего ваши заборы”.

Ну как не вспомнить, рассказывая о директоре МТС, знаменитые каменные караваи, сохраняющие свою свежесть, не черствеющие по нескольку дней. Поистине в каждой хлебушке сила казахстанского солнца, свежесть зимних метелей и летних гроз.

Прибыв в эти края осенью 1953 года, первое, что услышал, это рассказ о знаменитой каменной паровой мельнице. Мука её в тогдашнем Акмолинске считалась особым достоянием.

Многие тучные урожаи Трофимова довоенного времени отмечены золотыми медалями ВСХВ. Архивы сохранили благодарственные письма тогдашнего наркома земледелия Ивана Александровича Бенедиктова и директора Всесоюзной сельскохозяйственной выставки академика Николая Васильевича Цицина.

... Шёл 1940 год. Кинопередвижки бесконечно крутили в клубах “Трактористов” и “Богатую невесту”, в которых передавалось тогдашнее настроение деревни. Почему-то директора МТС выглядели какими-то неуклюжими, комичными и вообще в этих лентах все проблемы решались легко и однозначно.

— Всё было так и не так. На самом деле уже тогда проверялась прочность тыла. Если не ошибаюсь, уже на третий день войны Сталин пригласил к себе Бенедиктова и спросил: “Чем кормить будем страну и наших солдат?”.

— Хлебом Востока, — ответил нарком вождю. При этом разговоре Бенедиктов сказал, что упор делает на сибиряков и казахстанцев.

— Товарищ Бенедиктов, передайте им моё благословение, благодарность за труд.

Об этом рассказывал Бенедиктов и во время посещения целинников в первые годы освоения казахстанских просторов, уже будучи министром совхозов СССР. Иван Александрович хорошо знал Трофимова и считал МТС форпостами, предвестниками целинного хлеба.

13 апреля 1948 года. Министр сельского хозяйства адресует директору Калининской МТС короткое послание: “Поздравляю Вас с высокой правительственной наградой — орденом Ленина.

Выражаю уверенность, что Вы не остановитесь на достигнутых результатах и в дальнейшей своей работе добьётесь новых, ещё больших

успехов в борьбе за получение высоких урожаев. Надеюсь, что Вы передадите свой опыт другим труженикам сельского хозяйства и поможете им вырастить высокий урожай. Желаю вам здоровья, сил и дальнейших успехов в работе”.

Ещё один любопытный документ той поры.

“Уважаемый товарищ Трофимов! Центральная торговая база конторы “Союзпосылторг” Министерства торговли Союза ССР по поручению дирекции Всесоюзной сельскохозяйственной выставки высылает Вам премию — приёмник “Балтика”, как отличившемуся участнику Всесоюзной сельскохозяйственной выставки”.

Степана Яковлевича Бенедиктов считал одарённым человеком, знатоком земли, умеющим чувствовать её живое дыхание.

При МТС были постоянные курсы, на которых готовились механизаторы села. Молодёжь гурьбой записывалась на курсы. Трофимов говорил юношам и девушкам:

— Жизнь нивы измеряется не только хлебными злаками, но и состоянием почвы. Она, как и человек, дышит кислородом, в зной испытывает жажду и требует пить. Вот почему каждый дождик — это дар небесный. Научитесь зимой задерживать снег, потому что талая вода — это тоже дар Божий. Испокон веку пахарь, обращаясь к небу, молил: “Хлеб наш насущный даждь нам днесь”.

Трофимов знал множество полеводческих примет. При молодом и ущербном месяце нельзя было начинать посев. Хлеб, посеянный в новолуние, растёт и зреет быстрее. Но колос не будет богат зерном. А вот “новолунный” хлеб растёт тихо и стеблем короток. Зато ядрён и обилен зерном.

Приметы приметами, но главные знания Степан Яковлевич черпал из различных научных журналов, со многими учёными он переписывался. В травопольной системе Вильямса он видел лабораторию восстановления плодородия. Во многих колхозах, входящих в зону МТС, уже тогда возделывали люцерну, клевер, донник.

Возвращаясь домой часто глубокой ночью, он всё-таки перед сном перечитывал солидную прессу и переписку с самыми известными в стране полеводами. В зону МТС входили девять колхозов с пашней примерно 50 тысяч гектаров. Первый сноп из сёл трактористки приносили в кабинет директора. Он низко кланялся колосьям, отдавая этим почести земле. Почти 20 тысяч тонн хлеба — таков вклад хозяйств в Победу.

И здесь к месту вспомнить рассказ одного из земледельцев того времени.

— Почему-то многим вспоминаются весенние ковыли 1954 года, пробуждённые гулом моторов, армадой тракторов. А ведь и в годы военного лихолетья мы расширяли пашню. Каждому колхозу доводился план распахать по 200 гектаров целины. Помню, моей бригаде выделили четыре пары быков. Мальчишки были погонщиками быков, а молодые жёны фронтовиков — плугарями. Солнце только на восходе, а мы уже тянем трёхкилометровую борозду навстречу первым лучам светила. К обеду от усталости падали и быки, и мы. У женщин ладони опухали от рычагов плуга. Вот оно, горькое военное поле и хлеб тыла. Эти отчаянные роспашки превращались в спасительные дополнительные пуды пшеницы, ячменя, овса, ржи, проса, вики.

Совсем неспроста в 1951 году в доме Трофимова поселился на несколько месяцев весьма высокий гость из Москвы — личный советник Сталина

по агрономическим вопросам — Шевченко. Вернувшись в Кремль, он доложил всё, что увидел на казахстанской земле.

— Обязательно превратим целину в хлебное поле, — твёрдо решил Иосиф Виссарионович.

Так что грандиозный проект по освоению безбрежных территорий на востоке страны вызревал давно.

Проходят десятилетия, сменилось несколько поколений землепашцев. Динамика жизни первопоселенцев то ускорялась, то замедлялась. Но, несомненно, личность Степана Трофимова остаётся для всех — и старых, и молодых хлеборобов — яркой и многогранной. В связи с этим хотелось бы ещё раз вернуться в знаменитый кремлёвский кабинет. Оказывается, Сталин лично просматривал многие издаваемые в МТС политотдельские многотиражки. Они нравились ему за острый крестьянский язык. Однажды он вызвал тогдашнего редактора “Правды” Мехлиса и сказал: “Возьмите. Почитайте. Из-под Воронежа мне прислали эту газету. Научитесь так писать, товарищ Мехлис. И запомните: нет больших и малых газет, есть большие и малые журналисты”.

Старые люди, дожившие до нашего времени, помнят, что ошеломлённый вероломством германского фюрера Сталин, тем не менее, лично распорядился в первые дни войны сохранить знаменитую бригаду Паши Ангелиной из Старобежской МТС. Он потребовал эвакуировать её и всю МТС за Волгу. Знаменитая стахановка оказалась в Уральске со всеми тракторами, прицепными орудиями, с полным штатом трактористов. Она с ходу включилась в обработку казахстанского поля. И эта земля вошла в плоть и кровь прославленной женщины-механизатора.

Когда же фашистов изгнали с Кубани и многих украинских областей, Казахстан получил особое поручение из Москвы — помочь восстановлению порушенного сельского хозяйства. Трофимов сам грузил на платформы самые надёжные тракторы, которые по разнарядке должны были быть направлены на Кубань для восстановления прежнего хлебородного потенциала страны.

Следует вспомнить, что Трофимов постоянно укреплял технический арсенал мастерской. При нём была запущена электростанция с тремя двигателями, а золотые умельцы совершали чудеса. На простых стареньких станках токари вытачивали десятки наименований деталей, включая самые сложные втулки и шестерёнки. Не хватало хороших токарных резцов. Приспособились их изготавливать из клапанов разбитых немецких танков. Они получались прочнее специальной самокальной стали. Два кузнеца — Припс и Червинский — сами стали отливать поршни

С. Я. Трофимов на отдыхе с рабочими Калининской МТС. Слева от него кузнец Эрнст Припс, награждённый орденом Трудового Красного Знамени.

Интеллигенция с. Первомайка Астраханского района Акмолинской области.

Так уж случилось, что он оказался с одним глазом. Но мужики считали его самым зрячим, видевшим жизнь в деревне на многие годы вперёд. А двум братьям Степана — Ивану и Трофиму — война отмерила испытание полной мерой. Известие о начале войны ворвалось в село с оглушительным набатом. Никто не стал ожидать мобилизационных повесток. Как говорится, сборы были недолги.

— Знаем, Степан, что тебе дано право на любого наложить бронь. Но две жизни не проживёшь. В нашем роду не было трусливых. Прощайте, земляки, не вспоминайте лихом. А уж если не вернусь, сохраните в памяти моё имя, — обратился к односельчанам Иван, как бы предчувствуя свою трагическую судьбу. С фронта от него пришло несколько писем об отчаянных боях с гитлеровцами. Дивизии, сформированные в Казахстане, сражались мужественно, бесстрашно. Что после блистательной Победы признали в своих мемуарах многие знаменитые немецкие полководцы, которые кичились своими блицоперациями в других странах. Сколько горстей земли пришлось Ивану дрожащей рукой сбрасывать в братские могилы своих погибших однополчан. В феврале 42 года он очутился сам в одной из таких могил. А вот Трофим оказался счастливым, ему повезло. Тяжёлыми солдатскими шагами прошёл пол-Европы, полземли и вернулся целёхоньким. Он сражался на знаменитой линии Маннергейма с белофиннами. Там получил первую закалку лютыми морозами. Потом прошёл многие поля сражений Великой Отечественной, участвовал в разгроме японской Квантунской армии.

В родную Первомайку вернулся в 1947 году. Задержался на целых два года. Каждый земляк, узнав о счастливом возвращении, хотел обнять Трофима.

— Жив? А мы думали, что никогда не увидим тебя, — радовались сельчане. — Половина мужиков осталась на войне, теперь ты нам ещё роднее стал. Даже не верится...

Трофим обнимал всех, целовал, прижимал к сердцу. Поцелуй детишек, ставших сиротами, — всегда у него находилась конфетка в кармане для малышей. Все восхищались: надо же, пройти три войны и сохранить человеческую доброту и сердечность. Вернулся он в одной шинели, но с собой привёз подарок для мамы — настоящий русский посадский платок. На фронте он привык курить одну сигарету за другой. Он уже не мог, чтобы его глаза не обволакивал махорочный дым. Всю войну он подвозил к боевым

для тракторных двигателей. Несколько раз в самые суровые дни войны Трофимов обращался к директору танкового завода — Зальцману — за помощью. Он посылал танкостроителям муку, масло, мясо, пшено. Суровый генерал тракторостроения с благодарностью принимал эту помощь и в ответ умудрялся поддерживать МТС запчастями. Было такое, сельчане, было.

В армии Степану служить не пришлось. В военкомате его списали по зрению.

позициям снаряды, взрывчатку, попадал сам под бомбёжки. Он часто признавался, что не понимает, как выжил. На финской войне потерял почти все зубы. Когда по радио передавали “Амурские волны”, все замечали, что на глазах у фронтовика появлялись слёзы.

— Живи, Трофим, у меня, — предложил ему Степан. — Зачисляю тебя в штат МТС — автослесарем. Знаю, руки у тебя золотые. Специалисты позарез нужны.

Дети Степана Яковлевича — Александр и Антонина — вспоминая своего дядю, рассказывали:

— Для нас он стал вторым отцом. Папа, как вы понимаете, целыми днями ездил по полям, давая бригадам всё новые и новые поручения. Он требовал быть расчётливым, экономить во всём. Например, во время войны комбайны в поле вытягивали быками — экономилось горючее. Много ему приходилось решать депутатских проблем. — Почти каждый день, как вспоминали дети, в доме Трофимова останавливались уполномоченные. Гостиниц и постоянных дворов в селе не было, вот и приходилось директорским детям больше спать на полу вместе со своей бабушкой, а детскую комнату отдавали приезжим.

— Дядя Трофим нас обласкивал, помогал находить ответы на любые вопросы. Так что он был не только техническим наставником многих молодых автоводителей, но и наставником житейских дел всех первомайцев. Три года он жил у нас. А потом поселился в убогой хибарке. Отец часто говорил ему: “Трофим, ты же мне брат. Потерпи с жильём. Как построим побольше, сразу выделю тебе новый дом”, — рассказывала дочь Антонина. — Прежде чем подумать о себе, он думал о других. Когда мой старший брат Александр учился в институте в Алма-Ате, ему приходилось снимать комнатёнку в частном секторе.

“Папа, ты же депутат Верховного Совета. Тебя все знают. И никто не откажет тебе в твоей просьбе. Пусть дадут мне место в общежитии”. А отец отвечал: “Вот об этом не проси меня. За другого обиженного судьбой — заступлюсь. А просить себе — совесть не позволяет. Вырастешь — сам поймёшь, что идти даже на малейшие хитрости нельзя...”.

С внучкой Антониной в аэропорту г. Алма-Аты, 1968 г.

Калининская МТС. В центре — С. Я. Трофимов.

Трофимов и Ширяев — депутаты Верховного Совета КазССР — на курсах повышения квалификации. Алма-Ата, 1948 г.

В день открытия февральско-мартовского (1954 года) Пленума ЦК КПСС в главной газете страны “Правда” появилась статья Трофимова о перспективах освоения целины в акмолинской степи. Кстати, теперешний Астраханский район засеивает уже 350 тысяч гектаров зерновых.

На Трофимова многие равнялись не только в плане размаха хозяйственных дел, но и в умении создать атмосферу добрых человеческих отношений. Достаточно сказать, что в годы войны здесь оказались многие дети блокадного Ленинграда без родителей. Не было дня, чтобы он не интересовался: накормлены ли малыши, тепло ли одеты. Личную заботу он проявлял и о тех, кто оказался здесь в эвакуации или выслан из своих родных мест. Надо же, в годы военной голодухи создать при МТС мощную рыболовецкую бригаду, которая промышляла на всех озёрах и возами доставляла в село рыбу. Её раздавали людям, и это было спасением.

Коровка на личном подворье Трофимова телилась ранней зимой. На других же подворьях телята появлялись в феврале и даже в марте, поэтому трофимовская бурёнка считалась кормилицей всех малышей. Надоит хозяйка Вера Акимовна парного молока, но своим детям не даст:

— Ты, Сашенька, уже большой. А у соседей детки совсем маленькие.

В селе все удивлялись щедрости директора МТС и непоказному благородству его семьи. К супруге Трофимова приходили сосланные немки, эвакуированные еврейки, обиженные судьбой ингушки. Поэтому часто на столе директора МТС могла появиться фаршированная щука по-еврейски или штрудель по-немецки. Вот что рассказала дочь директора Тоня о своей бабушке Федосье Тимофеевне:

— Найдёт во дворе пять копеек. Полдня ходит по соседям и спрашивает у всех: не обронил ли кто-то из них монетку. А мама по хозяйству всё делала сама: и белила, и штукатурила.

Была у Трофимова ещё одна страсть. В село со всех лесхозов завозились тысячи саженцев деревьев. С того времени Первомайка — настоящий зелёный оазис в Приишимье.

Дочь Трофимова — Тоня — перебравшаяся потом в Кургальджинский район, тепло вспоминает, как однажды весной отец привёз ей сразу несколько десятков саженцев разнообразной сирени, и вскоре её дом стал утопать в радуге цветов. Это было требованием отца. Сирень он высаживал сам. Впоследствии, оказавшись в столице Астане, она перевезла отцовскую сирень в свой двор — розовую, фиолетовую, белую. Кочующая сирень! Как это прекрасно.

Себя Степан Яковлевич не мыслил без школы, постоянной заботы о ней. В то время многие ссыльные учителя имели научные звания, были профессорами своего дела. Вот откуда детям передавались глубокие знания. Но этого было мало. Трофимов просил директора школы, чтобы все дети занимались искусством пения, живописью, спортом. Умели ставить спектакли,

проходили уроки танцев. Неслучайно многие годы Первомайка славилась звонкоголосыми певческими голосами. В сельском хоре пели все специалисты. Да и хлеборобы всегда откликались на звуки сельской гармонии.

Как же всё это не вспоминать, ведь именно это является тем главным наследием, чем мы должны дорожить.

Естественно, богатый опыт Степана Яковлевича Трофимова был востребован всеми целинниками Казахстана, которые приносили стране свои знаменитые золотые миллиарды. После ликвидации МТС Трофимов был назначен руководителем треста совхозов Кургальджинского района.

Кургальджино — земля традиционных кочевий, бессчётных лошадиных табунов и тучных отар превратилась и в щедрое поле, на котором земледельцы выращивали хлеб крупно, зримо, масштабно. Отсюда и простор мышления: чем шире поле, тем прозорливей ум. В качестве руководителей подбирались порой не очень компетентные люди, прибывшие из разных регионов страны. Вплоть до военных генералов, которые успешно сражались на фронтах, но, оказавшись на мирной земле, проявляли полную беспомощность.

— Растить хлеб — не воевать. Поле требует не громохания, а земной заветной тишины и пения жаворонка, — говорил генералам Трофимов.

Он подбирал деловитых управленцев. После очередной реорганизации Степан Яковлевич был назначен директором крупнейшего совхоза «Армавирский», где зерновыми засеивались сорок тысяч гектаров пашни. Он заменил ушедшего из жизни волжанина Виктора Авдеевича Спиридонова.

Сын Степана Яковлевича Александр, ставший в Казахстане крупнейшим специалистом в сфере сельской электрификации, рассказывал:

— Папа нахваливал своих полеводов, когда видел, что борозда проложена, будто по шнурочку, что пласт добротнo взрыхлён, а лемех отточен как бритва. Встанет у края поля и любуется работой сеятелей, ровной заделкой каждого зёрнышка. Он часто повторял: что и как положишь в землю, то и возьмёшь. А если уж увидит хоть один просев, рассердится, пожурит по-отцовски тракториста: «Сынок, хлеб и сеять и убирать надо всегда совестливо».

И в Первомайке, и в «Армавирском» на больших площадях выращивали арбузы, дыни. Эта продукция отправлялась в города и рабочие посёлки. Армавиры продавали бахчевые по полкопейки — своим, и по одной — городским. Но на собранные деньги Трофимов построил среднюю школу. Представляете размах его бахчеводства?!

Перед жатвой.

Директор совхоза «Армавирский» Акмолинской области С. Я. Трофимов с группой специалистов, 1963 г.

Насколько серьёзно и уважительно страна ценила труд земледельцев Казахстана, подтверждает любопытный факт. Всесоюзное радио однажды посвятило десять специальных выпусков “Последних известий” одному сеятелю из совхоза “Армавирский” Асхату Икрамову, башкиру по национальности. В первом утреннем выпуске на всю страну прозвучали трели жаворонков. И неповторимый голос Левитана произнёс:

“Слушай голос казахстанской степи, слушай голос целины”. Он поприветствовал всех сельчан с началом посевной. Каждый выпуск рассказывал, как меняется засеянное поле, как оно дышит. Где-то в полдень у Асхата произошла заминка. Перед гусеницами трактора оказались малюсенькие беспомощные волчата. Тракторист их бережно перенёс в безопасное место. “Любящий степь никогда не принесёт ей никакого вреда”, — сказал механизатор.

“Мы с железным конём все поля обойдём...” — майские утренние передачи Целинограда разносили по всей степи мелодию “Марша трактористов”, как пароль к большому хлебу. На всех полевых станах бригадиры включали радиоволну, на которой звучали сводки, казалось бы, сухих цифр засеянных за предыдущий день полей. Что там у соседей? Не выбился ли кто-нибудь из графика полевых работ? Человек, творящий хлеб, — многолик. И посеянное зёрнышко столь же удивительно многообразно и индивидуально отзывается на весенний импульс земли. Кружит и кружит вокруг солнца, закольцовываясь, чародейка-жизнь. Какая это радость — видеть первые зелёные иголочки всходов на майской пашне. Неделю назад зёрнышко лежало на твоей ладони, а сейчас уже росток тянется к солнцу. И ты — создатель этого зелёного чуда. Трофимовская борозда всегда будет оставаться стрелкой большому казахстанскому хлебу.

Гены родителей передались детям. Антонина возглавляла районную комсомольскую организацию. Потом была директором школы и воспитывала у всех детей любовь к земле. Александр — старший сын Степана Яковлевича — возглавляет институт “Казсельэнергопроект”. Тысячи километров электролиний, сотни трансформаторных подстанций стали его детищем. Ныне государство поручило ему осуществить уникальный проект по электрификации всей Боровской курортной зоны. Там должны быть освоены огромные капиталовложения, и каждый тенге должен принести результат. Но элитность этого проекта не затуманивает некоторые другие эпизоды работы Александра Степановича. Например, однажды его пригласил к себе сам Димаш Ахмедович Кунаев:

— Ко мне обратился один из чабанов. Хочет перегнать свои отары за сотню километров на другой отгон. Просит подать туда электричество. Сможете это сделать?

— Ну, конечно, Димаш Ахмедович, сделаем. Выполним ваше поручение.

— Ну тогда от меня лично Вам большой рахмет.

И выполнили ведь это задание. Вот какое внимание в то время уделялось простому сельчанину.

Всё это мне напомнило уважительность вождя народов к фильму “Трактористы”. В ту же Первомайскую МТС приезжал в годы освоения целины любимец, артист Николай Афанасьевич Крючков. Сталин однажды сказал ему, что многократно просил прокручивать этот талантливый фильм, который стал классикой. И однажды, будучи в хорошем настроении, Иосиф Виссарионович знаменитую строчку из песни пропел по-своему: “Три танкиста выпили по триста...”. С тех пор Крючков на любом банкете и в любой полевой бригаде, где он встречался с механизаторами трофимовской МТС, напевал: “Три танкиста выпили по триста”.

После торжественных проводов на пенсию Степан Яковлевич Трофимов попросил скромную квартиру в Целинограде, от более просторной отказался.

За несколько дней до кончины он захотел встретиться с дочерью бывшего начальника политотдела МТС Пономарёва — Валентиной Сергеевной. Он вспомнил прощальное объятие со своим политическим комиссаром. Пономарёв сказал тогда ему: “Такие люди, как я, с фронта не возвращаются”.

Он погиб в боях под Москвой, проявив высший героизм. С тех пор все дети этого дорогого для Трофимова человека стали его детьми.

Ветры времени каждое лето шелестят колосьями казахстанской нивы и в её золотистых переливах всегда будет присутствовать жизнь пахаря Трофимова, его живая душа, его светлая мечта: “Быть с хлебом — это постоянно чувствовать в себе теплоту жизни”.

Вот таким был Степан Трофимов, кавалер трёх орденов Ленина и многих других наград, трижды избиравшийся депутатом Верховного Совета Казахской ССР, хлебом помеченный человек самим Богом.

Жизнь его прошла в постоянном беспокойстве о процветании казахстанских далей. Осени приносили ему радость своей хлебной позолотой. Кургальджино, как известно, считается заповедником перелётных птиц. Поэтому часто он останавливал свой “газик” у озёр, где собирались несметные стаи фламинго, пеликанов, лебедей. И провожая их в дальний путь, он всегда напевал, как мне рассказывали, знаменитую песню Михаила Исаковского и Матвея Блантера:

*Летят перелётные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать.
А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.*

Он остался сыном этой земли, вечным её пахарем.

... Второго февраля 1974 года перестало биться сердце Степана Яковлевича Трофимова — неутомимого труженика, радателя и преобразователя степных казахстанских просторов, великого созидателя, блестящего организатора сельскохозяйственного производства, человека поразительной душевной щедрости и высокого духа. Его имя золотыми буквами вписано в славную летопись целинного Приишимья.

И пусть эта публикация, посвящённая 100-летию со дня рождения Степана Трофимова, будет данью памяти этой яркой и многогранной личности.

г. Астана.

Вера Акимовна и Степан Яковлевич Трофимовы с Валентиной Пономарёвой, 1973 г.

Фото из архива А. С. Трофимова.

Виктор КИЯНСКИЙ,
депутат Мажилиса Парламента РК,
член Ассамблеи народа Казахстана,
академик МАНЭБ и МАЭ

Нет кроны без корней

Мне грустно от того, что многие слова, связанные с родственниками, теперь считаются устаревшими. Хотя, если попытаться заглянуть в любое из них глубже, оно раскрывается, как цветок на утреннем солнце. Иногда поражает своей точностью, мудростью, порой вызывает удивление тем, насколько ласковое и нежное. Мне кажется, многим хотелось бы сегодня узнать, откуда взялись даже такие простые слова, как мама, папа, тётя, бабушка?

Михаил Задорнов “Третье ухо”

Казахстан, находясь в центре Евразии, с незапамятных времён был местом прохождения волн переселения народов, вызванных природными явлениями, войнами и коллизиями верований. Всё это приносило в степь последствия, которые и создали ту мозаику сегодняшнего дома, в котором мы живём.

У нас веками вырабатывалась национальная и религиозная толерантность и мы сумели многие “я” вплести в крепкое “мы”. На новом витке исторического развития Президент Казахстана Н. А. Назарбаев смело перебрал мост от “Аз и Я” к “Евро”, поставив вопрос о создании Евразийского союза. Так трансформировалась и усилилась суть топонима “Евразия”, который из географического понятия перерос в политическую теорию, а затем в Доктрину национального единства благодаря тонкой социальной интуиции нашего лидера.

Поэтому совсем не случайно, что именно в Казахстане на границе двадцатого и двадцать первого веков родился уникальный институт межнационального взаимодействия — Ассамблея народа Казахстана, проводящая свои ежегодные сессии во Дворце мира и согласия. Пирамида, если хотите, — это символ вечнозелёной ели. А ель — это глубокая память об алтайской колыбели тюркских и славянских народов, что на века вошло в фундаментальное казахское слово “ел” (страна, государство, отечество, родина) и русское слово “ель”, которое ежегодно символизирует в каждой семье начало Нового года тоже в память об алтайском празднике дерева, отмечавшемся 25 декабря.

И вполне закономерно, что именно в Казахстане на русском языке была написана книга “Аз и Я” казахом Олжасом Сулейменовым, ставшая

началом восстановления древнего пути между Востоком и Западом, зава-
ленного историческими заблуждениями многих поколений учёных, лето-
писцев и инквизиторов.

Сегодня успех этого дела зависит от осознания и осмысления наших
общих корней, запечатлённых в географических топонимах, общих сло-
вах и наших фамилиях.

Я начал это исследование с изучения корня своей фамилии, пытаюсь
подтвердить, что мы — русские, казахи, украинцы, белорусы, татары, тур-
ки, башкиры, узбеки, киргизы, азербайджанцы, туркмены и абсолютное
большинство других этносов вышли когда-то из одного Алтайского “детс-
кого сада” народов. Наверное, такой экскурс может сделать каждый. В
основу своего экскурса я взял семь принципов, которые изложил в книге
“Симфония народов”:

1. Мы все вышли из одной колыбели евразийских народов и у всех
нас значительно больше общего, чем различий, а многообразие — основа
для единства и для притяжения, а не для отталкивания.

2. В противовес центробежным, деструктивным силам, отодвигаю-
щим континенты и народы друг от друга, следует культивировать “серд-
цестремительные” силы, цементирующие казахстанскую общность, де-
лающие её пластичнее и разнообразнее.

3. Пространство от Альп до Китайской стены было соединительной
лентой для многих народов. Здесь не было границ и барьеров для торгов-
ли, поэтому у евразийцев генетическая тяга к свободному перемещению
людей и товаров.

4. В условиях экспоненциального роста населения в мире, ухудше-
ния экологической ситуации и нашего транзитного положения, в独一无-
ру невозможно решить проблемы, “не имеющие границ”. Опустынивание
регионов и обмеление рек начинается с опустынивания и обмеления душ.

5. В межнациональных отношениях придерживайтесь серебряного,
золотого и платинового правил:

— в спорах слово — серебро, а молчание — золото;

— во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте
и вы с ними;

— будьте комплиментарны, говорите то хорошее, что люди хотели бы
услышать о себе.

6. Качество жизни региона — математическая дробь, в числителе
которой экономика и межнациональное согласие, а в знаменателе экст-
ремизм и расизм. Чем больше знаменатель, тем меньше дробь при любой
экономике.

7. Не бойтесь дружить с людьми другого цвета кожи, языка и культу-
ры, хотя это может и не приветствоваться большинством. В вашей правоте
великолепным защитником всегда будет генетика.

Здесь у нас в Казахстане, в Боровом великий геохимик и эколог
В.И. Вернадский в сороковых годах прошлого века мечтал о всеобщем брат-
стве и разработал учение о Ноосфере, планетарное сознание которой объе-
динит все народы в единую семью, находящуюся в гармонии с Природой.
Может быть, XXI век станет временем исполнения этой мечты, если все
мы будем работать на объединение, а не на распри, когда мир стоит на
пороге глобальных климатических катастроф, грозящих новыми пересе-
лениями народов.

Отец, что в имени твоём?

*В великом "Слове о полку Игореве",
как буйная трава, вросли в славянскую
строку кипчакские слова.*

С. Марков

Моё евразийство начиналось в маленьких западноказахстанских посёлках Нехворощанка, Тихоновка, Фёдоровка и на железнодорожной станции Казхастан, которая сегодня стала городом газовиков — Аксаем.

В Тихоновке, население которой сегодня живёт тихой жизнью, прошло моё начальное образование с 1 по 4 класс. Жили здесь в основном выходцы с Украины — кто во втором, а кто в третьем поколении. И разговаривали мы на исковерканном украинском языке, который назывался "русским". На самом деле это было "Тихоновское эсперанто", состоящее из украинских, казахских и русских слов. И ничего, отлично понимали друг друга. Особенно до школы — в "дописьменный период", когда решающую роль играла звуковая рациональность. Так что говорить в будущем на трёх языках — не проблема, если к этому подвигает жизнь, среда и глобализация.

До пятого класса мы не испытывали особых затруднений, т. к. Мария Михайловна Лагвиненко, добрая учительница начальных классов, вполне допускала в нашей писанине определённый процент украинского засорения и строго не судила, а иногда выносила с юмором наши "окраинизмы" для хохота класса.

Проблемы начались в пятом классе, когда мы переехали в п. Фёдоровку, где было уже смешанное население, и к моему русскому языку начали предъявляться классические требования, тем более что отец уже был не председателем колхоза "Заветы Ильича", а председателем Теректинского райпотребсоюза, и снисходительности учителей не было. Так я из отличника до четвёртого класса в пятом стал получать не только тройки, но иногда и двойки. И только к 9-му классу выправил своё произношение, хотя после одиннадцатого класса получил серебряную медаль — в сочинении допустил одну грамматическую ошибку, написав "почтальён" вместо "почтальон", и это при том, что мама работала на почте! Ребята смеялись над моими "постій же", "на друге місце", "каже собі той чоловіке", "і ворали на полі", "він узяв", "не воруйся", "чого це ви тут пустуете", "ти нас оце бачив", "перелякався", "авжеж, бачив", "що це ви", "а нам байдуже". Спрашивали: "Что это Киян сказал?" или "Что Киянка настучала?". Хотя понимал, что эта кличка всего лишь сокращение фамилии, тем не менее воспринимал это как обидную "кликуху". Самое удивительное, что в Тихоновке украинские и казахские ребята "кучковались" и "ховались" при игре в казаки-разбойники вместе и даже говорили сходными словами, идя за кавунами и гарбузами, не вникая в истоки этой близости. И когда меня обзывали Киян, то мой друг детства Бауыржан успокаивал: "Пусть говорят. Это хорошее слово. Они говорят, что ты их будущий зять. У меня, например, имя обозначает "душа кровного родственника" — и ничего, не обижаюсь". Эта детская философия на время успокаивала меня и приводила в равновесие. Было время псевдонимов и "кликух" даже у первых руководителей — Ленин, Сталин. У ребят казахов обязательно были имен-эквиваленты, а по сути "кликухи" — Самат (Сергей), Бахтыгали (Боря), Ермек (Миша), Сагин (Саша).

Отец тоже настраивал философски: “Ну такая у нас украинская фамилия и не бери в голову, пусть дразнят, что ты деревянный молоток. Не будь только дубом”. Что киянка — это деревянный молоток — я знал с уроков труда, но что означает слово “киан” для меня очень долго оставалось загадкой. Если честно, то именно с этого слова начался у меня интерес к изучению казахского языка и истоков близости истории украинского, русского и казахского языков. Для меня стала понятна формула: “В имени и фамилии таятся история, преемственность поколений, смысл и традиция”. Оказалась, что в слове “иан” закодировано столько историй и загадок, многие из которых не объяснены до сего дня по разным причинам. Почему это слово “Киян” стало названием острова в Белом море на севере России, почему раньше Каспийское море называлось Киян-море, почему в сказках большие водные объекты называли окиян, (“По морю по окияну к славному царю Салтану”), есть тюркская притча “Уш киян”, а жители Киева — это кияне и киянки? В современном бильярде кий — это основной инструмент для игры, а в Актау независимая газета называется “Уш киян”, есть в Казахстане издательство “Уш киян”. Южнее Карелии была ещё Каянская Украина. Архимандрит Досифей писал: “И завладели немцы Каянские Украины”. Оказалось, что все их объединяет древнее тюркское слово “иан”. Откройте современный казахско-русский словарь. Это слово “иан” имеет значение “даль”, “далёкое место”, а также “ограничивающий”, “находящийся на границе”, “пограничный”, которое стало основой названия матери городов русских — Киева. Сегодня киевляне — это кияне и киянки, о которых современный украинский поэт написал возвышенно:

*Мы с тобой впервые в Киеве,
Мне становится теплей
От левобережных, ивами
Обжигающих аллей.
Фонари, брусчатка, лестницы,
Рыжих листьев мишура,
Володимирова крестница,
Выхожу я из Днепра.
А над лаврой по-домашнему
Опускают темноту.
И горит окно монашеское,
В эту жизнь впуская — ту.
И кивают нам, взираючи
Из иного бытия, Володимир, Ярославичи —
Все киянские князья!*

Формула “Киев — мать городов русских”, используемая в “Повести временных лет”, имеет непосредственное отношение к легенде о призвании варягов. В определённом смысле она является отрицанием мнения о государственнической миссии варягов в Киевской Руси и утверждает мнение, что именно Киев, а также полянская земля, в которой появился этот город, и есть державное начало Руси. Тем самым признавался приоритет киевской традиции державности, которая вела своё начало от Кия, над традицией варяжской.

Однако есть и другие версии — известных научных авторитетов. Академик Рыбаков писал: “Полянский князь Кий действовал, вероятно, в

конце V- первой половине VI века. Его первой резиденцией была Замковая гора на берегу речки Киянки возле Подола, а потом была построена крепость на высоком берегу Днепра, где потом существовала крепость Владимира I". Критики этой точки зрения вопрошают: "Можно ли упомянутую в тексте древнюю Киянку назвать "речкой Кия" или же наоборот, имя князя происходит от названия реки?". Ответа нет.

В конце XIX века неожиданный вывод сделал руководитель археологических раскопок Хайновский. По его мнению, в V веке на киевских холмах осели греки-колонисты (хиосцы, или кианеи). После чего "современники стали называть население Киосы Кианами, что впоследствии преобразовалось в Киян и Киев".

Академик Греков говорит о Куявии как о деревне, основанной антами (или полянами) в VI-VII веках с центром в Киеве. Об этом государстве свидетельствуют и арабские письменные источники. Существует также гипотеза, согласно которой древнему поселению, расположенному на месте нынешнего Киева, было бы теперь 20 тысяч лет, а имени города — 5 тысяч лет! Этимологи сделали такое открытие, исходя из саамского слова "кий", что означает "каменный массив, выступающий из воды". Эта гипотеза хорошо объясняет названия северных объектов с этим корнем. Саами являлись потомками древнейшего восточноевропейского народа, который первым достиг побережья Северного Ледовитого океана вслед за отступившим 11 тысяч лет назад ледником. Поэтому и топонимика Поморья изобилует саамскими названиями: Соловки (буквально "остров"), Кий — "камень, выступающий из воды". Интересно, что саамское "Кый" означает не только воду, а и реку. Народная этимология склонна объяснять происхождение всех топонимов от имён легендарных личностей. Такого же мнения о происхождении названия Киев придерживается Нестор — автор "Повести временных лет": "Яко же бысть древле цесарь Рима и прозвался в имя его град Рим. И паки Антиох — бысть Антиохия... паки Александр — и бысть в имя его Александрия. И многа места тако прозвани быша грады в имена цесарь тех и князь тех. Тако же и в нашей стране прозван бысть град великий Киев в имя Кия". Этой точки зрения буду придерживаться и я и постараюсь найти дополнительные подтверждения в исторических источниках.

А сколько фамилий растеклось по миру, порождённых духом местности и кипчакского князя: Кияновы, Кияновские, Киянины, Киянские. Особенно много их на Украине, в Польше и Белоруссии, но дошли они до Германии и США, закрепившись в фамилии Kinski, Kingski. Брат, который сегодня в Германии, при натурализации получил именно эту транскрипцию. А когда было трудно, то мне всегда казалось, что в силу этой космополитной фамилии дед и отец не избежали "мест не столь отдалённых" как "враги народа" и "колхозного строя", хотя имели ордена и медали. Отец в отличие от деда не был в длительном тюремном заключении — спасла "Ворошиловская амнистия". И прадед был забит шомполами белоказаков в посёлке Покатиловка недалеко от Уральска, хотя по иронии судьбы его сын позже женился на казачке из Мергенево. А когда я стал работать инженером на закрытом заводе "Омега" в Уральске, то один капитан, ознакомившись с личным делом, пообещал продолжить эту семейную традицию из-за "подозрительной" фамилии. И это при том, что к тому времени я уже с отличием закончил университет, отслужил в армии офицером и стал

на заводе первым кандидатом технических наук! Но время тех капитанов кончилось, и вместо “посадки” стали реабилитировать предков и был поставлен памятник невинным жертвам политических репрессий в самом сердце Евразии в Астане. Эпоха насильственных переселений скончалась, а на сайте “Жертвы политических репрессий” появилась запись о моём деде: “Киянский Фёдор Корнеевич родился в 1887 году в селе Белоцерковка Александровского района Екатеринославской губернии. Украинец, образование начальное. Бригадир. Проживал в селе Ильинка Теректинского района Западно-Казахстанской области. Арестован 29 сентября 1939 г. Теректинским РО УНКВД по ЗКО. Приговорён: НКВД СССР 31 марта 1940 г. Обвинён по статье 58-7 УК РСФСР. Реабилитирован 31 марта 1989 года. Сведения ДКНБ РК по Западно-Казахстанской области”.

Известный исследователь Юрий Миролубов в книге “Князь Кий, основатель Киевской Руси” пишет: “Князь Кий воцарился на Киевской Руси после тяжёлого периода войны III века, когда Степной Союз Племян атаковал Римскую империю. Он был из степных князей (кипчаков)”. На одном пиршестве степных князей, когда пили “братскую чашу”, где вино было смешано с кровью участников, князь Кий сказал: “Братья князя! Нам придётся выдержать первый удар Рима, но у нас нет хорошей конницы”. И они призвали под свои знамёна братьев Кабарды. Начало освоения земель описывается так: “Три братья село малое спросили: “Якое село есть?”. А им люди вопрошают: “А вы Кии будете?” — “А мы Киевы и будем!”. Так той Кий и стал князем всех, а два братья тоже с ними, да построили Киев, Щековину и Хоревград. И стал над ними князь Кий. А ему князю тому старики кий дали, чтоб правил да бил и правого и виновного, коли слушаться не будет. И стал ходить князь Кий с кием в руке”.

Можно ли найти топонимическое подтверждение слова “киян” и роли матери городов русских?

Да, в “Слове о полку Игореве”: “Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесеньска, в предгорьях стоял лес Кияни, и понеслись они, вороны, к синему морю!” На древнерусском это звучит так:

*Святъславъ мутенъ сон видѣ
Въ Киевѣ на горахъ...
Всю ночь съ вечера
бусови врани възграяху у Плѣсьнска,
На болони бѣша дебрь Кияня
И несошася къ синему морю...
Иже погрузи жиръ во днѣ Каялы—
ръки половецкыя,
рускаго злата насыпаша.*

А в пояснениях к этому произведению сделаны уточнения: “Всю ночь с вечера серые вороны граяли (предвещали несчастье) у Плесеньска (под Киевом), в предгорьях стоял лес Кияни (Киянь — река под Киевом)”.

Есть ли доказательства того, что князь Кий принадлежал к степным родам? Эти доказательства были найдены мной в “Сборнике летописей” знаменитого Рашид ад-Дина, причём с деталями, которые приоткрывают тайны появления рода Киян в Дешт-и-Кипчак. Он повествует о двух братьях Нукузе и Кияне с их семьями и родственниками, которые в III-IV вв. н.э., во времена существования государства Сяньби, потерпели поражение в

войне Уйсуну-Гунской формации от Каракидандь-Жужанского союза и укрылись на Алтае и в Дешт-и-Кипчак.

Вышеназванные Нукуз и Киян являются родоначальниками единого Древа под наименованием “Дарлигины” в IV-IX вв. н. э. и “Дарликены” в IX-XI вв. н. э. и его двух основных ветвей: “нукузской” и “киятской” (“кият” от “киян” во множественном числе), потомки которых известны как обладатели тамги “Тарак”.

Примечательно, что в III-IV вв. н. э. на реке Аргунь и верховьях Амура часто упоминается родовая ветвь Тарак Киян (Кыйян, Кыят, Кият, Куат, Кут). “На древнетюркском и монгольском слово “киян” значит “большой поток, текущий с гор в низину”. А далее подробно процитирую Рашид ад-Дина: “С той поры некоторых детей Кабул-хана и его сына Бартан-бахадур, бывшего дедом Чингисхана, называют Кияты. В то время у Бартан-бахадур старшего сына звали Мунгэду Киян. Был он великим бахадуром, и многие Кияты, которые ныне находятся в стране Дешт-и-Кипчак, происходят из его рода, его двоюродные братья родичей”. Выходит, что род Киян пришёл задолго до прихода самого Чингисхана в Приднепровье, а среди воевавших друг против друга были потомки одних и тех же родов! И в свете сказанного переключки имён совершенно не случайна, а отражает бывшую объективную реальность. Как версию можно предположить, что тех, кто принадлежал к ру (род) Кий (Киян) — киян из стороны Руси Киевской, могли в дальнейшем также называть русскими (“А вы кии будете?” — “А мы ру Кий будем”).

Т. е. это слово вошло в географические названия на Украине с давних времён и свидетельствует о ранних этапах взаимодействия Степи и Поля, что прекрасно описано в работах Льва Гумилёва. Как и мы, евразийцы, наши евразийские слова от единого корня на древе жизни. Только, Боже упаси, проводить прямую или даже кривую линию между этими древними именами и современными фамилиями, а тем более вводить их в родовое дерево. Я лишь говорю о генезисе некоторых слов, которые вошли в существующие топонимы, что с большей или меньшей степенью вероятности могло быть задействовано в естественном процессе отбора и формирования в дальнейшем фамилий. И тем более, это не повод для исторического манипулирования, имея в виду, что даже конкретные факты служат порой для взаимоисключающих выводов. Это просто анализ истоков появления слова.

Мурат Аджи в своей книге “Азиатская Европа” считает наряду с тюркским смыслом для Киева — город зятя (к йеу) слово “иян” даже точнее для названия города, который с V века стоял на пограничной реке, нёс пограничные таможенные функции. Говорили: “Это ведь такая даль”. (Был сондай иян). Он был северными воротами в страну Дешт-и-Кипчак, один из каганатов которой назывался “Украина”, что в переводе с тюркского, да и с русского означает “крайний”, находящийся у края. По сути дела, иян и Украина обозначают одно и то же. Этим же Мурат Аджи объясняет названия города на границе Хазарии и Великой Булгарии, острова в Белом море, что на подходе к Соловецкому монастырю. Одна из волн великого переселения народов проходила, вероятно, и при князе Кие, который родился около 390 года, а умер в 470-м. Начало строительства Киева, возможно, связано с волнами великого переселения народов.

Лев Гумилёв в книге “Древняя Русь и Великая степь” считает, что начало “государства русского” следует отсчитывать с “киевского каганата”. В 439 г. небольшой отряд хана Ашина бежал из Северо-Западного Китая от победоносных и безжалостных табгачей. Состав этого отряда был пёстрым, но преобладающим этносом были сяньбийцы. Поселившись на склонах Алтая и Хангая и смешавшись с аборигенами, тюркюты сделали своей узкой специальностью плавку железа и выделывание оружия. В 522 г. их первый хан — Тумын одержал победу над жужанями, господствовавшими в степи в IV-V вв. Так был создан Великий тюркский каганат, куда и входил каганат Украина.

Этот край был очень притягательным для степняков и в нём вместе с киянами постоянно селились новые колонии тюркских родов. Очень часто волны народов, отражаясь, вновь возвращались в степь. Это было очень подвижно и динамично. “Красные девки” — “половчанки” выходили за ещё “не покрасневших” (или уже побелевших!) киян с другого берега половецкой пограничной реки Каялы, украинской реки Куява в бассейне Прута или реки Киянь под Киевом, и у них рождались дети, которые в зависимости от исторических и географических обстоятельств становились потом украинцами, казаками, русскими, поляками, мадьярами, немцами. Люди разбрелись. И только говорящие фамилии — свидетели корней. В поэтическом восторге перед “красными (прекрасными) девками” преклонился и современный русский поэт А.Кушнер, фамилия которого тоже несёт тюркские корни (куш—сила; нар—одногорбый верблюд). Через сотни веков он генетически чувствует общность евразийских топонимов и слагает гимн тюркским женщинам, если хотите — бабам, запечатлённым, изваянным в камне на всём евразийском пространстве:

*Калмычка ты, татарка ты, монголка!
О, как блестит твоя прямая чёлка!
Что может быть прекрасней и нелепей?
Горячая и красная, как степи.
Кого обманет лёгкая накидка,
И зонт и туфли? Где твоя кибитка?
Из войлока? Где кожаная куртка?
Башкирка ты, бурятка ты, удмуртка.
Красавица! Зимой какие вьюги
В Баймаке, Белебее, Бузулуке!
Красавица! Весной какие маки
В Сарапуле, Уфе, Стерлитамаке!
Ты пудришься? К лицу ли эта бледность?
Красавица! Далась тебе оседлость!
Где лошадь? Мохнатая где шапка?
Зачем ты не гарцуешь, как прабабка?*

В XIII веке при монгольском нашествии Дон (в переводе с тюркского возвышенность) был потерян для народов, проживавших на этой территории. Тогда же была потеряна Русская государственность почти на 3 века. И была оборвана нить былого единства со степью, братства рыжеволосых и голубоглазых кипчаков с не менее голубоглазыми и русыми многочисленными народностями, которые жили севернее. С этого времени и те, и другие существенно почернеют уже на генетическом уровне. При взятии Киева 3/4 киевских защитников погибло или было обращено в рабство и

уведено, а четверть, разделившись, кинулась на север и на юг от Днепра. Северная часть ушла в Олапацкий край, а южная пряталась в местах, где потом возникла Сечь Запорожская, и оттуда пошли по волынскому образцу “вольные люди” или казаки, многие из которых были потомками, в жилах которых текла кипчакская кровь. Память у казаков о топонимии и связи с Киевом сохранилась до наших дней в песнях и сказаниях. В недавно вышедшей книге под редакцией профессора Е.И. Коротина “Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков” в песне № 5 “Былинных и миро-эпических песен” есть такие слова:

*Не слышно, не видно про батюшку Киян-море,
Вот как нынче же на Киян-море они собирались,
Друзья, собирались шведской с прущим с новоторженским,
Собирались, собирались шведской с прущим с новоторженским.*

*

*Вот ещё три года Добрынюшка стольничал,
Ещё три года Никитич приворотничал.
Стольничал, ложничал девять лет,
На десятом году погулять захотел
Как по славному по городу по Киеву,
По проезжей большой улице Маринкиной.
Не убил Добрыня голубчика сизенького,
А убил у Маринки друга миленького,
Друга милого, Змея тугарина.*

О. Стрижак утверждает: “У 638 році серби і хорвати, переселившись із українських країв, перенесли на балкани українські назви поселень Київ, Києво (там їх аж п'ять), Житомир, Болярка та ін”.

Эта топонимика — мои ориентиры для родословной до седьмого колена, знание которых принято в степи. Четыре наших колена похоронены здесь, в Казахстане, четыре на Украине, а остальные, может быть, на обширных просторах Великой Евразии, возможно, на берегах Киян-моря, Хазарии, где вещей Олег охранял ямы Шёлкового пути. В “евразийском котле” интенсивно вызревали будущие пассионарные поколения евразийцев. Здесь уместно привести слова известного российского историка А. Лызлова: “Сейчас существует несколько версий о том, откуда произошли тюрки. Более логичной я считаю Уральскую версию. А где находятся наиболее чистые тюркские языки? Урал, Астраханские и Ногайские степи, Волжская Булгария. В общем, север Каспия. Также многие лингвисты говорят о том, что наиболее чистые тюркские языки это кипчакские языки. На территории Казахстана многие раскопки останков людей, воинов говорят о их европеоидности. Их описывают как рослых людей с рыжими волосами, с румяными лицами и с голубыми глазами”.

На конкретном историческом отрезке в Прикаспии и Приуралье эти процессы великолепно описал выдающийся современный прозаик Абиш Кекилбаев в эссе “Кровь и пот нашей истории”: “Эти безмолвные просторы — свидетели того, как образовались и распались Кыпчакский и Узбекский союз, Белая, Золотая, Ногайская орды, Казахское ханство. Нашли себе вечный покой на холме в самом центре нынешнего Актюбинска — Карасай-батыр, жертва финальных передраг ногаев; у озера Жиренкопа — Кобланды-батыр, своеобразный катализатор зарождения Казахского ханства; на возвышенности восточнее Орска — кейкуат Шейх — Мамай,

верховодитель восточных ногаев, в чьей ставке воспитывались юные чингизиды Хакназар, Ахмет — Керей, Кучум, ставшие потом казахским, башкирским, сибирским ханами и люто преследовавшими друг друга. В эту степь был вынужден перекочёвывать и Урус-би, чтобы дистанцироваться от царских администраторов, безудержно форсировавших завоевание Казани, Астрахани и на всех парах набросившихся на восток.

Правда, и новые хозяева бывшего золотоординского Поволжья для степных воротил не были чужаками. Сам царь Иван IV приходился по отцу от Дмитрия Донского, по материнской линии от Мамая — от двух главных персонажей Куликовской эпопеи. Ведь Мансур, сын Мамая, после “Донского побоища” прибыл в Литву, где его младший сын Алеке основал аристократический род князей Глинских.

Они там настолько высоко взлетели, даже в 1508 году посмели поднять руку на польско-литовского монарха Сигизмунда I. Но потерпели поражение. Три брата Глинские — по прозвищам Дородный, Мамай, Тёмный (или Слепой) — Михаил Львович, Иван Львович, Василий Львович — спасались бегством в Московский Кремль. Там дочь Василия Львовича, т. е. Тёмного, стала царицей. И в 1526 году Елена Васильевна Глинская родила Василию III престолонаследника — будущего царя Ивана Грозного.

А предки Елены Васильевны — кияты занимали не последнее место среди 92 племён Золотой Орды... Правым крылом ханства правил кият Мамай, левым — другой кият Жыр-Кутлык, после — его сын Тенгиз-Буга. По списку, составленному от имени Тайдуллы-ханши в 1358 году, выходит, и Тенгиз-Буга, и отец Мамая — Буга — сыновья Жыр-Кутлука...

Абсолютное большинство событий национальной истории и эпоса казахов происходили именно здесь. Западнее отсюда, на приобских и приуральских просторах в руинах лежат первые столицы вышеперечисленных дештикипчацких, шайбаидинских, узбекских, ногайских государств — Астана, Байтак, Косжайык, Сарайшык. Ныне существующие Орск и Оренбург в разное время служили центром Казахстана царского периода. Именно в Оренбурге восстанавливалась наша современная национальная государственность в начале XX века, сперва в качестве автономной советской республики. Край, лежащий на стыке Европы и Азии, арийского, тюрко-монгольского, угро-финского этническо-культурных ареалов, nomаднического и охотнического мира, на предарктических параллелях, никах не мог остаться в стороне от стержневых процессов истории человечества. Недаром тут археологами открыты раритеты, такие как самое северное старинное городище Аркаим, останки (одного из последних) мамонта и самой древней колесницы. Здесь кочевали скифо-сарматские племена, хуны превратились в гуннов. Даже Аттила в Европу отправился отсюда. Здешний грунт впитал в себя кровь и пот многих народов и поколений. Как нигде, на этих просторах сквозь шум степного ветра неумолимо доносится до нашего слуха эхо недавних событий, все ещё страстно бурлящей истории планеты”.

Это история не только Казахстана, но и в равной степени России, Украины, к счастью, сохранённой в московских родословных книгах XVI-XVII веков и подтверждающих тесно переплетённые корни людских судеб. Полный текст родословной состоит из краткой аннотации и основного текста. Аннотация: “Царь Ординский Мамай, коего на Дону побил Князь Великий Дмитрий Иванович, а у Мамая Царя сын Мансур князь, из рода

Киян (“Кия Народ” то есть род, берущий начало от легендарного славянского князя Кия — старого, сына князя Ория, который в середине седьмого века до нашей эры основал город Кийяр (Кия Яр) у горы Эльбрус), летописи также упоминают его потомка князя Кия, сына князя Руса, который основал в 430 году нашей эры город Киев (Кия Весь на Днепре), а у Мансур Кияна Князя сын Олекса Князь, а крестил его в Киеве Митрополит, а от него пошли Глинские Князи”.

Как видим, по аннотации Глинские — прямые потомки и атамана казаков царя Мамаёя, героя Куликовской битвы. А то, что в казачьей вольнице были представители рода Киян, можно судить по донесению путивльского наместника Троекурова, направленному в 1546 г. в Москву: “Ныне казаков на Диком Поле много, и черкасцов, и Киян, и твоих государевых (признававших власть Москвы) — вышли, государь, на Поле из всех украин...!”.

Слово “глобализация” не страшно евразийцам, ибо мы вышли из неё несколько сотен лет назад, и эта генетическая память закодирована в двойных спиралях ДНК, прорывающаяся в поэтическом экстазе Валерия Брюсова:

*Мы кто в этой старой Европе?
Случайные гости? Орда, пришедшая с Камы и Оби,
Что яростно дышит всегда, всё губит в бессмысленной злобе?
Иль мы — тот великий народ, чьё имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поёт созвучно с напевом санскрита.*

Как в чрезмерно натянутой струне всегда звучит противоречие между силой и звуком, так и в каждом фальшиво натянутом утверждении звучит ассиметрия несоразмерности. Когда русский человек, генерал по фамилии Туманов призывал защищать Родину, Россию, он не лукавил, но это был вечный надорванный голос тюрка или славянина, кричащего “ура” (бей) до крови, бьющийся за свою территорию, даже с братьями по крови. Потому что у тюрков — земля, среда обитания (жер), а у славян в древнерусском жиръ (богатство) обозначают одно и то же. В современном русском это богатство вошло в слово “жир” — тоже богатство во время голода! Когда русские Есиповы, Есенины, Тумановы, Гайсины, Гайсинские, Есауловы, Голицыны, Киянские, Кияненко, Саратовы, Полоцкие, Москвичёвы, Карамурзаевы, Тагановы, Тюменевы, Балакиревы, Корины, Балашовы, Казаковы, Доскаловы, Баскаковы, Сабуровы, Годуновы, Вельяминовы, Зерновы, Мамоновы, Дашковы, Батурины, Батурлины, Донсковы, Орловы, Булгаковы, Бурлаковы, Куракины, Кутузовы, Куповы, Карамзины, Карауловы, Карамурзиевы, Колпаковы, Кайсины, Кудакоты, Каймаковы, Мухановы, Акчурины, Булушевы, Кудашевы, Бибиковы, Бирюковы, Байбаковы и ещё тысяч фамилий не находят понятных корней своих фамилий в тюркских топонимах, то “не вини коня, вини только их дорогу”, которая была ох какой ухабистой. И было не до корней.

В пору всеобщего равенства не принято было рыться в своих родословных несмотря на то, что очень часто можно было услышать обычную фразу, что мы “Иваны, не помнящие родства”. А кому было приятно вспоминать, да ещё и рассказывать, если предки даже не очень знатного происхождения, были с клеймами “врагов народа”, а что уж говорить о тех, кто были из дворян или имевшими духовный сан. Табу на эти воспоминания, кажется, впитывались с молоком матери, а тех, кто его нарушали,

публично не принимали в пионеры и комсомольцы, обрекая на роль гадких утят в обществе.

“Года прошли, мы в возрасте ином, и думаем и мыслим по-иному”, но и сегодня тех, кто ищет корни нашего степного братства, подвергают жёсткому остракизму. Откройте Интернет и увидите, что он наполнен сайтами, где буквально сочатся яд и жёлчь в адрес кумыков, балкар, татар, русских, украинцев, казахов, которые осмелились утверждать, что мы вышли из одного родового и языкового гнезда. Будто какая-то неведомая грязная рука через века ведёт координацию из преисподней центра мирового Зла для регулярного появления таких писулек в книгах, газетах, электронных СМИ, обливающих грязью всё светлое и доброе, что отбиралось памятью народов из жизни на нашей грешной земле. Цель определённая — зарабатывать кровавые деньги на возбуждении зависти, недоверия, ненависти, вкладывая в руки то одних, то других оружие расизма.

Сколько упрёков сыпалось и сыплется со всех сторон на выдающегося поэта, интернационалиста и евразийца О. Сулейменова, который в противовес воинственному национализму и шовинизму не боится сказать в статье “Глубина прошлого, широта настоящего и высота будущего”: “Надо выработать один язык понятий, то самое планетарное сознание, которое объединяло бы сознание наших вождей, а через это способствовало бы объединению многих тысяч этносов в один народ, который и называется человечеством. Супернарод — Гомо Сапиенс, человек разумный. Это нация будущего, которую я приемлю, гражданином которой смею себя считать”.

Эти слова хотели бы повторить многие граждане нашего евразийского пространства, в том числе и я.

Как же по фамилиям подтвердить наш общий корень?

Исторический и литературный анализ показывает, что у различных общественных групп официальные фамилии появились в разное время. Само слово фамилия внедрилось в России в повседневную жизнь после указов Петра I. Однако фамилии как элемент именования русских людей существовали и раньше, но назывались они прозвищами, прозваниями. В этом же значении иногда употреблялось слово назвище. В царских указах о проведении переписей населения обычно говорилось, что следует записать всех людей, проживающих в таких-то местностях, “по именам с отцы и с прозвищи”, т. е. по имени, отчеству и фамилии. Известные специалисты в области ономастики А. В. Сулова и А. В. Суперанская в книге “О русских именах” отмечают: “Первыми получили фамилии представители знати, князья, бояре (в XIV-XV веках). Их фамилии нередко отражали названия их вотчинных владений: Тверской, Мещерский, Звенигородский, Вяземский, Коломенский. Эти фамилии образованы по общеславянской модели с суффиксом — ск. Аналогичные образования можно найти в чешских фамилиях (Каменский), польских (Запотоцкий), украинских (Артемовский), белорусских (Полесский).

Несколько позже складываются фамилии дворян (XVI-XVII века). Среди них значительную долю составляют именования восточного происхождения, поскольку многие дворяне прибывали на службу с восточных и южных земель и тюркские корни в них очевидны: Кантемир, Хан-Темир, Ханыков, Каныко, Каркула, Куракин, Карамурзин, Майданов.

Хронологически следующая категория фамилий принадлежала торговым и служилым людям (XVII-XIX века). В них так же, как и в княжеских фамилиях, отражались географические названия, но не как наименования объектов, находившихся в их владениях, а вышли сами эти люди: Тамбовцев, Ростовцев, Брянцев, Астраханцев, Смолянинов, Москвичёв.

Суффиксы этой категории фамилий иные, чем в фамилиях князей. По этим фамилиям легко восстановить обозначения жителей определённых мест.

В XIX веке складывались фамилии русского духовенства. Среди них много искусственно образованных от различных слов не только русского, но и церковнославянского, латинского, греческого, а также названий церквей и праздников: Успенский, Богоявленский, Рождественский, Касторский, Стурницкий, Аренский”.

А. В. Суслов и А. В. Суперанская очень точно подмечают, что многие дворяне в России были по своему происхождению нерусскими. И употребляют выражение: “Выходцы из других стран, они служили в русской армии, крестились, т. е. становились православными, женились на русских и через несколько поколений полностью “обрусели”, сохраняя лишь иноязычную основу своей фамилии”. Из каких других стран, если многие столетия все разрастались от одного алтайского корня? От него Кирияновы, Кириянкины, Закирияновы, Юсуповы, Нахимовы, Атасовы, Тураевы, Бораевы, Гондаревы, Болдины, Череписовы, Арбузовы, Амановы, Алтаевы, Бабаевы, Караевы, Керимовы, Гулиевы.

Утверждается, что сегодня самую многочисленную группу составляют фамилии, имеющие суффиксы — ов (-ев), — ин (-ын), — ский (-цкий). Эти фамилии можно назвать стандартными, независимо от времени их происхождения и корневого значения.

Родословную многих русских фамилий с тюркскими корнями можно найти в “Словаре древнерусских личных собственных имён” Н. П. Тупикова.

Сегодня Интернет существенно расширил возможность поиска корней и за небольшую плату по электронному адресу Help@Webpandora.ru можно получить в течение месяца достаточно правдоподобное научное исследование! Конечно, я не мог упустить эту возможность, и вот что написано в присланном семейном дипломе:

“Представитель фамилии Киянский по праву может гордиться своими предками, сведения о которых содержатся в различных документах России и Украины.

Ежедневно мы слышим, читаем, произносим или пишем десятки фамилий наших друзей, родственников, знакомых, коллег. У каждого человека есть фамилия, которая записана в паспорте, свидетельстве о рождении, браке. Однако, несмотря на это, немногие из нас задумываются над происхождением или возрастом своей фамилии. Запомнив с детства, мы на протяжении всей жизни повторяем её как нечто раз и навсегда данное и очень значимое.

Слово “фамилия” — латинского происхождения. В Римской империи оно обозначало общность, состоявшую из семьи хозяев и их рабов. Другой смысл оно обрело в средневековой Европе — под фамилией стали подразумевать исключительно семью. Понятия “члены семьи” и “члены фамилии” стали тождественными. Только к XIX веку слово “фамилия” приобрело

своё второе значение, ставшее сегодня официальным и основным: “наследственное семейное именование, прибавляемое к личному имени”.

Фамилия Киянский происходит от древнейшей формы славянских фамильных прозвищ, образованных от географического названия местности, выходцем из которой являлся один из предков.

Фамилия Киянский образована от аналогичного прозвища. Оно же, скорее всего, восходит к названию села Киянка, расположенного в Житомирской области Украины. Сам топоним, вероятно, происходит от русского существительного “киянка”, то есть “деревянная колотушка, молоток”. Вполне возможно, что основатель рода Киянских был выходцем из этого населённого пункта.

Согласно другой гипотезе, прозвище Киянский ведёт своё начало от нарицательного “киян”. В “Толковом словаре живого великорусского языка” В.И. Даля оно трактуется как “океан, открытое море”. В таком случае родоначальник фамилии Киянский мог жить на берегу моря или океана.

Русские фамилии, восходящие к географическим названиям, относятся к числу наиболее древних, некоторые из них прослеживаются вплоть до XV века. Фамилии такого типа сначала появились в дворянской среде. Например, Волконский, Вяземский, Мещерский. Наличие фамилии было не только вопросом статуса и престижа; это объяснялось ещё и тем, что возникала необходимость в закреплении своего права на владение каким-либо помещьем, городом. Соответственно, за основу дворянских фамилий бралось название тех мест, которыми владели привилегированные классы.

Топонимические фамилии были широко распространены и в других сословиях. Однако изначально они представляли собой прозвище, или семейное имя. Такие прозвища содержали в себе информацию о месте рождения человека, его прежнем месте жительства или службы. Как правило, подобные семейные имена передавались из поколения в поколение и позже трансформировались в фамилию.

Поскольку топонимические фамилии содержали указание не только на принадлежность к конкретной семье, но и на отношение к определённому географическому объекту, то изначально они представляли собой прилагательные с различными форматами: фамилии на — ский / — цкий и — анинов / — янинов принадлежат в основном знати и дворянству; фамилии на — итов / — ичев, — инов, — цев, — яков / — аков, — ников, — ин, — их / — ых — представителям всех остальных сословий.

О точном месте и времени возникновения фамилии Киянский в настоящее время говорить сложно, поскольку процесс формирования фамилий был достаточно длительным. Тем не менее, фамилия Киянский представляет собой замечательный памятник славянской письменности и культуры.

Конечно, “мелковато” с точки зрения истории и научного исследования, но всё же есть нечто совпадающее с литературными данными”.

Более того, недавно мой сын Станислав прислал интересную информацию, найденную на сайте Сергея Панасенко. Среди польских гербов фамилия Киянских имеет герб Стржеме (стремя) наряду с полусотней других фамилий, большинство которых тоже имеет тюркские корни.

И очень точно об этом процессе сказал историк конца XIX в. П. В. Голубовский, впервые серьёзно занявшийся тюркскими поселенцами Руси:

“Тюркское население принесло новый тюркский элемент на Русскую землю, который с веками расплавился в славянстве и не мог не оказать влияния на славянское население в культурном отношении. Как на севере чистый славянский тип изменился под влиянием финским, так на юге не могло пройти бесследно влияние тюрков, не могло не отразиться на последующих поколениях южноруссов”.

А известный украинский писатель Олесь Бузина во время президентских выборов в 2009 году посчитал необходимым напомнить об общих корнях с соседями:

“На мой взгляд, Украину спасёт только осознание того, что она часть единой русской цивилизации. Украина — это не антирусский проект, а русская страна. Независимая страна, но при этом русская, являющаяся прямым потомком Киевской Руси, а не сепаратистского Галицкого княжества, которое эту Русь в 12-13 веках разваливало. Спасти Украину может кооперация с другими частями общерусской цивилизации, то есть с Белоруссией, Россией и Казахстаном, который тоже входит в эту общую русскую цивилизацию, потому что казахи — прямые потомки летописных половцев. Они очень близки ментально, они дополняют славян в этом общем культурном поле. Так вот, полноценное вхождение в этот квартет Украину спасёт, потому что в этом случае она сможет оставаться индустриальной державой, в противном случае она просто превратится в отсталое сельскохозяйственное государство, не имеющее никаких перспектив в современном мире 21-го века”.

Инквизиторы всех времён и народов постарались на славу, сортируя людей на старших и младших, больших и меньших. В этой связи очень интересная ассоциация со словом “меньший”, ибо в казахском языке напоминание о себе звучит “мен ше” (а я ?). Настало время многих “меньших” напомнить о себе, о своём родстве. Очень точно и ёмко говорит Олжас Сулейменов в газете “Литер” своей статьёй “История и истина — не одно и то же”: “Надо организовать целенаправленный поиск свидетельств, подтверждающих культурное присутствие наших прямых предков во всём объёме времени, доступное научному обозрению. При этом не ограничиваться только средневековыми письменными источниками, но использовать и данные словарей народов, с которыми кочевники могли веками общаться, даже до возникновения письменности у прошлых соседей... Среди тюркизмов, обнаруженных в славянских и других языках, нетрудно выделить и конкретные казахизмы”.

Совсем недавно я неосторожно рассказал одному доктору наук, бывшему номенклатурному комсомольцу о возможной родословной его тюркской фамилии. Он посмотрел на меня инквизитором, будто сел на горячее. И как отрубил: “Я русский человек, как вам пришло в голову другое”? Да никто с этим не спорит! Сегодня даже явные потомки восточных народов в России часто называют себя не просто русскими, а славянами, и в этом нет ничего предосудительного, более того — это звучит гордо. А сколько у нас смешанных браков и каждый, получая паспорт, сам определяет национальность “по папе или маме”. Мой брат Вячеслав определился по маме — украинец, а я по папе — русский. И ничего. Нет никаких распрей или недружественных актов на национальной почве! Ещё сложнее было определиться нашим детям, у которых появилась корейская и ещё три крови по бабушкам и дедушкам. Поэтому, наверное, в первом классе наш

сын Станислав в ответе на вопрос учительницы о национальности назвал себя узбекистанцем, поскольку родился в Намангане, а свою сестру Оксану “записал” казахстанкой, поскольку она родилась в Уральске. Чёткая бесхитростная логика детского ума, но совпадающая с тенденциями современного гражданства!

У брата, который живёт в Германии, дети и внуки стали немцами. Таковы реалии глобализации. И только корень “Киян” во всех наших фамилиях будет путеводной звездой в память о своих корнях.

Будем терпимы, как к детской болезни роста, к тому, что кое-где стало признаком хорошего тона отрешиваться от всего русского, а в публицистическом запале проповедовать отказ от общения на русском языке... Сила России в том, что сегодня огромное количество неславян считают себя русскими, и это хорошо. Боже упаси переубеждать кого-либо в противоположном. Пусть каждый остаётся при своём убеждении и считает так, как ему комфортнее. Я лишь говорю о том первозданном роднике под названием Алтай, который дал вместе с другим угро-финским родником многоводные реки под названием славяне и тюрки. Их современные языки — яркие и беспристрастные свидетели взаимного проникновения, дополнения и взаимообогащения и развития духовной культуры, когда ещё не было сегодняшних культур. И можно согласиться с великим евразийцем Г. И. Вернадским, который говорил: “Считаю, всё же, что влияния восточные на русский язык в древний период были более значительны и, помимо словарных заимствований, наложили большой отпечаток на сам строй русского языка... Если Киевская Русь достигла блестящего культурного цветения, то это было не благодаря западному влиянию, а скорее несмотря на них, а также благодаря тому, что Русь той эпохи была открыта для культурных влияний со стороны Византии и Востока”. В “Словобозразовательном словаре тюркизмов” М. Мусатаевой и Л. Шеляховской описываются 23 тематических группы тюркизмов в русском языке. Вот некоторые из них, которые мы постоянно употребляем на всём евразийском пространстве. Со знанием лица — атаман, богатырь, боярин, есаул, товарищ; со знанием места — базар, киоск, магазин, чердак, шатёр; наименования одежды — штаны, шапка, колпак, кафтан, сапог, шуба, тулуп, бахилы, зипун, каблук, фата, шаль; наименования продуктов питания — айран, балык, брага, калач, колбаса, пирог, урюк, шашлык, щи; наименования животных — аргамак, балобан, барсук, беркут, газель, лошадь, марал, сапсан, сурок, телёнок; цветообозначения — алый, буланный, бурый, карий, чалый, чубарый; метеонимы — буран, влага, пурга, сель, туман, ураган; наименования предметов быта — арба, бадья, безмен, войлок, диван, казан, камча, капкан, кетмень, кибитка, кирпич, ковчег, мангал, сундук, кальян, тюк, утюг, фарфор, чемодан, ящик; наименования растений — айва, алыча, арбуз, баклажан, барбарис, жасмин, инжир, кунжут, лимон, ревень, сандал, хмель, черемша; наименования оружия — булат, кинжал, колчан, мишень, сабля; наименования драгоценных камней — алмаз, бирюза, бисер, жемчуг, изумруд, топаз, яхонт, яшма. А сколько фамилий на евразийских просторах, производных от этих древних слов!? Мухтар Кул-Мухаммед в статье “Основа национального бытия” справедливо отмечает, что вышеприведённый список можно было бы продолжить, включив тысячи и тысячи слов, и что заимствования — не всегда и не обязательно признак слабости языка; напротив, здесь есть повод усматривать действие

лексической экспансии языка, “захват” языком из внешнего окружения элементов, необходимых для его полноценного существования и развития. В “Словаре тюркизмов в русском языке” Е. Н. Шиповой несколько тысяч тюркских слов, сохранившихся в русских диалектах. Гордость за одно не должна перерасти в отрицание другого. А кто посчитает и проанализирует, как повлиял русский язык на развитие языков соседних государств без попытки насильственной ревизии этого процесса?!

Так уж вышло с дико раскрутившейся спиралью цивилизации, что, сжата на Алтае, она растратила свою энергию, разжавшись до самого Альбиона и рассыпав там бриллианты рунического письма, архитектуры, языка, традиций. Прекрасно сказал об этом Александр Блок, тонко чувствуя не рвущуюся нить времён: “Да, скифы мы! Да, азиаты мы... Держали щит меж двух враждебных рас — монголов и Европы!”.

Держание щита не могло обходиться без последствий, особенно когда Степь со своим щитом в руках Аттилы доходила до стен Рима, а славяне непрерывно находились под давлением с севера и запада.

С XIV века Запад чётко определил свою стратегию и политику по отношению к остаткам Дешт-и-Кипчак, России и всему, что к ним примыкало. Тогда родилась иезуитская тактика — “разделяй и властвуй”. А это регулярное кровопускание и натравливание одних тюрков и славян на других, не давая больше объединиться. Самым успешным был проект царствования Романовых, но он дал сбой в 1917 году. После этого более 70 лет главенствовала в противовес Западу формула: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”.

Сегодня в Конституции РК и проекте Доктрины национального единства определено, что основой национального единства казахстанского общества является общность ценностей, а “объединяющим началом и предметом заслуженной гордости всех поколений казахстанцев является наша общая история”.

Центростремительные силы евразийской идеи берут верх над центробежными и появилась вера в Евразийский союз, предложенный Президентом Н. А. Назарбаевым, и есть надежда, что народы-братья вновь почувствуют в своих жилах родную кровь, а под ногами общую землю предков. Сегодня на фоне явных глобальных экологических угроз и поднятия уровня Мирового океана многие учёные заговорили о поиске новых мест, куда может переселиться в будущем мятущееся человечество. Островные государства и Западная Европа уже готовятся к старту, чтобы отправиться в обратный путь к Алтаю и Байкалу, где остались огромные природные ресурсы и основные запасы пресной воды, которые в XXI веке могут утолить жажду быстро растущего человечества. Может быть, впервые в истории Земли это станет основанием не для ожесточённой войны за воду, а для объединения и совместного использования ресурсов для выживания всех. Первый шаг мы уже сделали, отказавшись в 1991 г. от ядерного оружия. Теперь очередь за другими.

Говорят, что в России — в Татарстане активно обсуждается идея введения второго государственного языка — татарского. Это, конечно, дело россиян решать, насколько это актуально. Если это произойдёт, то Россия сделает выдающийся исторический шаг в реабилитации тюркских языков на своей территории, которые являются неотъемлемой частью её истории и культуры, хотя следует отметить, что в России сохранилось от

вымирания абсолютное большинство языков и наречий, из которых ваялся, а кое-когда и выковывался, современный русский язык. В “тюрьмах народов” так языки и традиции не сохраняются. Это было общежитие, а иногда казарма, возможно, с элементами “дедовщины”...

Конечно, экранное общество и новые информационные потоки размывают крепостные стены вековых предубеждений, но нет-нет — и с новой силой вспыхивают то здесь, то там споры о языках-братьях, чтобы под сурдинку на их место пришла графика общества потребления всего и вся. И как бы кто ни относился к самому иноязычному слову “доктрина”, а национальное единство — это непреходящая ценность евразийцев и каждое новое поколение их потомков должно внести свою лепту в строительство нашего прочного дома с чётким комплиментарным принципом — “высечь степь, не унижая горы”.

Мамины уроки

*Все тюркизмы русского словаря,
какова бы ни была их предыдущая история,
попали в русский язык ближайшим образом
из тюркских языков.*

Н. К. Дмитриев

В детстве, засыпая в колыбели (колыбель — форма для литья пуль) под колыбельную песню мамы-украинки с очень тюркскими звуками девичьей фамилии Кунах Анны Егоровны (кун — день, солнце, а кунак — гость), я, конечно, не мог задумываться, что обозначают эти убаюкивающие и очень ласковые слова: “Бай, баю, баюшки, баю, баю”. Это были звуки, приятные для уха младенца как шелест листьев, журчанье ручья, шорох волн на берегу. Эти звуки долгое время были для меня просто звуками, не имеющими смысла в русском языке. А недавно, роюсь в казахских словарях, поймал себя на мысли, что это убаюкивание становится добрым пожеланием из слов для растущего человечка:

“Баю (богатеть), бай (богатый), баю (медленный), бау (сад). Богатей, расти, набирайся сил. Медленно, потихоньку станешь богатым и попадёшь в богатый сад”. Так хотела звуками сказать моя добрая мама.

А когда я просыпался и начинал плакать, она отзывалась, обозначая своё присутствие: “Ау, ау”. Подходила к кроватке, встречала с раскрытыми объятиями со словами: “Ау, сын! Бутуз, богатырь ты мой”.

Казахские слова ау (невод), сын (фигура, испытание, критика), бутуз (малыш), богатырь (герой). В довольно прямой ассоциации это обозначало: “Ловлю тебя в невод своих рук, дорогой мой сын, моя фигура, моё испытание, моя критика, герой ты мой”.

Потом вместе с бабушкой Еленой Ивановной Рукавишниковой, буйной яйцкой казачкой, рассказывала нам с братишкой сказки, которые часто начинались словами: “Жили-были дед да баба”. Посмотрите на эту фразу через мелодию близко звучащих казахских слов: Жыл (год), биыл (в этом году), да (тоже, также), баба (дед, предок). Выстраивается тот же ассоциативный смысл, что и в современном русском звучании. Или: “На море на Кияне, на острове Буяне, лежит бел-горюч камень алатырь”.

В сказках, которые мама читала уже позже, было множество слов, которые, как я узнал, имеют тюркские корни, и приведу по памяти только

на одну букву “К”: карга (ворона), караул (стража), кощей (костлявый старик), кочерга (прут, согнутый на конце), курган (земляная насыпь), кольчуга (доспехи), корчага (глиняный сосуд), кузовок (короб из берёсты), косяк (гурт кобыл), карий (тёмно-коричневый), каурый (рыжеватый), кафтан (мужская одежда), карагач (вяз), караван (группа вьючных животных), кобель (пёс), клянча (попрошайка), ковёр (ворсистая ткань), коза (название животного), колбаса (еда), кон (рубеж), кочевать (переезжать), кошма (войлок из овечьей шерсти), кукушка (лесная птица), кулак (ладонь с прижатыми пальцами), кумач (ткань красного цвета), курень (жилище), кушак (пояс), кибитка (крытая повозка), кинжал (холодное оружие), кирпич (строительный материал), кисет (мешочек для табака), кандалы (железные оковы), кентарь (весы), колпак (головной убор), калач (хлеб круглой формы), каланча (дозорная башня), казна (деньги), казан (котёл), кабан (дикая свинья), кабала (письменный договор), каблук (кожаная набойка), каймак (топлёные сливки), капкан (звероловное устройство), каракурт (ядовитый паук), карандаш (деревянная трубочка с графитом), кастить (бранить), карман (элемент одежды).

Грустно, что многие из этих слов уже не найти в современном казахском языке. Как верно заметил в книге “Тюрки в доистории” О. О. Сулейменов: “... Языки многих евразийских этносов, с которыми тесно общались древние тюрки, являются идеальными хранилищами слов тюркского образования, вышедших из употребления в самих тюркских языках”. Реформаторы, кажется, старались выбросить все тюркские слова, которые сегодня с успехом используются в русском. Карман (алта) языков сильно опустел... А если бы эти слова сохранились? То сколько ассоциативных точек оставалось бы для взаимного понимания и общения!

Очень нравилась нам считалка, произносимая мамой, и которую мы быстро заучивали: “Аты-баты, шли солдаты”. Шли солдаты — было понятно, а что значит аты-баты? Попробуем построить два ассоциативных ряда сходных казахских слов: ат (лошадь, имя), ату (стрелять), ата, атай (предок), аттау (перешагнуть). Другой ряд: бата (благословение), батыл (смелый). Получается мощное ассоциативное дополнение идущего строя солдат двумя тюркскими словами, которые на современном русском ничего не значат.

Когда мы подросли, она приучила нас к труду, направляя в огород, говорила: “Ватага бутузов, айда в огород от мала до велика”.

Близкий по смыслу ряд тюркских слов: ватага (дружная толпа), бутуз (малыш), айда (идём), от (трава), мал (скот). Если шалили, мама укоряла: “Аяу, аяу, аяу” (на тюркских языках — “сожалеть, сочувствовать”). А слова, предупреждающие об опасности: “*үс, үс, укусит!*” (*үс* — птица). Приглашение котика в дом призывом: “*Қыс, қыс, қыс*” (*ыс* — зима) и (*кісі* — человек). А восклицание “ой!” (мысль) в каких только случаях мы не применяем: “Ой (мысль), вспомнила”. Когда возникала угроза, то кричали: “Караул (охрана)”. Когда приходила зима, то все мы независимо от национальности начинали лепить снежные бабы (Баба — предок), придавая им одинаковый облик и которые, конечно, были похожи на своих каменных тюркских “баба”. Очень короткие одно- и двухбуквенные слова нашего детства были самыми рациональными паролями для общения и предупреждения: ай (луна), ал (ну, итак), а! (зверь), ар (совесть), ас (пища), ат (имя, лошадь), ау (невод), аю (медведь), з (слепой), л (сила), н (песня), р (каждый, да

(тоже, также), ду (шум, галдёж), ем (лечение), ен (ширина), еп (ловкость), ер (седло, мужчина, герой), ес (память), ет (мясо), ж (довольно), и (да), ие (хозяин), ит (собака), ию (гнуть), у (хитрый), ми (мозг), ой (мысль, идея), о (стрела), ол (он, она, оно, тот), он (десять), о! (правый, удачливый), ор (канавка), от (огонь, трава), з (сам), р (возвышение), ру (род), су (вода), ту (зная), у (яд), мн (мука), мя (гнездо), ю (складывать в кучу), шу (шум), ы (защищённое место), ыс (копоть), із (след), ін (нора), іс (дело, работа, занятие), я (либо, или). Их знали и русские, и украинцы. Достаточно было произнести эти быстрые слова, и целые образы приводили в действие нашу ватагу.

Из пяти последних поколений в нашей, не очень богатой родословной, я точно знаю с вероятностью, может быть, 50 %, что в крови моих внуков и внучек (немере), которых пусть будет немеренно, есть кровь не менее 15 национальностей. По папиной линии я горжусь предками, которые были проворными в труде и ратном деле: Арсентий Владимирович, Корней Арсентиевич, Фёдор Корнеевич, Владимир Фёдорович. Фёдор Корнеевич с первой мировой войны пришёл Георгиевским кавалером, а Владимир Фёдорович с полей второй мировой войны инвалидом с тремя орденами на груди и медалью “За отвагу”.

Когда студентом химического факультета Ташкентского университета в 1970 г. я женился на намаганской кореянке Ольге Цой, а мой братишка Вячеслав, выпускник факультета журналистики МГУ чуть позже привёл под венец немку Элеонору Моос, то четыре соседки мамы на станции Казахстан, с дочерьми которых мы заканчивали среднюю школу, были очень раздосадованы. Придя в первое почтовое отделение, где работала наша матушка, они выговаривали ей: “Что у нас девчата не такие? Поехали в Ташкент и Москву, чтобы учиться, а видно, за тем, чтоб не на “наших” жениться?”.

Конечно, совсем было непонятно, что они вкладывали в понятие “наших”, ибо одна соседка была немкой, другая русской, третья полькой, а четвёртая украинкой!!

На это моя добрая мама, которая и муху не могла обидеть, отвечала мудро и достойно, что до сих пор восхищает меня: “А если третий сын был бы у меня, то не препятствовала бы, если бы захотел взять в жёны негритянку. Вон у Люси Куценко, одноклассницы Виктора, муж негр. Сейчас они живут на Кубе, а какой гарный хлопец. Когда на нашу станцию Казахстан они приезжают в отпуск, то все соседи не налюбуются, как он огород в порядок приводит и работает “по-чёрному”. А ведь он на Острове Свободы заместитель министра рыболовства, а не то что ваши зятя бейшара (ниций) — алкаши”.

Такие евразийские уроки и формировали нашу убеждённость на всех уровнях, что счастье зависит не от национальности, а человечности в широком смысле этого слова.

В обиходе крестьянского быта нас окружали русско-украинские слова с тюркскими корнями — в одежде, в названиях животных: бешмет, папах, парга, бусы, войлок, епанча, бурка, бурдюк, ермолка, кармазин, зипун, каракуль, кичка, клубук, башмак, башлык, кишак, малахай, бахилы, балахай, армяк, аба, бабуши, калоши, деньга, диван, домбра, жемчуг, баран, бык, бурёнка, коза, аргамак, архар, баклан, беркут, борандук, бугай, бура, вол, газель, гоголь, чунак, казарка, дрофа, кабан, кабарга, кобель, марал, айран, катык, балык, баурсак, бурда, долма, калач, манты, алыча,

арбуз, баклажан, багульник, вишня, джида, жасмин, изюм, ирга, камыш, кизил, коган, лимон, бадья, баз, базар, барабан, бантан, баян, буров, дуга, дудка, жесь, зурна, изумруд, калита, кетмень, киса, кобза, кобура, коврига, колган, мазут, наждак. Это казахско-русское-украинское трёхязычие детства — чёткое напоминание нам, что, возможно, в VII-X веках реально функционировало не только руническое письмо, но и казахско-украинско-русское эсперанто, которое понимали все, не задаваясь вопросом из чего или кто из кого произошёл, впрочем, со школьной парты уяснив, что прародителями тюрков и славян являются скифы, что подтверждается и сегодня исторической наукой. Мне по душе также модель, что все языки произошли от пракриты — грубой формы санскрита, и европейские, и славянские, и тюркские начали развиваться индивидуально, постепенно уменьшая свою санскритскую основу. Удивительно, но русский язык, в силу объективных причин сохранил связь с санскритом в большей степени, чем другие. И в современной поэзии можно встретить удивительные образцы, где тюркизмы и русские слова гармонично сливаются в тексте, как, например, в стихотворении Александра Кушнера в сборнике “Канва”:

*Никак не вспомнить было, где
Живёт: в Вилюйске, Воркуте,
Чите, Ухте, Караганде,
Тобольске или Томске,
Не то в саманной Кзыл-Орде,
Не то в туманной Кулунде,
Быть может, в Орске, в духоте,
А может быть, и в Омске.
Я всё твержу: Балхаш, Баймак,
Барабинск, Бийск. А что? Да так!
Томлюсь, как будто жмёт башмак.
Среди мордвы? Чувашей?
Илим, Ишим, Витим, Нарым,
Как будто я сквозь тьму и дым
В сплошном снегу иду за ним,
Ища конверт пропавший.*

Очень похвально, что сегодня в рядах ищущих пропавший конверт истории всё больше людей самых разных национальностей и специальностей в России, Украине, Казахстане, Белоруссии.

И наверняка придёт время, когда между Россией и Украиной утихнут хронические споры, как между сёстрами, поделившими одну квартиру на двоих!

“Сегодня мы говорим на разных языках. Однако я верю, что придёт время, и мы будем говорить на одном языке, и нам не нужны будут переводчики”, — сказал недавно спикер парламента Азербайджана Октай Асадов.

Под порывами ветров глобализации всё возможно, а компьютер и новые системы телекоммуникации могут существенно катализировать эти процессы создания единого языка будущего, сформированного всем человечеством.

Окончание в следующем номере.

Римма АРТЕМЬЕВА

Рыцарь её Величества Литературы

Имя Виктора Владимировича Бадикова для многих — знакомых и незнакомых с ним лично ассоциируется прежде всего с именем известного учёного, ведущего литературного критика Казахстана, профессора кафедры русской и мировой литературы КазПИ им. Абая, члена Союза писателей Казахстана и Казахстанского Пен-клуба. И это так и есть. Его заслуги были отмечены медалью советских времён “Ветеран труда”, а в 2001 г. нагрудным знаком “За заслуги в развитии науки РК” и медалью Международного клуба Абая за лучшую работу в номинации “Критика и литературоведение” в 2007 г. Для большого круга людей он был ещё и необыкновенно внимательным и добрым Человеком, удивительным Другом, истинным Интеллигентом. Но была у него особая миссия — служение её Величеству Литературе!

Во всех своих ипостасях он делал всё, чтобы исполнять возложенную на него свыше миссию. Для него всегда было очень важным любое творческое начинание — и известного мэтра, и робкие искры разгорающегося огня одарённости. Особо значимым было сохранить и преумножить пространство созидających личностей. В одном из своих интервью мне он сказал: “Я считаю, что пока существует читатель, как духовная единица, он будет обращаться к литературе. Сегодня, как это всегда бывало, талантов мало, им требуется много времени и сил, чтобы заявить о себе. И здесь, мне кажется, меценатство должно им в этом помочь”.

Благодаря стараниям В. В. Бадикова уникальная разноязычная казахстанская литература воспринимается единым целым, сохраняющим при этом колорит, индивидуальность и краски каждого национального языка, как обогащённая сотворчеством литература билингвических возможностей.

Анализируя в своей книге “Линия судьбы” поэзию Б. Канапьянова, Виктор Бадиков говорит о его чуткости к самым разным проявлениям человеческого бытия в их отдельности и слитности: “Это прежде всего та “раскованность”, которая рождает чувство мира (пространственное и духовное единение людей)”. Виктор Владимирович в полной мере обладал этим чувством мира. Только, говоря о Бадикове, нужно добавить ещё и единение времён, которые он мастерски соединял, представляя всю полноту и преемственность литературного бытия.

И он умел видеть мир впервые

С особой теплотой вспоминаю сегодня выступление Виктора Владимировича на конференции, посвящённой двойному юбилею — КазПИ и А. Л. Жовтиса.

Где, раскрывая тайны феномена своего учителя, Виктор Владимирович отмечал: “Его уход в стиховедение был органичным и в силу роста переводческого мастерства. Теперь уже художник и учёный (“два тела”) сливаются в одной “неутомимой душе”. Сколько же тел соединилось в душе Виктора Бадикова? Учёный и критик, публицист и художник. Достойный

ученик — достойного учителя! И ещё, в своём докладе Виктор Владимирович отметил, что Александр Лазаревич считал: “Если ты человек, то у тебя должны быть чистая совесть и приличные знания”. Мне в жизни выпало огромное счастье быть близко знакомой с ними обоими! Они оба были из той категории людей, которым имя — Человек!

Восхищаясь А. Л. Жовтисом, В. Бадиков восклицает: “Как его на всё хватало?”. Сегодня мы с восхищением поражаемся многообразию творческой и личностной реализаций Виктора Бадикова. Неторопливый, степенный внешне Виктор Владимирович всегда находил какие-то новые стороны жизни и держал их в поле своего внимания.

Его родители стремились, чтобы сын получил разностороннее образование. Он научился играть на фортепиано и брал уроки живописи, писал стихи и прыгал с парашютом. Он не только хорошо разбирался в классической музыке, особенно любил и исполнял произведения Ф. Шопена, Л. Бетховена, П. Чайковского, М. Глинки, А. Скрябина, С. Прокофьева, романсы и популярные эстрадные песни, но и сам сочинял мелодии. О своих литературных предпочтениях Виктор Бадиков рассказывал так: “Мама научила меня читать ещё до школы, а папа в первые школьные годы подарил мне Пушкина. Этот роскошный однотомник избранных произведений с иллюстрациями и комментариями, внушительный по своим размерам, запомнился на всю жизнь, с ним никогда я не расставался.

В советские атеистические времена он был чем-то вроде Библии, не только началом русской истории, культуры и литературы, но и нравственным заветом. Долгое время казалось, что я когда-то видел и слышал живого Александра Сергеевича”.

Как-то при встрече В. Шкловский сказал Виктору Владимировичу, написав письмо его научному руководителю Махмудову: “Олешу надо изучать, потому что он умел видеть мир впервые”. А он изучал, открывая в творчестве Юрия Карловича новые грани, ломая стереотипы признанных мнений. Литература всегда была дамой его сердца, как точно заметил кто-то из коллег. Но и в ней, почитая классические традиции, он старался распознать и поддержать ростки нового.

В. Бадиков не просто разделял идею Ольги Марковой создать при фонде “Мусагет” литературный мастер-класс для писателей “новой волны”, но и стал одним из коллектива лучших педагогов, которых Ольга Борисовна сделала своими единомышленниками; учёным, непосредственно влияющим на развитие этой литературы. При этом не отрицая и не противопоставляя её существующему литературному процессу. Во многом благодаря Виктору Бадикову имена Вадима Гордеева, Ильи Одегова, Марата Исенова, Ербола Жумагулова, Евгения Барабанщикова и многих-многих других стали известны широкому кругу читателей, в том числе и далеко за пределами Казахстана. В своей книге “Новые ветры” Виктор Владимирович так отзовется о значимости “Мусагета” и издаваемом в нём журнале: ““Аполлинарий” постепенно стал печатным органом, если хотите, свободного искусства, не извиняющегося за свою камерность и не опасющегося за необходимость говорить свою правду о своём времени. Дело ещё и в том, что помимо эстетической самодостаточности и совершенства, в нём до сих пор пульсируют живая мысль и чувство, улавливающие, по словам Пастернака, новые “смещения действительности”». За это мы во многом обязаны и Виктору Владимировичу Бадикову.

В начале века, когда разговоры о кризисе в литературе, да и в искусстве вообще были животрепещущей темой, мы часто беседовали с Виктором

Владимировичем об этом. Он вообще считал, что всё новое — невозможно без кризиса. А в интервью для моей статьи о современном литературном процессе он сказал: “Кризисы случаются. Это нормальная традиция во всех литературах. История без кризиса не развивается. Литература, при всей её свободе, всё равно зависит от истории, от её движения, её кризисов. В литературе, как и в любой сфере духовного бытия, не бывает планового развития. Она развивается вместе с обществом, страдает вместе с ним. Ощущение самой литературы, её воздействие менялось, потому что не всегда оно бывает очевидным, воспринимаемым. Каждая эпоха даёт свои примеры взаимодействия литературы и общества. Вопрос о кризисе литературы не нов. В своё время В. Белинский (при жизни А. Пушкина) утверждал, что в России литературы нет... Критические изменения в жизни общества удручающе сказываются и на литературе. Но сейчас, на мой взгляд, литература вновь обретает свой статус-кво...”

Не угасает никогда желание быть поэтом...

Я, конечно же, знала, что Виктор Владимирович пишет стихи. Не могу сказать, что он часто читал их мне, всё же это было очень потаённой, слишком личной стороной жизни его души, но иногда, даже перед слушателями литературного мастер-класса он раскрывался в поэтических откровениях. Я знала и о том, что свои стихи Виктор Владимирович собирался опубликовать в сборнике избранной художественной прозы и поэзии, поэтому была очень рада выходу его поэтической книги “Есть беспокойство”, изданной супругой Валентиной Николаевной и учениками, тому, что его желание осуществилось и что в стихах он продолжает оставаться с нами. Листаю страницы и нахожу строки, с которыми связаны и особые воспоминания...

Этот поэтический сборник, словно полотно жизни, соткан из стихотворений разных лет от начала шестидесятых прошлого до первого десятилетия нынешнего века. Название к нему выбрано издателями неслучайно. Когда литературный текст чем-то “цеплял” (будь то проза или поэзия), Виктор Владимирович, давая ему оценку, любил говорить: “В нём есть беспокойство”. А в стихотворении “У друга моего две разные ноги...” эта фраза обретает иной, высокий смысл:

*Есть беспокойство:
Никогда
Не узнавайте
Себе неравных
В этих людях.*

Поэтическую книгу нечасто иллюстрируют фотопортретами, но в этой, где Время неизменный спутник лирического героя, они органичны. Облик героя В. Бадикова, перекликаясь с обликом автора, выстраивается в своеобразный видеоряд. Вот перед нами молодой ещё человек в стихотворении, начинающем книгу из цикла “Весна и Пастернак”, стремящийся:

*Встать на лыжи и — в степь,
и очнуться от плена взросленья,
и всем телом запеть
безмотивную песню движенья!*

Для которого в испытании горами: “Лишь любопытство управляло / движеньем глаз наших и ног, где мужчина и женщина — это два мира на расстоянии поданной руки”. /Но в лирических откровениях, завершающих цикл, перед

нами уже тот, кто *“как в чреве плод, в свой первый раз / готовый к крику в этом мире!”*, утверждает, что *“Найдутся слова и откроются / руки!..”*.

А на фото: четырнадцатилетний Витя Бадиков в Ессентуках среди цветущего великолепия лета читает свои юношеские стихи встреченному “на водах” известному писателю Вахтангу Ананяну. Эта встреча была судьбоносной, потому что после неё он выберет филологический факультет университета, а не лечебный медицинского института, как хотела его матушка. И позже, как настоящий стилига, в модной курточке и кепи с завораживающей полуулыбкой уже студент филфака КазГУ смотрит на нас прищуренным взглядом из заснеженного палисадника возле дома...

Следующая подборка, названная, как и книга, *“Есть беспокойство...”* раскрывает перед нами внутренний мир человека, ищущего себя в текущем пространстве Времени. В исповедальном стихотворении *“Признание”* звучат аккорды пустоты:

*Нет веры больше
в избранность и проявленье подспудных сил —
со слов людей, желавших мне добра.
Я был создан ими.
Я не сам создал себя...*

Здесь же в стихотворении *“Иду”* появляется новый образ — образ Города, который словно становится соучастником жизни героя: *“Иду нескончаемым городом, / городом, городом. / Вечны громады эти... трудно вблизи них себя сознать человеком, / которого даже разлука ранит, / даже ненастный день”*. И дальше уже с новой мощью:

*И всплывает сознание
со дна одиночества.
(Сигарету. Открыть огонёк на ветру.)
Мозг огромный течёт —
громоздится, пульсирует
в черепе города.
Как виски раскалённы его!*

Или в другом стихотворенье: *“В двери к другу стучусь, / нездешний, / с гулом улиц больших, / с переполненным сердцем...”*. И снова Город — теперь уже в стихотворении *“Москва”*:

*Улицы и дома, и огни,
и московский, как в цирке, воздух
мне отдавали
тепло и страданья, и родственность
человеческих судеб.*

А на фотографии — аспирант Виктор Бадиков за рабочим столом в своём уголке московского общежития среди книг, фотоснимков, репродукций...

Образ Города появляется и в прозе Виктора Бадикова. Особенно пронзительным становится Город в дорожной повести *“Я ищу тебя”*, где герой повествования Куров погибает, возвращаясь из командировки из Города — города-мечты, города первой любви... Как не вернётся из своей последней командировки меньше чем через год и сам автор...

В следующей подборке *“Про нас”*, в которой в диалог с любимой женщиной включены ироничные размышления о жизни, читателю открывается зрелость, готовая поделиться мудростью. И простые слова, обращённые к любимой, становятся для нас своеобразным завещанием:

*Не торопись! Не торопитесь —
Покайтесь, в сердце помолитесь...*

А вот со стихотворением, обращённым к “Мадам NN”, — у меня связана особая история.

Виктор Владимирович был необыкновенным “преподом”, как в шутку сам себя называл. Он позволял своим ученикам на мастер-классе не только разговаривать с ним на равных, но и спорить, отстаивая свою точку зрения, даже если был абсолютно с ней не согласен. Умение сомневаться в установленных кем-то истинах вместе со своими учениками подкупало. Он не учил, а делился своими знаниями, мировоззрением, не навязывая, не отрицая, но воспитывая вкус к истинно художественному тексту. Можно вспомнить много эпизодов мастер-классовой счастливой поры, но, думаю, этот как нельзя лучше подтвердит всё сказанное выше. Нам обычно давали домашнее задание, которое мы сдавали преподавателям, и на следующем занятии получали отзывы на них. Все, конечно же, с волнением ждали “разбора полётов”. И вот получив задание написать стихотворения — пародию, шутку, иронию, я на следующем занятии после устных комментариев Виктора Владимировича взяла свой лист и увидела рядом со своими ироничными виршами написанное карандашом красивым, но мало разборчивым почерком стихотворение, подписанное “В.Бадиков”:

*Я вам прощаю вашу
глупость,
Неразработанность
души,
Признаний искреннюю
скупость
И ласки медные
гроши!
Прощаю, как вам
не прощали —
Без лишних и высоких слов,
Поскольку, видно, вы
не знали,
Что в мире всё же
есть любовь...*

Это был образец, а не оценка. Написанное почти двадцатью годами раньше, оно стало для меня взглядом педагога на жанр.

В девяностые же годы, когда писались эти стихи, сделан и фотопортрет для газеты “Панорама”, где очень стильный мужчина, “открывая огонёк на ветру” прикуривает сигарету. Уже известный учёный, автор книг: “Мастерство и правда”, “Поэтика прозы Ю. Олеши”, монографии “Авторское сознание и социальный заказ. Запрещённая советская литература 20-х гг.”, множества научных и публицистических статей, ведущий литературный критик — Виктор Владимирович Бадиков.

Следующий цикл в книге — “Прощание” погружает нас в страстный, полный импульсивности и эмоций мир любовных переживаний.словно ноктюрны Ф. Шопена они навеяны любовью к Польше (где В. В. Бадиков три года преподавал в вузах русскую литературу), к женщине, к теплоте польской речи.

Помню, как любил Виктор Владимирович приводить в пример своим ученикам фразу, которой герой “Зависти” Ю. Олеши — Кавалеров обращался к

своей любимой: “Вы прошумели мимо меня, как ветвь, полная цветов и листьев”. Ему очень нравилось это сравнение. И вот в Польском (как я его для себя назвала) цикле встречаю стихотворение, в котором, противопоставляя сравнению Юрия Олеши и перекликаясь со знаменитым: “Как больно, милая, как странно...” из “Баллады о прокуренном вагоне” Александра Кочеткова, он написал такие строки:

*Дохнула холодом весна
И жизнь — своей житейской прозой.
Ты как на кладбище пришла,
Как ветвь, убитая морозом,
И плачешь медленно, безмолвно,
Как странно, милая, как больно!*

P. S. “Прощание” — с Польшей, с женщиной, с любовью...

*В. Бадиков и И. Потахина
во дворе КазПИ.*

Среди фотографий в книге есть карандашный набросок — автопортрет В.Бадикова. Я получила от него в подарок факсимильную (как сказал сам Виктор Владимирович) копию этого автопортрета. А было это тоже в знак прощания. Прощания с другом — Инной Васильевной Потахиной, с молодыми шестидесятыми, с ушедшим веком... Я готовила к годовщине памяти И.Потахиной материал. Виктор Владимирович, друживший с Инной больше сорока лет, тоже поделился своими воспоминаниями. Мы говорили, рассматривали фотографии, где совсем ещё молодые, такие дорогие мне люди стояли во дворе КазПИ после творческой встречи Инны Потахиной со студентами. “Инна прекрасно владела аудиторией, — рассказывал Виктор Владимирович. — Она пришла немного уставшая, скромно одетая и стала не просто читать свои стихи, рассказывать им о литературе, о Пушкине. (Рассказывала она всегда интересно, заразительно. И знала ещё со школьных лет, намного больше программы. — **Р. А.**) Инна покорила девушек с первой же минуты, ничего особенного при этом не делая, и всё выступление видела их восхищённые взгляды”. А потом Виктор Владимирович показал мне ещё фотографии и документы тех лет, свои карандашные наброски, среди которых был и этот автопортрет. Когда материал был закончен, и он одобрил его, сказав, что “сделан он на сплошном сливочном масле”, Виктор Владимирович вручил мне на память свой автопортрет. Все его рассказы о юности, о той чудесной поре, когда всё ещё только начиналось, и этот рисунок стали строчками моего посвящения Учителю, Другу, Человеку:

Август

В. В. Бадикову
в ответ на подаренный им автопортрет

*Пряным зноем спелости
полон августа взгляд.
Кудри в русой светлости
ветром спутаны. В лад*

*струнам ливня летнего
губы шепчут стихи,
но смущенья пленники —
их признанья тихи...*

*Лишь глазам доверился
потайный свет
сердца — друга верного,
его счастья завет.*

*Пряным зноем спелости
полон августа взгляд...*

Римма Артемьева (В. Бадиков. "По гамбургскому счёту", 2008 г.)

Последний раздел сборника "Есть беспокойство..." — "Посвящения и тоска", где юмор и ирония сопутствуют добрым пожеланиям, восхищению друзьями, коллегами, знакомыми. Все знают, как был щедр Виктор Владимирович на искренние, хорошие слова. И в этом, наверное, тоже он видел своё предназначение служить Высокому Слову, которое завещал и всем нам. Сколько тёплых и светлых слов осталось у нас в его автографах и надписях на книгах. Как не хватает нам его комплиментов и одобрения! Очень точно в своём поэтическом посвящении ему Э. Белицкая-Пичугина написала: "Мне Ваши нужные слова / расширили пространство"! Тем приятнее, читая эти посвящения, вспоминать, возвращаясь туда, в те минуты радости, где он сам дарил её нам.

На последней фотографии в книге Виктор Бадиков в 2007 году вместе со своим самым близким другом Адольфом Арцишевским. Именно Адольфу признался он в своём посвящении "в день презентации его «Простых истин»":

*Не угасает никогда
В любые наши лета
Души бессонная звезда —
Желанье быть поэтом!*

Завершающим книгу стихотворением, думаю, совсем не случайно стало посвящение однокласснику Равилю Сафину, в котором есть поразительные строки, открывающие ещё одну редкую черту Виктора Бадикова — чувство ответственности за память о прошлом:

*Я понял, как мы все повинны
В беспамятстве жизни своей.*

Если честно, то это совсем не про Виктора Владимировича Бадикова! Он-то как раз умел хранить память и своим примером учил этому прямо или косвенно всех, кто его окружал.

Чтобы себя в себе сберечь...

У Виктора Владимировича был особый дар дружить, и это всегда восхищало меня! Для него не было в жизни друзей чего-то малозначительного. Он умел радоваться малейшим достижениям, умел отдавать своё время, силы, а зачастую и материально поддерживать оказавшихся в непростом положении друзей. "Виктор! Спасибо, что ты поддерживал меня все эти годы..." — написала Инна Потахина Виктору Бадикову, оставив автограф на своей поэтической книге "Лыжная прогулка" ещё в 1977 году. Но до последней своей беседы, которая была именно с Виктором Владимировичем, до последнего своего выдоха она оставалась благодарной ему за его удивительную дружбу.

Даже когда смерть разделяла его с друзьями, Виктор Владимирович продолжал не просто поддерживать огонь памяти, но и заботился о том, чтобы и следующие поколения несли этот огонь дальше. Виктор Бадиков вместе с Инной Потахиной и Аркадием Арцишевским издали за счёт спонсоров посмертную книгу "GLORIA DEI" Л. Лёзиной. Он предоставил материал из своего архива и стал автором послесловия книги Н.Черновой "На два голоса" об Олеге Постникове, о котором и сам много писал в своих воспоминаниях.

Мне запомнился поминальный вечер у могилы Тамары Мадзигон по поводу 20-летия со дня её смерти в 2002 году. Вместе с Михаилом Васильевичем Мадзигоном были Виктор Бадиков, Адольф Арцишевский, Евдокия Адмаева, Ирина Айманова, где звучали не только тёплые, проникновенные воспоминания об удивительной женщине и тонком поэте, но и много её и наших стихов. Он сам публиковал стихи незаслуженно забытого, талантливого казахстанского поэта Виктора Мармонтова и по крупницам собирал о нём материал. В свои литературоведческие сборники статей он непременно включал раздел MEMORIA, где вновь звучали такие дорогие нам имена Н. Тюрякулова, А. Жовтиса, М. Симашко, И. Шухова, Н. Ровенского, Т. Мадзигон, О. Постникова, Л. Лёзиной, О. Бокеева, И. Потахиной и многих других.

Именно Виктор Владимирович после смерти Инны предложил создать личный фонд И.Потахиной в Государственном архиве РК. Он помог и поддержал меня в этом начинании, поделился собственным опытом в таком непростом деле, как создание архива. Думаю, не для кого не секрет, что сам он тщательно и аккуратно создавал свой архив. А я-то уж знаю, какое это непростое дело! Как написал В.Бадиков в одном из своих стихотворений:

*И у живых свидетелей тех лет
Не выпросишь ни памяти, ни слова.*

В его личном фонде хранится 106 папок, среди которых автографы, фотографии, письма: Э. Багрицкого, В. Шкловского, Ю. Олеши, О. Суок-Олещи, Ю. Нагибина, А. Ашимова, Б. Каирбекова и многих-многих других. Сколько сил и времени требует архив?! Но он находил их, несмотря на свою неимоверную занятость, чтобы всё систематизировать, записать, упорядочить. Как истинный интеллигент, он считал своим долгом делать всё, чтобы не предавать забвению имена ушедших литераторов, и не только.

Так случилось, что последний наш разговор с Виктором Владимировичем, ставший и последним его интервью, был об Инне Васильевне Потахиной. За несколько дней до его поездки в ту трагическую командировку я пришла к Виктору Владимировичу для того, чтобы восстановить хотя бы одну из многочисленных песен Инны. На 29 апреля 2008 г. был назначен вечер памяти, посвящённый 70-летию Инны Васильевны Потахиной, организованный Союзом писателей РК совместно с редакцией журнала "Простор". Виктору Владимировичу на этом вечере предстояло быть главным выступающим. Записав на листочек ноты, Виктор Владимирович напел мне мелодию, чтобы я могла её потом воспроизвести, и разговор потёк сам собой... Теперь с особым трепетом слушаю его слегка уставший, тихий с хрипотцой голос, где он рассказывает об Инне, которая впервые привезла в Алма-Ату песни Б. Ш. Окуджавы, ставшие неременным атрибутом всех встреч литературной братии того времени, о прошлом и будущем нашего любимого Города, в котором жил и останется жить добрый, умный, чуткий истинный Служитель Высокого Слова — Виктор Владимирович Бадиков!

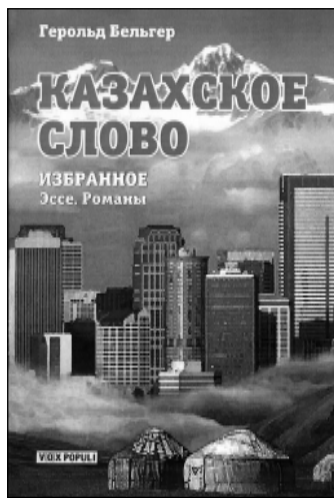
г. Алматы.

Амантай КАКЕН

Познать язык — поднять державу

О книге Герольда Бельгера “Казахское слово”

Когда речь заходит о популярном писателе, литературоведе и переводчике Герольде Бельгере, свободно владеющем тремя языками — немецким, русским и казахским — вспоминается основной персонаж из документальной повести “Эта странная жизнь” прославленного русского писателя Даниила Гранина — Александра Любичева. Это произведение, опубликованное более тридцати лет назад в “Роман-газете” (1979), невольно заставляет любого внимательного читателя задуматься над тем, как важно воспользоваться временем, отпущенном Всевышним, чтобы не раскаиваться впоследствии за бесцельно прожитые годы.

Александр Александрович, главный герой указанной книги, — образец сосредоточенности, целеустремлённости творческого духа. Он

стремился использовать каждую минуту, любые так называемые “отбросы времени”: поездки в трамваях, в поездах, заседания, очереди... Каждую пешую прогулку использовал для сбора насекомых. На всевозможных совещаниях-заседаниях, где много пустой болтовни, он решал задачи. Утилизация “отбросов времени” у него была продумана до мелочей. При поездках — чтение малоформатных книг и изучение языков. Английский язык, он, например, усвоил главным образом в “отбросах времени”.

Думаю, уважаемого Герольда Бельгера можно также отнести к такому типу людей, правилом жизни которых является “работать много и каждый день, систематически, методически”. Он “всегда дорожил временем, старался не изводить его зря, напрасно не распылял его...”. Далее он чистосердечно признаётся: “Во мне преобладает ratio: я человек режима, плана. Всегда и во всём держу себя в рамках, в узде”. Однако сейчас, когда перевалил за порог 75-летия, с ужасом вспоминает о том, что вместе того чтобы заняться чем-то необходимым, потратил впустую уйму времени и сил:

а) на толмачество диалоги А. Нурпеисова “Последний долг”;

б) на бесчисленные собрания, заседания, посиделки, разговоры на разных советах, в комиссиях, комитетах, фондах, союзах, “круглых столах”, телевизионных шоу, интервью, беседах и т. д.

Всё же, как нам кажется, не стоит писателю себя особо упрекать. Ведь главное — результат: Бельгер был и остаётся одним из почитаемых беллетристов нашей страны. Его романы, повести, рассказы, переводы постоянно издаются не только в Казахстане, но и далеко за его пределами; материалы, интервью нескончаемым потоком появляются на страницах СМИ, радио и телевидении на русском, казахском, немецком языках.

Лауреат премии Союза писателей Казахстана имени Беимбета Майлина. Заслуженный работник культуры Республики Казахстан. Лауреат Президентской премии мира и духовного согласия. Лауреат Казахского ПЕН-клуба. Лауреат независимой премии “Тарлан”... Не это ли признание общества, государства его плодотворной работы на ниве литературы и общественной деятельности?

Вместе с тем Г. Бельгер никогда не был баловнем судьбы, наоборот, являясь членом семьи спецпереселенца, с самых ранних лет воочию увидел социальную несправедливость, как изгнанные, разбросанные, униженные в годы войны немцы, другие депортированные народы, терпели политическую дискриминацию. Лично на себе испытал жизненные затруднения, житейские невзгоды, неприятности. Правда, он рос и воспитывался в образцовой, примерной, поучительной семье, окружённой уважительным, душевным, добросердечным отношением и морально-психологической поддержкой со стороны жителей казахского аула.

Известный казахский поэт Жарасбай Нурканов (*мы вместе работали в целиноградской областной газете “Коммунизм нуры.” — А. К.*) вспоминает:

“Мы жили в Октябрьском (сейчас — Шал-акын) районе, в совхозе имени Ленина (село имени Героя Советского Союза И. Ибраева). Мой отец Анес работал председателем поселкового Совета, а отец Герольда — Карл Фёдорович (Фридрихович) фельдшером, сельчанами прозванный доктором Карлом. Обслуживал шесть аулов, сначала пешком, потом на велосипеде, а после закрепления за ним лошади: зимой — на санях, летом — на бричке. Среди жителей посёлка Карл Бельгер как высококвалифицированный и опытный медицинский работник пользовался заслуженным авторитетом и уважением. Его отличали присущая ему от рождения скромность, порядочность, вежливость в общении с односельчанами и заботливое отношение к ним.

Мы с Герой учились в одной сельской казахской школе, правда, как старший по возрасту, учёбу он закончил на три года раньше. Предложение школы о награждении сына спецпереселенца золотой медалью за отличную учёбу и примерное поведение было заблокировано вышестоящей инстанцией. Более того, по этой же причине после окончания школы возникли серьёзные проблемы с поступлением в институт. Однако Герольд на деле сумел показать свой бойцовский характер и смог мужественно и стойко преодолеть все трудности и невзгоды. В этом помогли и его морально поддерживали не только сверстники, однокашники, но и старшие товарищи, например, учёный-литературовед, Герой Советского Союза Малик Габдуллин”.

Бакыт Есмагамбетовна Балгарина, специальный корреспондент республиканской газеты “Егемен Казахстан”, автору этих строк сообщила следующее: “Мой муж Ертостик, уроженец Северо-Казахстанской области, выпускник филологического факультета КазГУ имени С. М. Кирова, кадровый офицер (*мы вместе проходили воинскую службу, ныне покойный. — А. К.*), всегда с любовью вспоминал о семье Бельгера, проживавшей в его родном ауле. Особенно большим почтением пользовался среди сельчан глава семьи дед Карл, отец Герольда. Хотя был всего-навсего фельдшером, сельские жители по всякому поводу обращались именно к нему, никогда не отказавшему в оказании нужной помощи. В детские и юношеские годы Ертостик многократно лечился у этого опытного фельдшера”.

“Я питаюсь соками трёх культур — немецкой, русской и казахской. И в этом моё богатство и счастье”, — поясняет Г. Бельгер.

Зная казахскую культуру и искусство изнутри, он всегда искал какие-то взаимодействия двух народов — казахов и немцев. С этой же целью написал книгу-исследование “Гёте и Абай”. Казахи впервые познакомились с творчеством Гёте через Абая, а когда же немцы могли узнать Абая, его соплеменников? Герольд долго искал ответы на этот вопрос. И нашёл. Оказывается, изучением казахов занимались Дитрих Юстус, Иоганн Шильтбергер (1379—1427), барон Сигизмунд Герберштейн (1486—1576), писатель Адам Олеария Эльшлегер (1599—1671). Также выяснил, что ещё в 1870 году академик Радлов записал казахскую поэму “Козы-Корпеш — Баян-Сулу” и впервые этот шедевр устного народного творчества издал на казахском и немецком языках. Не по этой ли причине Бельгер не может быть безучастным, посторонним наблюдателем, когда в последнее время явно “затаскали” и “общипали” Абая до неприличия.

“Воспринимая как должное общепризнанное величие Абая, созданное Мухтаром Ауэзовым, всё-таки не следует его канонизировать”, — считает писатель.

“Сознаю: у каждого времени, у каждого поколения свой Абай. Но делать из него разменную монету — кошунственно.

Вот об Абае написал исследование-эссе Дуkenбай Досжан (“Абай айнасы”), весьма критически воспринятое знающими абаеводами (М. Мырзахметов).

Вот об Абае выдал толстенный (60 п. л.) романище-хамсу (“пятерицу”) ныне покойный мой друг и ровесник Рамазан Тохтаров. Роман удостоен Государственной премии, но и поныне слышу о нём разноречивые мнения. А год-другой спустя — и вовсе молчок.

Пришлось мне читать и несколько новых пьес об Абае, в том числе и предельно авангардистские (суперсексуальный Абай прямо на сцене насилует Айгерим).

Подняли ли эти произведения Абая на новую ступень? У меня пока ответа нет”.

Впервые эти мысли, рассуждения автора я читал в столичном журнале “Нива” (“Плетенье чепухи”, № 9, 2006, с. 116), которые вошли в “Казахское слово” (Избранное. Эссе. Романы), выпущенное журналом Vox Populi (2009). В избранные произведения Г. Бельгера также включены два романа — “Туюк су”, “Разлад” и три эссе — “Вольные строки”, ранее печатавшиеся под названием “Плетенье чепухи”, “Казахское слово” и “Аул”.

Как отмечено в предисловии книги, Герольд Бельгер действительно зарекомендовал себя как прекрасный эссеист, каждая мысль которого закончена и ясна. “Плетенье чепухи”, сначала напечатанное в журнале “Нива”, затем продолженное в газете “Тасжарган”, пленило читателя своими язвительными “вольными строками”. Шесть тетрадей содержат острые заметки, рецензии последних книг, споры с великими, портреты современников: Олжаса Сулейменова, Чингиза Айтматова, Розы Баглановой, Нурбулата Масанова и других. Слова Бельгера не всегда лицеприятны, но честны. Что ни слово, то афоризм, что ни слово, то поистине казахское, пропитано болью за существующую бездуховную действительность.

Нельзя без волнения читать эссе “Аул”, написанное автором так вдохновенно, блестяще, прекрасно. Около семидесяти лет прожив среди казахов, а также побывав в разных аулах бескрайнего Казахстана, Герольд Бельгер понял: “что по этнографической, социально-экономической, психологической характеристике казахские аулы оказались очень схожими, близкими: один язык, одни обычаи, нравы, манеры, быт, традиции, человеческие

отношения, поверья, запреты, благодарности и благословения. Единство казахского аула поражало”...

Писатель продолжает размышлять: “В основе казахской жизни, казахской ментальности лежит аул. Всё начинается там, в ауле... В сущности до недавних времён казах — продукт и творение аула. Истинный казах в подавляющем большинстве аульный казах. Там он вырос, там его корни”.

Далее автор с болью в сердце описывает, как в советское время, затем в период независимости Казахстана, аул оказался под градом социальных, экономических, идеологических, этнокультурных ударов. Аул буквально умирал на глазах. “Подлинно казахское размывалось, терялось, уходило. Аул превращался в сборище случайных людей. Бразды правления оказались у тех, кто чувствовал себя временщиком, знал, что через год-другой уедет, непременно уедет, а потому пусть всё горит синим пламенем. Чужое — не своё”.

Трудно не согласиться с выводами автора: в период независимости Казахстана “надо было перед цивилизованным миром держать марку, не ударять лицом в грязь, пускать цветные пузыри. Чем-то надо было жертвовать во имя великой цели. И жертвой пал аул. То, что в сущности, искони представляло основу Казахии. То, что питало, поддерживало, обогащало, кормило, облагораживало страну”.

Романы “Туюк су” и “Разлад” являются как будто две части единой дилогии, в них глубоко раскрыта драма казахской современности, мастерски показаны картины загнивающей и деградирующей жизни, но ещё сохранившего теплоту аула.

Как справедливо заметил Г. Бельгер, легенда (лживая и унижительная) о бедности и скудности казахского языка внедрялась в сознание общества десятилетиями (если не столетиями). Она пустила очень глубокие корни даже среди вполне порядочных, образованных, либеральных людей. В связи с этим небезынтересно прочитать эссе “Казахское слово”, состоящее из тринадцати глав, названное в предисловии манифестом, посвящённое казахскому языку.

Прежде чем рассказать о богатстве и красоте этого уникального языка, писатель старается на конкретных примерах проиллюстрировать его образность, внутреннюю организацию, наглядно показать высокое искусство казахского речестроя. И дабы развеять невежественное представление о его “примитивности”, Г. Бельгер напоминает, что в одном лишь “Пути Абая” Ауэзов использовал 16983 слова, и это в то время, когда словарь Шекспира составляет 15 тысяч слов, Байрона — 15 тысяч.

В 1953 году, когда готовили к изданию первый одготомник казахского толкового словаря, в фонде (картотеке) Академии наук Казахской ССР насчитывалось 180 тысяч слов, а уже в 1972 году эта картотека состояла из 2 миллионов 550 тысяч слов (картотека казахских слов берёт своё начало только с 1937 года).

Есть 10-томный казахский толковый словарь, который состоит из 96 тысяч словарных единиц. К примеру, только слово “ак” (“белый”) в казахском языке имеет 130 синонимов-значений. В настоящее время готовится 15-томный словарь, который будет охватывать более 300 тысяч слов.

Нужно сказать, что там, где европеец говорит: “верблюд”, “верблюдица”, “верблюжонок”, казах различает такие виды, как нар, бура, млек, оспа, желмая, жалбай, аруана, инген, атан, айыма, буыршын, бота, тайла ... всего 80 названий”.

Или возьмём слово “свежий”, которое по-казахски переводится как “таза”, “жа|а”, “буы быр ыра-ан”, “мутан”, “млпildeк”, “уылжы-ан”, “н рлі”, “жас”, “жылы-жымса ”... Также 80 названий.

Вместе с тем тревога о неудовлетворительном положении родных языков звучит во всём мире. Такая проблема существует и в Казахстане, особенно в отношении казахского языка, который по Конституции является государственным. Надо сказать, всё же находятся люди, нервозно воспринимающие нашу тревогу о состоянии языка коренного народа, давшего имя государству. Интересуются, с чего всё началось? Хочется сказать, всё началось с понимания духовного обнищания.

Много народов прошло через земной шар, исчезло, не оставив следов. О причинах их гибели написано немало. Хотя давным-давно установлено, что самым слабым, больным и деликатным местом любого народа является его язык, то есть тот мостик, от которого наше земное начало переходит в духовное. И, конечно же, забота о языке прежде всего является тем, что живое никак не может соглашаться со смертью. Живой организм не хочет смерти, и живая нация тоже не может смириться перед лицом деградации своего языка.

Однако Бельгер настроен более оптимистично: “И факты эти, как говорится, имеют место. Но утешает меня уже то, что передовая, чуткая сердцем и душой казахская интеллигенция не желает мириться с печальным положением родного языка, бьёт в даулпазы-барабаны, будит честь и достоинство, ар-намыс единокровников, а не проявляет пораженческие тенденции, не равнодушичает. Это вселяет надежду”.

Отрадно, что неравнодушно относятся к этому деликатному вопросу представители не только так называемой титульной нации, но и не казахи. Так, жительница Уральска Екатерина Макеева отмечает, что “надо нам, коренным русским казахстанцам, браться и разговаривать по-казахски, утирая нос “сильно культурным” русскоязычным казахам, которые тоже в большинстве случаев только делают вид, будто для них казахский язык сродни китайской грамоте” (“Жас Алаш”, № 24, 26.03.2008).

Алексей Лобанов, председатель общества “Светоч”, Всеволод Лукашев, председатель Казахстанского русского культурного центра в Интернет-газете “Навигатор” от 2 ноября 2005 года писали: “Если рассмотреть вопрос в идее (в идеале), то никакой проблемы в природе нет. Право казахов на государственный язык вообще неоспоримо и естественно, как право дышать...”

... крылатая фраза гласит: “Кто хочет делать — ищет средство, кто не хочет — ищет причину”. Проблема казахского языка своей нерешённостью тяжёлым бременем ложится на многие разделы нашей жизни и в интересах всего народа, всех граждан, чтобы вопрос вошёл в плодотворное русло и перешёл в рабочую, техническую фазу.

Да, мы разные, но едины в своих разностях, должны быть едины ради процветания и Казахстана, и своего собственного”.

Избранные произведения Герольда Бельгера, входящие в “Казахское слово”, поднимают животрепещущие, актуальные проблемы современной общественно-политической жизни республики и являются достойным вкладом в сокровищницу многонациональной литературы Казахстана.

г. Астана.

Лариса ХАРИТОНОВА

Не забыть нам ЭТИХ глаз...

Об избранном карагандинца В. Литвинова

Помнится тютчевское: "Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется".

Книга, о которой я хочу рассказать, родилась именно благодаря отзывам на писательское слово. И приятно отметить, что это отзывы самых юных читателей — учеников школ, гимназий, лицеев... Такой книгой, составленной детьми, и явилось избранное Владимира Литвинова "Не забыть мне этих глаз".

Известно, что дети самые благодарные читатели — они всегда искренне сопереживают, щедро делятся своими впечатлениями, а порою могут дать и дельный совет. Именно такой совет и получил известный карагандинский писатель от школьников — собрать вместе произведения, посвященные животным. В результате появился сборник под названием "Не забыть мне этих глаз". Ещё не открывая книгу, читатель чувствует покаянный голос автора перед братьями нашими меньшими. Это ощущение поддерживается трогательными и грустными собачьими глазами, глядящими на нас с обложки книги, иллюстрированной Карипбеком Куюковым, уникальным художником, волею нашего атомного века родившимся без обеих рук и живописующим доступными ему способами. Ну а дальше — слово детям, которые явились как бы соавторами этой книги. Детские отзывы о творчестве

Литвинова, бережно хранимые писателем как самый большой раритет, занимают пять страниц в начале книги, образуя своеобразное предисловие. Здесь и восхищение от встречи с живым писателем, и радость от прикосновения к литературному слову, и преклонение перед мужеством писателя, на долю которого выпали немалые жиз-

ненные трудности. Наверное, наивны такие определения юных читателей, как "великий", "знаменитый"... но ведь дети мало разбираются в рангах и ярлыках — они пишут то, что чувствуют.. Чаше всего они с ходу восклицают "клёво", "классно", а здесь применяют другие слова, значит, задумались.

В книге шесть глав, каждой предпослана цитата из популярных стихов или песен, задающая тему очередной части. Удивительно, но старый материал, уже изданный в двух десятках предыдущих книг писателя, отрецензированный критиками и читателями, вновь начинает дышать и жить уже другой, новой жизнью. Собранные вместе рассказы, главы, отрывки скрепляются не только тематически, но и общим эмоционально-лирическим тоном. И этот тон — тон любви и покаяния. "Их же нельзя не любить! О них нельзя не рассказывать!" — восклицает автор и изображает целую галерею образов домашних животных — "славных лошадок", "щедрых

коровок”, “верных собачек”, “ласковых кошечек” и “чутких птичек”... Все они разные по характеру, как, впрочем, и люди... Но вот только преданность и любовь их к нам не человеческая, а какая-то словно космическая, нездешняя... Преданность коня, собаки, кошки — качество врождённое, данное природой для того, чтобы человек чувствовал себя защищённым рядом со своими друзьями, как в народе говорят, братьями нашими меньшими. Однако эти меньшие братья могут научить нас, больших и умных, самому главному — любви и верности. Именно эта мысль скрепляет воедино все произведения этого сборника. Животные не устают любить. Зорька, Жаворонок, Чара, Атосик преподносят читателю уроки преданности и сочувствия нам, сильным, разумным, много понимающим, но не всегда много чувствующим. Озлобились на котёнка, “забыли” собаку, не уберегли птичку. Сколько таких историй случается с каждым из нас.

Читая книгу Владимира Ивановича Литвинова, поневоле вторишь ему — простите, друзья!

В рассказах Литвинова не всегда удаётся определить, кто же главный герой — человек или животное. Так в главе “Несчастливая Ненужная” героиня и собака ста-

новятся настолько близкими по духу, настроению и жизнеощущению, что в конце концов оказываются самыми близкими друзьями в этом мире одиноких сердец и перекошенных судеб. Автору удалось показать сложность отношений между человеком и животным. Это не всегда идиллия, но всегда диалог, попытка найти верного, нежного друга. Особое место в сборнике занимают рассказы о кошках. Они, любимцы автора, такие разные — шkodливые, капризные, своенравные и при этом неизменно милые, нежные, пушистые, а главное — чувствующие наше настроение, сочувствующие нашим болезням, предчувствующие наши беды... Сколько уроков доброты, внимания, сердечной заботы к этим милым созданиям можем мы встретить в этой книге! Незатейливым языком, в лёгкой беседной интонации автор ведает нам самые обычные истории о домашних любимцах, коих у каждого из нас наберётся, наверное, немало. Но не каждый сумеет осознать свою вину перед своими питомцами, не каждый способен к публичному раскаянию перед ними. Хорошо, что есть книги, которые призывают нас об этом задуматься и, может быть, пересмотреть своё отношение к братьям нашим меньшим.

Человек на фоне мироздания

В конце прошлого года в музее современного искусства г. Астаны почти в течение месяца демонстрировалась персональная выставка члена Союза художников СССР с 1976 года, заслуженного деятеля культуры РК, академика Академии художеств РК Мажита Байтенова, приуроченная к 60-летию юбилею живописца и графика и вызвавшая пристальный интерес любителей изобразительного искусства.

Мажит Садыкович Байтенов родился в Петропавловске. В 1969 году окончил в Алма-Ате художественное училище имени Н. В. Гоголя. Но городом, с которым он по-настоящему сроднился, стала Караганда, где живописец прожил несколько насыщенных творчеством десятилетий, поднялся к высотам мастерства и получил большое признание.

Ныне Мажит Байтенов проживает в Астане, является доцентом кафедры архитектуры Агротехнического университета имени С. Сейфуллина.

В творческом багаже юбиляра участие с 1974 года во многих международных, зарубежных, всесоюзных, республиканских, областных художественных выставках. В разные годы его персональные выставки проводились в Карагандинском областном музее изобразительного искусства, Карагандинском государственном университете имени Е. Букетова, Дирекции художественных выставок г. Алматы, Евразийском национальном университете имени Л. Н. Гумилёва, государственном музее изобразительных искусств имени А. Кастеева.

На юбилейном вернисаже было представлено 35 художественных полотен, созданных с 1975 по 2009 год. В их числе “Апшак Байжанов”, “Золотой воин”, “Тени предков”, “Магнитка строится”, “Баянаул ночью”, “Разговор”, “Портрет металлурга”, “Шахтёр”, “На смену”, “Портрет девушки”, “Конь”, “Натюрморт”, композиция “Праздник” и другие авангардные композиции. Данные произведения дают наглядное представление о плодотворном творческом пути, пройденном художником за минувшие десятилетия, о его поисках и находках, особенностях палитры и яркой индивидуальности автора.

Искусствоведы считают, что стихия полотен М. Байтенова — цвет, насыщенный, будоражащий. Он сознательно уплотняет пространство, в определённом ритмическом порядке располагает на холсте крупные цветные пятна, организуя всю композицию по орнаментальному принципу, традиционному для народного казахского искусства.

Сегодня особый интерес вызывает общая картина развития и современного состояния акварели Казахстана. Это нашло отражение в альбоме “Акварель Казахстана”, вышедшем ещё в 1989 году в издательстве “Онер”. Автор вступительной статьи известный искусствовед Баян Барманкулова отмечала: “Акварель, открывающая широкие возможности для импровизаций и обобщений, привлекает к себе в 60-70 годы большое количество живописцев, графиков, монументалистов. Художники М. Байтенов, М. Абылкасов, А. Плотников и М. Темиргалиев декоративной звучностью

и напряжённостью цветовых пятен выявляют драматическую основу бытия, как бы стремятся дать изобразительную формулу жизненного процесса, для них характерна открытость техники нанесения краски, эстетизация изобразительного приёма”.

Карагандинский искусствовед Наталья Иванина, давно и хорошо знающая Мажита Садыковича, отзывалась так: “Творчество Мажита Байтенова неоднозначно. Его можно воспринимать сугубо эмоционально: компромиссы здесь бывают редко. Итак, **эмоциональная сторона**. Этот удивительный человек с молоком матери впитал понимание цвета как выражения, а, возможно, и как эквивалента человеческих эмоций.

Поэтому его полотна никого не оставляют равнодушным: кто-то застывает в восхищении, кто-то взрывается негодующими протестами. **Сторона рациональная**. Опять-таки, связанная с генетической памятью, его полотна необыкновенно полисемантичны: каждое изображение, помещённое на холст, “работает” ещё и как **знак**. И здесь уже необходимо подключать свои знания о тюркской культуре, чтобы понять “литературный” смысл изображения...”.

И далее Н. Иванина подчёркивает: “В своём творчестве М. С. Байтенов разрабатывает круг проблем, которые касаются вопросов **традиционной народной культуры истории Казахстана. Первым в республике, ещё в 1973 году, он использует изобразительные приёмы декоративно-прикладного народного искусства в станковой живописи**. В последующие годы этот принцип стал широко использоваться в изобразительном искусстве Казахстана.

Байтенов благодаря своему врождённому таланту в соединении с глубокими знаниями в области истории, быта, обычаев народа, создаёт произведения, в которых основная тема казахского традиционного искусства — **единство человека и мироздания** — обретает современное звучание, актуализируется. Особо мощное воздействие оказывает **цвето-пластическое решение его полотен**, когда человек в произведениях художника узнаёт родные с детства красочные сочетания, подчёркивающие преемственную **связь современной культуры с культурой предков: саков, тюрков**, одновременно утверждая её вневременной, общечеловеческий характер, выявляя истинные ценности, присущие ей. При этом в своём творчестве он применяет как **традиционные, так и авангардные изобразительные приёмы, ещё увеличивающие художественную ценность его полотен**.

Произведения М. С. Байтенова пронизаны глубокой любовью к своему народу, они вызывают глубокое чувство патриотизма, гордости за свою страну, воспитывают национальное самосознание”.

Полотна живописца хранятся в собраниях государственного музея изобразительных искусств им. А. Кастеева, музея искусств им. Ж. Шарденова (Алматы), музея современного искусства г. Астаны, Карагандинском и Павлодарском областных музеях изобразительных искусств, дирекции художественных выставок МКиИ РК, частных коллекциях Казахстана, России, Германии, США и т. д., что свидетельствует о востребованности его творчества.

Даметкен БЕКОВА,
*руководитель научно-просветительской группы музея
современного искусства г. Астаны.*

Дария ДЖУМАГЕЛЬДИНОВА

Мусульманка

Я вышла в тамбур попрощаться со своими провожающими. Двое парней-амбалов аккуратно, словно фарфоровую вазу, поставили рядом со мной маленькую пожилую женщину европейской внешности с кукольным личиком. Она виновато улыбнулась и сказала мне на казахском языке: “Картайдым!” (“Состарилась!”).

Молодые люди, бесцеремонно открыв ногой двери, направились по коридору. Грозный вид её сопровождающих отпугивал пассажиров, они безоговорочно их пропускали. Старушка стыдилась, пыталась извиниться и едва поспевала за ними. Вскоре поезд дрогнул, один из её провожающих поспешно прыгнул из подножки вагона. Поезд плавно пошёл по рельсам. “Интересная бабушка. В каком купе она устроилась?” — подумала я о ней. На вид ей было за шестьдесят, а глаза молодые, жизнерадостные. Я вернулась в своё купе. Старушка оказалась моей соседкой, она хлопотала, вытаскивая из сумок необходимые вещи. Я опустила на своё место, второй провожающий-сопровождающий терпеливо ждал, когда она успокоится. Оставшиеся сумки он затолкал ногами под нижнюю полку, старушка умиротворённо расположилась у столика. Вид у неё был уставший, седые пряди выбились из-под платка, но она, судя по всему, не собиралась ложиться спать.

Я чувствовала, что ей хочется поговорить, и первая обратилась к ней:

— Апай, куда вы едете?

— Домой в Алматы. Приезжала навестить родственников.

— Вы живёте в Алматы?

— Да! А дети и внуки давно перебрались в Астану и меня зовут. Но в моём возрасте тяжело менять местожительство. Не хочу покидать дом, где прошли лучшие годы моей жизни.

— А ты куда путь держишь? — поинтересовалась она.

— В командировку в Алматы.

— А как тебя зовут? — спросила она.

Я назвалась.

— Хорошее имя! По-арабски Сагира — маленькая. Ты и на самом деле дюймовочка!

Я удивилась. Старушка знала арабский язык.

— Можешь меня называть Айша-апай.

— Какое красивое имя! Как оно вам идёт! — захотелось и мне сделать ей ответный комплимент.

Парень, сопровождавший мою попутчицу, устроился на верхней полке и тотчас же захрапел. День был жаркий, в купе наконец-то заработал кондиционер. Потянуло прохладой, и запах дорогих духов моей соседки заполнил наше купе.

Айша-апай решила продолжить наш разговор.

— Наверное, тебя смутила моя внешность?

— Нет, мне вы сразу понравились, красивая женщина и приятная собеседница.

Старушка была польщена. Не каждая женщина в её возрасте слышит о себе восторженные отзывы.

Я с удовольствием разглядывала её. На ней было струящееся шёлковое платье жемчужного цвета, сверху изящный казахский камзол из синего панбархата, украшенный серебристым орнаментом. Элегантным движением руки она развязала платок и слегка набросила его на голову. Он сливался с голубизной её глаз, а седые волосы казались серебристыми.

Сколько раз мне приходилось бывать на межнациональных свадьбах в аулах, где подавались блюда разных национальных кухонь, и поздравления были на нескольких языках. В этих аулах люди жили в достатке, и даже их дети были полиглотами. А там, где народ живёт в достатке, не бывает межэтнических конфликтов. Айша-апай пояснила:

— Так получилось, что я по рождению русская, но волею судьбы в жизни стала казашкой. Я не знаю, как во время войны мы с мамой оказались на юге Казахстана, скорее всего, нас туда эвакуировали. Моя мама заболела в дороге и умерла, оставив меня одну среди незнакомых людей. Может, оттого, что я была ребёнком, не успела всё осознать и испугаться незнакомых людей, я быстро привыкла к новой жизни. Семья, приютившая нас с мамой, потом удочерила меня. Я интересовалась, кто были мои родители? Но почти никто не помнил мою маму, она не успела со всеми познакомиться и рассказать о себе. Говорят, что приехала она уже больной. Сколько я помню себя, никто меня не искал. Мы с мужем впоследствии обращались в различные органы, но бесполезно. Из-за того, что не осталось никаких документов, я даже не знаю свою настоящую фамилию. Возможно, её надо было скрыть, и перед смертью мама попросила это сделать, тут много тайн. Остались лишь отрывки детских воспоминаний: поезд, бомбёжка и долгая езда на грузовике, в котором мы мёрзли, может, это и послужило причиной смерти моей мамы. Я воспитывалась в казахской семье, где меня любили и боготворили.

Я благодарна своим приёмным родителям. Они удочерили меня не в лучшие годы, в то голодное время многие семьи сдавали своих детей в детские дома. И замуж я вышла за казаха, по любви, никто не принуждал меня. Кроме внешности, у меня ничего не осталось от другой нации. Родной язык я изучила позже, когда переехала с приёмными родителями в город. После окончания школы они отправили меня учиться в Алма-Ату. Много средств ими было затрачено, чтобы я достойно выглядела среди студентов, они ничего для меня не жалели. Видно, такая судьба мне дана. Сверху Боженьке виднее, если он решил так поступить со мной. Я знала только, что я русская и мечтала стать учителем русского языка. Хотя казахский, можно сказать, тоже стал для меня родным.

Я внимательно слушала Айшу-апай, мне нравился её мягкий говор — так разговаривают казахи-южане. И представляла её маленькой девочкой, одну в совершенно иной национальной среде. Бедное дитя, какие тяжёлые испытания выпали на её долю.

Айша-апай рассказывала о своей семье. Полвека она прожила с мужем и называла себя счастливой женщиной.

— Прошло три года, как мой муж покинул меня, ушёл в иной мир. Скоро и я последую за ним, и вновь мы будем с ним счастливы, — убеждённо заявила она.

Мне была непонятна её радость найти покой в загробной жизни. А возможно, муж дал ей столько счастья, что для неё рай только с ним. Я позавидовала ей белой завистью, редко какая женщина может так говорить о своём ушедшем муже.

— Неужели вы не боитесь смерти и верите в загробную жизнь? — не удержалась я от вопроса.

— Нет, не боюсь, — мягко улыбнулась она. — Я прожила долгую и красивую жизнь. И если бы не вера в загробную жизнь, я бы сошла с ума. Мне семьдесят три года, я была любима и сама любила. Кто испытал это чувство, тот может понять меня. Дети и внуки посмеиваются надо мной, а я живу своими воспоминаниями. Я верю в Бога и знаю, что наша главная жизнь там, наверху, где мы обретаем бессмертие.

Я чувствовала к ней расположение и предложила почаёвничать. Айша-апай посмотрела на часы и попросила: “Если можешь, подожди, пока я совершу вечерний намаз”.

Я онемела. Несколько раз я пыталась ходить на курсы арабского языка, но так и не одолела алфавит. Не знала ни одной молитвы. Просила сына-арабиста написать мне молитвы русскими буквами — так их легче выучить, но он категорически отказался мне помогать — осуждал моё легкомысленное отношение к религии. “Неужели тебе не стыдно? Ты прожила почти пятьдесят лет и не можешь уделить год на изучение языка, — упрекал он меня. — Те писульки, которые тебе пишут твои полуграмотные знакомые, никогда не научат тебя правильному произношению молитвы. Тут я тебе не помощник”.

Я надолго рассталась с мыслями выучить арабскую грамоту. И в душе признавалась, что сын мой прав. И дала зарок в возрасте примерно пятидесяти пяти лет усиленно заняться языком и одолеть его вопреки скептицизму сына. Он мне не верил, считал, что я не смогу победить свою лень и мне не дано стать законопослушной прихожанкой. В присутствии Айши-апай я готова была от стыда провалиться сквозь землю. Она же не стала осуждать мою несознательность и заниматься нравоучениями, а вышла из купе, чтобы подготовиться к вечерней молитве. Когда она вернулась, я была поражена. На её лице появились торжественность и отрешённость. Вот кто был настоящей мусульманкой! В её облике не было ничего наигранного, что так любят демонстрировать мои знакомые. Эта женщина верила искренне, самым естественным образом. Она вызвала во мне восторженные чувства и сознание своей никчёмности.

“Какой урок я получила!” — говорила я себе, чувствуя, как от стыда краснеет моё лицо. Я вышла из купе под храп на верхних полках, бабушка читала молитву, не обращая на это внимания. Она осталась наедине с Богом и никого не замечала.

Я решила реабилитироваться перед нею и напоить её своим фирменным чаем, чтобы искупить своё невежество. Мне нравился её красивый мелодичный голос, чувствуется, что в молодости она блистала красотой. Её манеры выдавали в ней воспитанную, знающую себе цену, любимую и умную женщину. Я часто езжу в поездах и мне приходится выслушивать различные душещипательные истории. Обычно мои попутчицы рассказывают о своей несчастной судьбе. Мне оставалось только сочувствовать им.

А с такой жизнерадостной пассажиркой мне довелось ехать впервые. Когда она вышла в коридор, я неожиданно задала себе самокритичный вопрос: а каким я являюсь человеком? Приятно ли моё общество другим

людям? Умею ли я слушать и рассказывать? Вначале я кажусь всем высокомерной, заносчивой. От этой показухи не могу избавиться. Может, в этом повинны мои родные, наставлявшие: не забывай, что ты из интеллигентной семьи и должна держать марку — много не разговаривать, вести себя с достоинством.

Многие из нас и не задают себе такие вопросы, а как я выгляжу со стороны? От каких черт мне надо избавиться? Встреча с этой женщиной дала мне повод задуматься о своей собственной персоне. Айша-апай была интеллигентной женщиной, иногда испуганно меня спрашивала: “А тебе не надоела моя болтовня?”. — “Нет!” — отвечала я, обнимая её. Передо мной сидела красивая, умная и счастливая женщина пожилого возраста. Не зря говорят: любви все возрасты покорны! Она не хотела покоряться старости и жить серой обыденностью, жила яркими воспоминаниями. Она не жаловалась на судьбу, не обижалась, что потеряла мужа, воспринимала всё как в порядке вещей и каждый раз благодарила Всевышнего за прожитую жизнь. Её речь была искристой, красивой, чередовавшейся, как разноцветные бусинки на одной нити. Я слушала её и радовалась: вот на кого мне надо равняться! Я поняла, что эта женщина с чудесными по-детски голубыми глазами в душе осталась девочкой. Она влюбилась в одного мужчину и величественно несла свою любовь словно корону. Рядом с ним она была королевой. Я не без ревности спросила:

— Наверное, вы никогда не ругались с мужем?

— Ругалась, да ещё как ругалась, — призналась она. — Кричу, ругаюсь, а он улыбается, потом поднимет на руки, отнесёт в спальню и говорит: “Теперь отдохни! Сколько энергии ты потратила, когда кричала, запомни: нервные клетки не восстанавливаются”.

— А кто из вас чаще шёл на конфликт? — придиричиво спрашивала я.

— Кто? Конечно, я! Я изводила его своей ревностью. Мне казалось, что он самый красивый и самый умный, и все женщины хотят отнять его у меня. А он, смеясь, говорил: “Бери палку и выгоняй всех, кто будет входить в мой кабинет”. Его любили, он рос по службе. Но многие завидовали ему. А он выше всех был и ростом, и умом! Он понимал, если будет другим, его уничтожат. А потом как-то признался: “Мне тяжело было работать, некоторые завидовали, а тут ты ещё со своей ревностью”. И когда я услышала его признания, мне стало стыдно. Я перестала его ревновать, как отрезала. Он спешил домой посоветоваться, поговорить, поделиться. Вот какой у меня был муж! Как хорошо, что я вовремя опомнилась. Сохранила ему жизнь. Жаль, что в слепой ревности мы не задумываемся, как от этого страдает семья. Мы, женщины, можем возвысить и предать!

Я спросила:

— Почему после свадьбы люди меняются?

А она мне привела пример:

— Почему новорождённый кричит?

— Лёгкие развивает, — ответила я. Так объясняли врачи и учёные-медики всего мира, защищавшие свои диссертации.

— Нет, новорождённый кричит, чтобы проверить, кто в семье главный: он или вы? Если он кричит, и вы постоянно берёте его на руки, он делает вывод, что в семье главным является он. И впредь будет диктовать вам свои условия. Потому что он родился человеком.

— Надо же! — с восхищением призналась я. — Получается, что он уже соображает?

— Да, соображает, и если пойдёшь у него на поводу, будешь пожизненно ему подчиняться.

А я, глупая, этого не знала, бежала на крик детей и всю ночь носила их на руках. А они кричали и не давали мне покоя. И совсем меня не жалели. “Какие вы бессовестные!” — запоздало ругала я своих детей. Каким мудрым был наш народ, когда говорил, что детей надо воспитывать с самого рождения. Значит, крошка, едва родившись, уже программирует своих родителей. Заплакал — взял на руки, всю жизнь будешь ему потакать.

Точно так же поступают мужчины, они тоже хотят заставить вас подчиняться.

— Да! — соглашалась я. — Вы — мудрая женщина!

— Какая мудрая? Мне в жизни повезло со свекровью и родственниками. Они всех моих детей воспитали, а мудрость пришла, когда старших родичей не стало и мне пришлось самой нянчить внуков.

— А кем стали ваши дети? Вы довольны ими? — задала я нетактичный вопрос. Айша-апай задумалась.

— Я знаю многих родителей, которые разочарованы в своих детях. И сочувствую им. Но о своих ничего плохого сказать не могу. Моя знакомая рассказывала про свою соседку. Её дочь замужем за высокопоставленным чиновником. Когда мать приезжает, дочь всю эксплуатирует её, та в доме дочери убирает, стирает, варит, за детьми смотрит, помогает встречать гостей, и ни разу её не посадили с ними рядом, стесняются. Соседка долгое время скрывала это и всё время хвалилась дочерью, а однажды расплакалась и призналась, что дочь воспринимает её не как мать, а как служанку. Сейчас другие времена и дети другие. Многие родители разочарованы, — повторила она с грустью.

— Разве раньше допустили бы родители, чтобы их дети голос на них повышали? У наших соседей по дому сыновья избивают отца, который, надо признать, в молодости не отличался примерным поведением. Кто здесь виноват? Конечно, прежде всего их мать. Это она допустила, что муж издевался над ней. Ей надо было от него бежать, а раз не смогла, то не надо настраивать сыновей против отца. Поднять руку на отца могут только дети, не получившие достойного воспитания. А завтра они поднимут руку и на мать. Всё перевернулось на этом свете, из-за квартиры дети с родителями судятся, выгоняют их, даже киллеров нанимают, чтобы их убить. Вот поэтому надо верить в Бога, потому что вера спасает людей. Верующие никогда не пойдут против родителей.

Я родила пятерых детей, и все они разные, как пять пальцев на руке. Как мать, скажу: я довольна своими дочерьми. Если женщина хорошо воспитала дочь, та никогда не бросит мать и всегда будет ей помогать. Зря мы, казахи, обожествляем сыновей. Есть хорошая русская пословица: “Ночная кукушка перекукует дневную”. Обычно сыновья беспрекословно подчиняются жёнам. У таких жёны не чтят родителей мужа. Мне повезло, когда рядом был муж — сыновья подчинялись отцу. Умер муж, и с сыновьями не всё у меня гладко. Они больше слушают своих жён.

Да, было что воспринять из её сердечной исповеди и чему поучиться. Айша-апай то смеялась, то омрачалась, при этом менялся цвет её глаз. То он становился небесно-голубым, то темнел как море перед бурей. Она с нежностью рассказывала о муже. И я невольно завидовала ей. И восхищалась неведомым мужчиной, который до краёв заполнил собой душу этой

славной женщины. Каким надо быть умным, красивым и мудрым, чтобы дать столько счастья своей жене! Она рассказывала, как влюбилась в него, как вышла замуж. Она жила с самым лучшим мужчиной — мечтою всех женщин! Айша-апай рассказывала с юмором, как “завоевала” своего мужа. И откровенно призналась: судьба мужчины — в руках женщины.

Поступив в алма-атинский Женский педагогический институт, она жила у родственников приёмных родителей. Те отнесли к ней как к собственной дочери.

Рядом с их домом на квартире жил высокий кудрявый юноша. Он любил читать книги, спрятавшись в тени яблонь. Она влюбилась в него. Ей нравилось наблюдать за ним украдкой из окна. Однажды увидела, как он целовался с её однокурсницей, и в тот день она чуть не умерла от ревности. А потом корила себя: как я могу его ревновать! Если он не знает ни моего имени, ни про мои чувства. Он не был обделён женским вниманием. У него был богатый выбор, в то время в институте учились дочери и внучки министров и всей элиты.

— А как вы добились, что он стал вашим мужем? — поинтересовалась я.

— Однажды, возвращаясь с занятий, я упала в обморок. И надо же тому случиться, в это время Ильяс тоже возвращался из своего института, на его глазах мне стало плохо, я стала падать, он подхватил меня, собралась толпа зевак, тогда не было “соток”, пока нашли ближайший телефон, я лежала без чувств. Он держал меня, наклонившись на коленях. Потом меня отнесли под тень дерева, влажным полотенцем вытерли лицо. Придя в чувство, я по-казахски стала звать маму. Толпа изумилась — девушка говорит на чистом казахском языке. Тут подъехала “скорая”. Ильяс отправился со мной в больницу, ждал, пока поставят диагноз. Солнечный удар спровоцировал обморок, — объяснил врач.

И спросил Ильяс: кем он приходится мне? Он назвался братом. “Забирай свою сестрёнку”, — предложил ему врач. На такси он привёз меня домой, и потом каждый день справлялся о моём здоровье. У него были ко мне родственные чувства. Он и вёл себя как брат, был заботлив и вежлив. Однажды я призналась своей подруге, что люблю его, а он воспринимает меня только как сестру. Она предложила: “А ты найди какого-нибудь парня и встречайся. Увидишь: будет твоим!”. Подружка оказалась права, мой новый кавалер буквально прилип ко мне и не хотел ни на минуту со мной расставаться. Ильяс стал ревновать, а однажды сказал: “Ты не морочь никому голову, а выходи за меня замуж!”. Свадьба состоялась у него в ауле. Мои родные тоже были приглашены. Я знала, что его родители сначала были против нашего брака. Моя мама сильно переживала. А отец не показывал вида. Родители Ильаса были известными людьми, отец работал директором совхоза. По тем временам жили они зажиточно. Каждый год, досрочно сдав экзамены, мы спешили домой, где нас ждали его родители, три брата и три сестрёнки, а также дедушка с бабушкой.

Я была единственной дочерью в своей семье. А тут пришлось व्यюном виться, чтобы понравиться его родичам. Вначале я завоевала любовь его младших братьев и сестёр — пекла им пряники, печенье. Потом расположила к себе его дедушку с бабушкой. Ухаживала за ними, когда они вместе совершали намаз в отдельной комнате, готовила им тёплую воду, поливала из ковши. После намаза поила их чаем, угощала чем-нибудь вкусным. Особенно я любила бабушку, наблюдала, как она совершает намаз. Однажды она предложила мне: давай понемногу буду тебя учить. Мне

понравился язык, на котором читались молитвы. Он был красив, звучал как музыка, и я постепенно выучила молитвы, и арабской грамоте бабушка меня научила. Она была терпеливой и ласковой. Её дед был муллой, и она гордилась этим. В те непростые времена отец отправил единственную дочь в медресе в Узбекистан. Бабушка Ильяс была мудрой женщиной. Стать мусульманкой я решила ещё в детстве в благодарность за моё спасение. Мне хотелось сделать что-то полезное для казахского народа, который удочерил меня. Я была ребёнком, но знала, что добро надо помнить всегда!

В семье Ильяс вставали рано, девочки брались за уборку, а мальчишки занимались хозяйственными делами. В шесть утра отец уезжал на работу, переделав домашние дела, мать спешила за отцом, возвращались они, когда дети уже спали. Хорошо что с ними жили старики. Ильяс как-то признался, что его мама была воспитанницей детского дома. Вставать в шесть часов утра она приучилась в детдоме. Утром, когда дети были маленькими, она мыла пол, на ночь варила, со временем эту работу стали делать дети. Их семья была образцовой в селе. Даже коровник у них был побелён и покрашен. Родители знали, что всегда на виду, и поэтому старались вести достойный образ жизни. В их доме никто никому не перемывал косточки. Мало говорили, больше работали. В семье ценилась учёба, и каждый из детей знал, что обязан хорошо учиться и в дальнейшем получить приличное образование.

Мама Ильяс работала ветеринаром, в семье любили животных. Много было кошек, рыбок в аквариуме, попугайчиков, кошка с котятками свободно гуляла, а вечерами возвращались домой. Мой муж с благодарностью вспоминал своё детство. Он боготворил родителей, и мне ничего не оставалось, как научиться полюбить их. Это было совсем непросто. Мудрыми в их семье были дед с бабкой, они на всё взирали молча. Однажды в присутствии отца Ильяс они сказали: “Вы что, не замечаете, что наша сноха беременна?”. И этот день навсегда изменил мою жизнь. Мне разрешили вставать попозже. Готовили мою любимую еду и старались от всего меня отстранить. Я же занималась только выпечкой. Мать Ильяс по-прежнему не любила меня, едва терпела, а свёкор оберегал, заступался, если видел, что меня незаслуженно обижают, а это вызывало у свекрови неодобрительные эмоции.

Однажды я услышала, как она призналась своей подруге, что я заняла её место в доме: “Если я умру, мне кажется, никто и не заметит”. Я поняла, что мне надо убедить её в обратном. У неё намечался юбилей. Наша с мужем комната находилась в глубине дома, а в ней — моё приданое, которое в то время считалось богатством. У меня была ножная швейная машинка, свои наряды я шила себе сама. Вот там по меркам старого платья свекрови я тайком от всех шила ей роскошное панбархатное платье — мой подарок к её юбилею. Накануне этого события мне вдруг стало плохо, я молила Бога — не дать сорвать юбилей свекрови. Я понимала: неприязнь ко мне перерастёт в ненависть, если я испорчу её праздник. Меня терзали боли — оказывается, начались схватки, и меня ночью увезли в роддом. Перед этим я успела отдать матери мужа сшитое платье. Так совпало, что в её день рождения я родила сына. Свекровь была в восторге от обновы, платье сидело на ней как влитое. А тут как раз новорождённый внук. Она была растрогана, плакала и всем рассказывала, как я с большим животом мучилась за машинкой, чтобы угодить ей.

Юбилей отметили позже — рождение внука стало самым роскошным подарком, который свекровь получила в тот день. Больше месяца в дом

шли люди с поздравлениями, и всё это время праздновалось рождение нашего сына. Мы с мужем находились в нашей комнате, и свекровь не разрешала выходить к гостям. Она переменяла своё отношение ко мне, стала приветливой, любезной и всё боялась, что меня после родов и ребёнка сглазят.

Наш голубоглазый сыночек вырос, женился, и внуки теперь у меня с голубыми и карими глазами. Так как мы с мужем были студентами, то уехали в столицу, оставив сына у родителей Ильаса. Я не могу признаться, что сильно скучала, для меня главное, что со мной был любимый. К тому же я знала, что мой сын находится в надёжных руках. Мы закончили институты и отправились по распределению в другой совхоз. Ильяс быстро поднимался по служебной линии. Сначала был комсомольским вожаком, потом парторгом, директором совхоза, так постепенно поднялся до замминистра. Самая большая радость, когда мы получили квартиру в центре Алма-Аты, потом отстроили особняк. Я родила пятерых детей, а когда они выросли, мы с мужем стали ездить на курорты.

Всё было в нашей жизни — и взлёты, и падения. Я была Ильасу верным другом, и мы вместе с ним преодолевали все препятствия. Перед смертью мой муж поблагодарил меня за совместно прожитые годы и признался, что не верил своему счастью быть мужем такой женщины. Прошло три года, как он умер, а я всё не верю этому, мне кажется, что он в очередной длительной командировке. Однажды он приснился мне и сказал: “Ты должна увидеть то, что я не видел, когда ты вернёшься ко мне, обо всём расскажешь”.

Я часто езжу в гости к детям, в пути встречаются разные пассажиры. Кто-то с пониманием относится к тому, что я приняла другую веру. А кто-то осуждает меня. Я давно заметила, что люди стали грубее. По поступку одного человека мы, бывает, судим обо всём народе. Я помню время, когда в нашем ауле стали появляться чеченцы, корейцы, немцы. И каждого обездоленного казахи принимали, делились последним куском хлеба.

Неизвестно, как бы сложилась моя судьба, если бы меня, маленькую девочку, не удочерила казахская семья. И вот в благодарность за доброту, за поистине родительскую любовь ко мне я приняла мусульманскую веру и стала казашкой — по внутреннему миру, менталитету. Я много раз задавала себе вопрос: права ли? И приходила к выводу, что права. Нельзя быть неблагодарной. Я подарила казахской нации настоящих патриотов, которые знают мою историю и гордятся мною. А для Всевышнего мы все равны, для него не имеет значения, кто какую религию исповедует и по каким обрядам молится, главное — чтобы вера была искренней и глубокой.

Капитан дальнего плавания

Каждую неделю я с нетерпением жду понедельника, чтобы увидеть по каналу “Евразия” передачу “Жди меня” и жалею, что раньше её не было. Я не могу быть равнодушной к чужому горю. Плачу и радуюсь вместе с её героями.

Она вызывает положительные эмоции и даёт веру в то, что на земле больше хороших людей, которые помогут в беде, не будут безучастными и окажутся рядом. Я решила написать о том, как храбрый и сильный мужчина — капитан дальнего плавания, оказался беспомощным в жизненном океане. Оказавшись наедине со своим горем, он не смог достойно

выплыть, стал тонуть. Он нуждался в поддержке, и если бы кто-то оказал её в тот момент, его судьба не оказалась бы столь драматичной, он бы достойно прожил свою нелёгкую жизнь. А может, его ищут и не знают, что он сто тысяч раз каялся, ругал себя за минутную слабость.

После окончания торгового института я устроилась администратором в продовольственный магазин. Моей обязанностью было следить за порядком в торговом зале и за разгрузкой машин, отмечать водителям время прибытия и убытия. В моём подчинении работало десять грузчиков и столько же техников.

С самого раннего утра я находилась в торговом зале, помогала продавцам оформлять витрину — выкладывать товар. Времена были тяжёлые: не было продуктов, и мы вынуждены были выставлять на витрины каретки с яйцами или железные банки дешёвых консервов. Также я контролировала грузчиков, чтобы не сбежали и не напились, вовремя оказались на эстакаде при въезде машин на разгрузку.

Магазин был большой, за день мы разгружали по две-три машины с вином и водкой, а летом к этому количеству добавлялось пиво. Это был основной товар, который приносил прибыль нашему магазину. В те трудные годы мясо, колбасу, сыры, мясoproductы разрешали реализовывать только с шести часов вечера.

На продажу мы резали по пять ящиков сливочного масла, расфасовывали его по полкило, мяса и колбас привозили мало — покупателям не хватало. Желающих было гораздо больше, и это часто вызывало конфликтные ситуации, обязанностью администратора было предотвратить конфликт, не давая ему распространиться и вылиться в жалобу. В те времена на жалобы реагировали остро. Если она подтверждалась, руководство магазина лишалось премии или понижалось в должности, а за обвес и обсчёт продавцов привлекали к уголовной ответственности, что сейчас забыто и не делается.

Грузчиками работали, мягко говоря, пьющие люди. После зарплаты они неделями не появлялись в магазине. И нашему руководству дополнительно приходилось нанимать рабочих или с продавцами разгружать машины с товаром.

Однажды при разгрузке вина один из грузчиков упал в обморок. Его все звали Женькой, мне было неудобно так к нему обращаться, и я назвала его Женей, но он поправил меня, мол, я — Женька. И не иначе.

Это был мужчина лет сорока, огромного роста — мордатый, беззубый, обросший, с громким, хорошо поставленным голосом. Грузчики ему безоговорочно подчинялись. Говорят, он пользовался этим, и если продавцы ему не давали взаймы денег, он мог организовать саботаж и сорвать разгрузку винно-водочной продукции, а это грозило магазину большими штрафами. Увидев упавшего, я напугалась, но грузчики успокоили меня, объяснив случившееся голодным обмороком. Оказывается, получив зарплату, они пропивали её, не оставляя денег на продукты. Происшествие потрясло меня.

Я была молодая и наивная, и не представляла, как люди могут довести себя до такой жизни. Когда Женьку привели в чувство, мы с заведующей магазином Марией Григорьевной его накормили. Он был благодарен мне, потому что никто никогда не обращал на них внимания, обмороки случались и у других грузчиков. Я предложила, чтобы им ежедневно варили суп

из кильки или из костей, таким образом, я добилась, что грузчики всегда были накормлены и, пропив зарплату, спешили на работу, где их ждал обед.

Мне жаль стало этого мужчину, я замечала, что он нередко цитирует классиков и поёт романсы. А ещё у него была замечательная черта — он никогда не обманывал! И я по молодости решила взять над ним шефство. Он стал хранить в моём сейфе свою зарплату, так как боялся её пропить. Однажды я предложила ему забирать не всю зарплату, а понемногу копить, чтобы к весеннему празднику купить ему одежду. Его кирзовые сапоги были заношены, одежда порвалась. Мой родственник — неплохой, по сути, парень спился и неоднократно сидел в тюрьме за хулиганство, может, поэтому я захотела помочь Женьке.

Из его денег накопилась приличная сумма. Женька зауважал меня, ходил за мной буквально по пятам и всех страдал: “Если кто её обидит, я ему оторву башку”. Мы со стороны смотрелись смешно: я полутораметровая пигалица, а он огромный неухоженный медведь. Все посмеивались над ним, а он ходил как первоклассник и спрашивал, когда я куплю ему новые штитлеты. Всё это время он не пил, и мне казалось, что нужно немного помочь ему, и Женька станет нормальным человеком. Я чувствовала, что это незаурядный человек. При разгрузке крупногабаритных грузов он мыслил как инженер и мог придумать приспособление, чтобы затратить минимум усилий. Однажды в наш магазин доставили новое оборудование — холодильники и холодильные витрины, громоздкие и тяжёлые. Женька называл себя бригадиром, хотя такой должности у нас не было. Под дождём до ночи он с грузчиками занимался разгрузкой. Утром он заболел. Мы предложили ему отправиться домой. Никто не знал, где он живёт. Он отказался и отлежался в закутке для рабочих. Мы варили для него бульоны, и Женька в течение недели выздоровел, пополнил и посвежел. Он был грамотным и делал продавцам замечания за безграмотность — они сами писали ценники на продукты, товаровед не успевала. Однажды молодая продавщица попросила его научить танцевать вальс. Женька преобразился, его лицо похорошело, глаза заискрились, он от природы был статным, галантно взял её за руку и закружил в вальсе.

Жаль, что у меня не было времени, а так хотелось иногда спросить его: “Кто ты, почему с такими способностями ты стал пьяницей?”. У нас в магазине была большая текучесть среди вспомогательного персонала, но всего несколько грузчиков, и в том числе он, не рассчитывались, потому что идти им было некуда.

Наконец мы выбрали день и пошли с ним в соседний промтоварный магазин. Я была знакома с продавцами, и мы вместе одели-обули нашего Женьку.

Оставшиеся деньги я вернула ему и строго предупредила — не пропивать. В праздничные дни мы дежурили, а я по графику отдыхала.

Весна вступила в свои права, после первого весеннего дождя по городу плыл опьяняющий аромат эфирных масел, выделяющийся молодыми почками, смешанный с запахом дождя. На деревьях и кустарниках дрожали новорождённые зелёные листья. Они были такими нежными, что казались прозрачными, и под солнечными лучами смотрелись на деревьях женственно, как шифоновые платья.

Обычно в этот день редко выдавалась хорошая погода, а в том году она оказалась жаркой. Я любила праздник 1 Мая — День солидарности трудящихся всех стран. В этот день все предприятия должны были пройти в колонне демонстрантов по площади под звуки духового оркестра.

Наше управление торговли было большим, дирекция поставила всех в известность, что до обеда работать не будем, руководству хотелось похвастаться большим коллективом. В магазине оставались только те, чья обязанность принять товар и разгрузить его. Мы шли в колонне по десять человек, у всех было прекрасное настроение. Увидев Женьку, наш директор был приятно удивлён. В управлении знали его, он неоднократно ездил со мной получать обёрточную бумагу.

Женька, облачённый в новую одежду, шёл с нами в одном ряду, смущённо улыбался и всех спрашивал, как он выглядит.

Прошли праздники, начались будни. Когда я пришла на работу, дворник, подметавший территорию магазина, встретил меня со словами: "А ваш Женька пропил свою одежду!". Я промолчала, но на душе стало погано, я расстроилась.

К эстакаде подъезжали машины, грузчиков не хватало, а этот горе-мыка не показывался. Я пошла в подсобку, где после разгрузки отдыхали грузчики. Женька лежал на списанной старой холодильной витрине и, увидев меня, горько заплакал, уткнувшись в подушку. Я ждала от него чего угодно, но только не слёз — двухметровый детина, которого я заставила перед праздником подстричься, причитал: "Убей меня, подлеца, я не оправдал твоего доверия!". Мне ничего не оставалось как успокоить его и пообещать, что в следующий раз буду умнее и не оставлю ему денег. Он упал на колени и стал целовать мои туфли. "Ты святая, — говорил он. — Я проработал в магазине больше трёх лет, и никто не захотел мне помочь!".

Я уговорила его выйти и разгрузить товар. Я боялась штрафов, и мне некогда было выслушивать, что кто-то заставил его напиться, а потом сыграть в карты и проиграть деньги и одежду.

Мне было неприятно, как будто наш избалованный котёнок нагадил на мой любимый ковер. На другой день, когда все грузчики вышли на работу, я пошла разбираться с ними. В их отсутствие мы вынуждены были обращаться к посторонним, случайным людям помочь разгрузить машины, оплачивая их труд из своего кармана. Грузчиков я отругала и пообещала лишить премиальных, а также вычесть из их зарплаты потраченные деньги. Но к Женьке это не относилось: в те дни он работал не покладая рук, все машины были выгружены в срок, а он, стараясь реабилитироваться в моих глазах, заставил и остальных грузчиков поднапрячься.

Он всё-таки уговорил меня выслушать про свои злоключения. В парке Женька встретил бывших "корешей", похвастался перед ними новыми шмотками, они уговорили его сыграть в карты. "Когда я всё проиграл, у меня появилось желание броситься под трамвай!" — признался он. Убедившись, что я его простила, Женька повеселел, стал петь романсы и читать стихи Цветаевой и Ахматовой. Я поинтересовалась, откуда у него такие познания? И тогда он сказал: "Никто не знает, кем был Женька Царёв! Завтра принесу фотографии, и ты увидишь, кем я был".

У меня уже было трое сыновей, один из них заболел, и я отсутствовала на работе.

А потом у меня захворала мама, и я попросила разрешения частично использовать свой отпуск. На работу я не звонила. Моя мама жила в рабочем посёлке, я забрала туда с собой детей и ухаживала за мамой, лечение не помогало, ей становилось всё хуже. Увы, спасти её не удалось, в общем, мой отпуск затянулся на месяц. На работе, кроме заведующей, никто не

знал, что произошло в моей семье. Мне уже надо было выходить на работу, отпуск мною был использован полностью.

На душе было пусто, я понимала, что я взрослая женщина, и мне нельзя так горевать, но никак не могла примириться с утратой.

Мне казалось несправедливым, что мама так рано ушла из жизни, ничего хорошего не видела. Она вырастила нас, и мы не имели возможности помочь ей.

Заведующая, узнав, что я целыми днями плачу, приказала срочно выходить на работу, скорее всего, она переговорила с моим мужем, решила таким образом отвлечь меня от моего горя.

Когда я появилась в магазине, мне сообщили, что Женька подрался с грузчиком Сашкой и чуть не зарезал его. Оказывается, его посадили! “А Сашка?” — спросила я. “Да жив, пьяница, Женька его только поцарапал!”.

Заведующая магазином Мария Григорьевна спросила: “Что будешь делать, защищать Женьку?”. Я возмутилась, почему я должна стать его защитником. И тогда она мне выдала: “Это ты виновата, зачем взяла шефство над ним? Он конченный, опустившийся человек. А ты возомнила себя Макаренко, собралась перевоспитывать пьяницу, одежду купила, а он, дурак, в тебя влюбился, что, не поняла? Не видишь? Я знаю, что тебе он не нужен, у тебя муж-красавец, ты любишь его. А этот ходит влюблённый, романсы напевает, каждый день приходит надушенный одеколоном”. Я рассмеялась. Мария Григорьевна с укором посмотрела на меня: “Даже в торге заметили, как Женька изменился. Он впервые за много лет почувствовал себя человеком. Ты и вправду с ним чудо сотворила, тебя не было, он не пил, а как узнал, что тебя долго не будет, потускнел, а до этого ходил, сиял, а теперь с ним такая беда случилась.

Мы тоже виноваты, не обращали внимания на Женьку, всё некогда было, а ты молодец, добрая, Бог тебе поможет. Я недавно разговорилась с ним, умный мужик, понимает, что неправильно живёт, начитанный, тебя ждал, с фотографиями ходил... Наш торг ходатайство написал. Коллектив возьмёт его на поруки, директор позвонит, я переговорю, вытащим, может, мужик и впрямь остепенится, глядишь, и женится. Ты видела, какие у него мускулы, фигура? Недавно разделся на эстакаде и как культуристы, мускулы свои демонстрировал. Ему бы такую жену, как ты, и мужик горы свернул бы! Представляешь, он впервые почувствовал заботу и уважение к себе. Тут одна молоденькая продавщица к нему благосклонность проявлять стала, а он тебя ждёт”. Я виновато улыбнулась. Мария Григорьевна опять укорила:

“Для тебя смех, а ему срок грозит, поедem выручать вместе — начальник милиции мой сосед по дому, петицию отдадим, вдруг поможет!”.

Виновным оказался Сашка, он рассказал грузчикам, что Женька влюбился в меня, и над ним стали посмеиваться, тогда он схватил нож, которым резали масло, и ударил Сашку. А в это время в магазине находился милицкий наряд, который забирал пьяных из винно-водочного отдела, техника-дура выскочила в торговый зал и завопила: “Убил!”. Женьку и увезли.

Сашка виновато задрал передо мной рубаху — он это делал перед каждым, что ему даже нравилось, и показал неглубокую царапину.

Начальник милиции оказался понимающим человеком. Он отпустил Женьку при нас, я долго его благодарила. А Мария Григорьевна потом отругала: “Чего ты перед ним раскланивалась? Там никаким уголовным

делом не пахло, на черта им пьяница, с него и взять нечего". Тут осмелевший Женька заступился за меня: "Зря вы так говорите. Это неуважение к милиции, моё дело им выгодное, раскрытое преступление, лишний процент для раскрываемости. А перед вами он решил показать своё могущество".

Общаться с Женькой я перестала, старалась не замечать его. Мне это удавалось. Он понимал, смотрел, как побитый щенок, я не заходила в бытовку, если мне нужны были грузчики, отправляла за ними техник.

Женьки хватило ненамного, он вновь стал попивать. Конечно, я была виновата, нельзя было так с ним поступать. И в коллективе что-то стало меняться не в лучшую сторону, меньше стали шутить, больше сплетничать. Я не понимала, что сломала человека, нужно было до конца опекать его, а я была занята своими проблемами. Нормировщица Флора на именинах дочери рассказала мужу про влюблённого грузчика и назвала меня Макаренко, муж не понял и устроил мне скандал. Он стал меня ревновать и унижать, что кроме пьяницы-грузчика никто ко мне не проявил внимания. А Женька поблёк, стал хуже выглядеть, не балагурил, не пел.

Однажды мне сказали, что Женька сильно занемог и попал в больницу. Теперь мы ощутили его отсутствие — он был самым сильным среди грузчиков, хорошим организатором. К тому же дольше всех проработал в нашем магазине. Говорят, его состояние ухудшилось после тюремной камеры.

Заведующая предложила провести его вместе. Мы накупили хорошей еды, фруктов и соков. В палате лежало несколько мужчин, довольно приличных, увидев нас, они засуетились, принесли стулья. Женька лежал бледный — у него оказалось больное сердце. Увидев нас, он засмутился, покраснел, заведующая толкнула меня плечом, и я опять почувствовала себя неудобно. Мне было стыдно, что так она отреагировала. И тут представительный мужчина, назвав меня по имени, спросил: "Это вы Сауле? Он столько про вас рассказывал, спасибо, что ему помогаете". Тут Женьку пригласили на кардиограмму, и он ушёл с медсестрой. А мужчина рассказал, какая трагическая судьба сложилась у Женьки. "Если бы рядом с ним в тот момент оказался добрый, как вы, человек, возможно, она не оказалась бы такой драматичной".

Оказывается, Евгений Царёв был капитаном дальнего плавания. Ходил по морям Тихого океана — ведь ещё с детства мечтал стать моряком. Однажды он спрятался на судне, а может, ему помогли. Когда мальчишку обнаружили, корабль был далеко в океане. Матросы полюбили смышлёного, не по годам рослого мальчишку. В четырнадцать лет он выглядел как юноша. Предусмотрительно взял с собой учебники, матросы заставили его изучать школьные науки. Выяснилось, что он из династии потомственных моряков: прадед был адмиралом, дед — морским капитаном, а отец умер старпомом, не успев стать капитаном. Мать Женьки быстро нашла утешение в спиртном, и мальчик был предоставлен самому себе. В общем, начинал он юнгой. Потом закончил мореходку, успешно продвигался по службе, впоследствии стал капитаном большого красивого судна, которое ходило по всем морям и океанам. Женится на красавице — дочери начальника пароходства. Возвращаясь из далёких стран, он привозил жене меха и красивую одежду. Дома была дорогая техника, о которой тогда ещё не все знали в нашей стране. Он старался создать в семье уют, которого не знал в родительском доме после кончины отца. Никто не знал, где его мать, а Женька её не искал — была обида на неё, что лишила нормального

детства. У него не было близких родственников, жёны моряков не хотели рожать много детей и воспитывать их в одиночку.

Мы были поражены, когда мужчина перед нами выложил потрёпанные фотографии. Женька был в морской форме, которая шла ему, молодой и привлекательный. Его жена была красавицей, и он везде на снимках нежно её обнимал. Оказывается, каждый раз он обещал жене, что перейдёт на другую работу в порт, будет вести спокойную семейную жизнь. Но он любил море, ему нравилось бывать в дальних странах, и как картёжник клялся-божился, что отправляется в плавание в последний раз. Всё-таки устроившись в порт старшим диспетчером, через некоторое время не выдержал и тайком от жены снова ушёл в море. Он понимал, что так долго продолжаться не может.

Стал замечать, что жена уже не ждёт его, как прежде, с нетерпением. Потом она сделала аборт, заявив, что не хочет, чтобы ребёнок рос без отца.

Как-то, вернувшись из плавания, он обнаружил, что жена в спальне не одна — рядом с ней был молодой мужчина. Когда разъярённый Женька схватил его за грудки, она воскликнула: "Лучше бы ты утонул в своём море!". Он остервенело бил обоих, не давая выйти из дому, соседи слышали крики о помощи, но милицию не вызывали. Они знали, что жена ему неверна, и считали, что он прав.

Он расколошматил все японские сервизы и хрусталь, порвал и изрезал всю её и его одежду. Оставив их, ушёл из дому, прихватив всю наличность, которую привёз. Взял с собой шикарный портфель из крокодиловой кожи, положил туда все семейные фотографии и ушёл навсегда. Он долго мотался по стране, отдыхал на юге. Там встретил молодую красивую женщину и приехал с ней в Казахстан. Деньги у него закончились, надо было устраиваться на работу.

Однажды Женька встретил бомжа, который назвался мужем его новой жены, и сделал вывод — все женщины одинаковы! Потом она призналась, что бросила мужа-пьяницу и специально поехала на юг, чтобы найти там мужчину своей мечты. Женька понял, что снова ошибся. Избив её, он сбежал без документов, оставив у неё всё, захватив с собой лишь портфель с фотографиями. Потом он добрался до Караганды.

У Женьки не было средств к существованию, потому что кроме моря он ничего не знал. Несколько лет перебивался случайными заработками, опустился, затем прибил к нашему магазину. Его никто не искал, а сам он не пытался узнать что-либо о своей жене. Выжила она или осталась инвалидом? Я представила, во что он мог превратить свою красавицу-жену и её любовника в порыве гнева.

Вот такая история оказалась у нашего грузчика Женьки. Когда мы пришли в больницу, я обратила внимание, что в холле стоит пианино. И когда мы беседовали в отсутствие Женьки с его соседом по палате, я слышала, как на пианино кто-то играл этюды Шопена, а потом зазвучал вальс "Амурские волны". Мы вышли с заведующей из палаты. Женьки нигде не было. Но у меня возникло ощущение, что это он сидит за инструментом. Я подошла близко, он меня не видел.

Женька играл, из его глаз катились слёзы, он ничего не видел и не слышал. Возможно, в тот момент он был далеко в океане и видел себя, молодого и отважного, на корабле среди членов своей команды, где нет предательства и лжи.

г. Караганда.

Николай ШМИГАЛЁВ

Не от мира сего

Повесть-пародия

(Продолжение. Начало в № 3 за 2010 год)

Атаман всея Рублёвки!

У учёных это называется симпозиум, у врачей — консилиум, у чиновников — совещание, у бояр — вече, у попов — собор, у ведьм — шабаш, вот так мы плавно подошли к тем, кто собрался в этот час на большой дороге по названию Рублёвка, то есть к контингенту, который испокон веку собирался на сходку. А пока нашим героям осталось пройти до них ещё пару сотен метров, мы (слава богу, сторонними наблюдателями) обождём их в кругу ответных бандитов, разбойников, наводивших ужас на путников.

Сходка была организована по инициативе «яриловских» — банды, которая прославилась тем, что в её рядах было много бандитов из числа бывших дружинников, опричников и даже секретных стрельцов личной княжеской стражи. Атаман «яриловских» Гриша Бледный был озабочен растущей смутой среди лихого люда, децентрализацией власти, появлением большого количества самостоятельных мелких банд, члены которых не чтили разбойничьи законы и огрызались по всякому поводу, за что и были прозваны «огрызками». На сходку явились все главари более-менее весомых бандформирований. Приковылял, прихрамывая на деревянный протез, лидер группировки «пиковых» Капитон, по прозвищу Чёрная Бородавка, в сопровождении своего телохранителя Жеки Скарабея. И если первый получил своё грозное прозвище за страшный нарост на носу, то Жека, его секьюрити, своим прозвищем был обязан своеобразному запаху, сопровождавшему последнего всегда и везде. Рядом с Капитоном, сидя на камне, жевал длинный ус Ромик Гад, недалёкое, но сильное и меткое существо, которого подчинённые боялись и презирали одинаково. Он тоже пришёл не один, его оруженосец Жора Малыш, наглый карлик, как и подобает прислуге, расположился у ног хозяина. Дальше по кругу расположились Вова Дубовый, Филя Пугач, Сеня Горбун и другие. Каждый из бандюков по закону мог взять с собой на сходку лишь одного человека, так они и поступили, исключение делалось только для «яриловских» — с Гришей Бледным прибыли его соратники: Космач, Филин и Бзык.

— Тише, братья! — встал, привлекая внимание коллег, Гриша. — Не будем в ступе воду толочь, давайте начнём толковище. Как говорится, нашла коса на камень. Пора нам, ребяташки, разобраться с нашими общими делами.

— Пора! Пора! — поддержали его предложение остальные.

— Говори, Гриша! — кивнул своей бородавкой Капитон, — мы тебя слушаем.

Бледный выдержал паузу и, растопырив пальцы, заговорил:

— Братва! Смута захлестнула наши уделы, — Гриша обвёл взглядом собравшихся. — В последней рубке с дружинниками погубило много наших братьев, и среди них незабвенный Шплинт, который сплотил нашу, ныне разобщённую артель. Скорбь об ушедшем брате всегда будет в наших сердцах (выдержал скорбную паузу). Сейчас, сами видите, развелось много «огрызков»,

не уважающих наши разбойничьи уложения. Они обирают путников, всё до последнего грошика, убивают почём зря, в общинную калиту долю не ложат, в остроги дары не носят, на сходки опять же не идут, к разумению нашему не прислушиваются. Того и гляди навлекут на нас беду новую.

— Так оно! Так оно! — вновь загомонили разбойнички.

— Ближе к делу! — недовольно поморщился Чёрная Бородавка.

Гриша Бледный прищурился и в упор посмотрел на недовольного:

— Пришло время нам избрать нового атамана, который вновь сплотит нашу артель, вразумит огрызков и не даст смуте одолеть нашего брата.

Так вот куда он клонит. Народ призадумался. В словах Гриши была интересная идея, и всем она пришлась по душе. Каждый из бандитов считал себя достойным звания атамана всея Рублёвки. Можно будет так развернуться, куда там покойному Шплинту. Ежели во главе всех встать можно, можно, ой да можно на княжий град войной идти.

Примерно такие мысли закружились в полупустых головах лесных головорезов.

— Попрошу высказать своё видение, братья, — скромно потупил очи Гриша и отошёл в сторону.

— А чо! — изрёк наконец самый “смышлёный” Ромик Гад. — Я бы попробовал...

— И я! И я! — зашептались остальные разбойнички.

Через несколько минут на сходке царила невообразимая неразбериха и суматоха. Лесные братья кричали, поливая друг друга грязью. Предвыборные технологии, однако.

— Какой из тебя атаман — курица мокрая! — вещал один.

— Где ты был, когда я кровь в драке с дружинниками проливал?! — толстый, с жадными глазёнками бандит плевался слюной.

— Ясно где, морду тебе бил, — получал ответ на свой вопрос толстяк.

— Да вы все тут того! — пролил свет на интеллект собравшихся Сеня Горбун. — Плаварь должен быть такой, как я!

— Такой же придурок? — изумлялись “интеллектуалы”.

— На мечях порешим! — Чёрная Бородавка нашёл-таки правильный на его взгляд выход, но его мигом послали на ухо, или “нехай” прокричали, соглашаясь, не разобрал он в общем гомене.

— Давайте тянуть жребий! — прокричал Филя Пугач дельную мысль.

— Жеребца за хвост тяни! — донеслось до ушей предлагателя, и он насупился.

С такими шутками-прибаутками выборы могли продолжаться довольно долго. Поэтому, подгадав момент, когда все утомонятся для передышки, молчавший до этого Гриша опять взял слово:

— Братья, давайте будем благоразумными. Выберем по нашим меркам самого достойного из нас.

— Это тебя, что ли? — скривился Капитон. — Ага, сейчас.

— Возможно, и меня, хотя я заслуживаю не больше каждого из вас, — сдерживаясь, чтобы не воткнуть нож в горло Чёрной Бородавке, смиренно ответил Гриша, тем самым эмоционально уравнив всех присутствующих, и многим это понравилось. — Есть у нас одна возможность узнать преемника почившего Шплинта.

— Кости кидать будем? — предложил Капитон, вспомнив любимую игру Шплинта, в которую тот никогда не проигрывал. “Твои бы кости”, — с удовольствием подумал Бледный, но произнёс следующее:

— Его птица!

— Его птица! Его птица! — забубнили бандиты, не совсем понимая, о чём речь.

— А что его птица? — не унимался Чёрная Бородавка.

— А что птица? А что птица? — зашушукали остальные.

— Эрл — вещая птица-говорун укажет преемника Шплинта, — открыл свою задумку Гриша. — Мы выпустим её из клетки, и кому она сядет на плечо, тот и есть настоящий атаман.

В этот раз никто не сказал “нехай” и все как один призадумались.

Мысль.

Пусть маленький шанс, а для каждого.

Хорошая мысль!

И без крови, и без ругани, и почти по наследству от славного Шплинта.

Отличная мысль!!!

А кто бы знал, как она нравилась Грише Бледному, не зря он лично кормил с рук находившегося в депрессии попугая. Он распорядился принести клетку с птицей. Увидев много знакомых лиц, попугай начал нервничать и, раскачивая клетку, выкрикивать имя дорогого хозяина:

— Шплинт! Шплинт! Засундучь мертвеца, Шплинт! — и столько тоски и боли было в криках птицы, что многие чёрствые бандюки украдкой смахнули суровые слезинки. — Пиасдры! Пиасдры! Шплинт! Вокруг одни пиасдры!

За это он ещё оторвёт этой бесстыжей птице голову, а сейчас Гриша осторожно взял у Космача клетку и открыл дверцу. Птица в панике забилась по клетке, ни в какую не желая вылетать наружу:

— Спасите наши души! — заверещал попугай — SOS! SOS! Шплинт! Этот SOS ко мне лезет! Спаси-и-и!

— Баба верещит! — оживился Алексей, услышав крики.

— Бандиты на большой дороге опять над кем-то измываются, — сказал Антип.

— Давайте их атакуем! — Архип повертел посох в руке.

— А лучше обойдём, — выдвинул свой вариант сатир.

— Пойдём на Рублёвку, там видно будет, всё равно дорога одна, — махнул рукой Круглов и зашагал по тропинке.

— Да вылазь уже! — вытряхнул Гриша попугая. Птица с надорванной психикой, крича, закружила над возбуждённой толпой разбойников, прыгавших за ней.

За этим занятием и застали их Круглов и компания.

— Шплинт! — заверещал Эрл, метнулся к ничего непонимающему прапорщику, с разгону ударился тому в грудь и, обхватив шею крыльями, нежно сказал: — Карамба, Шплинт!

Естественно, наши герои, не зная, что попали на выборы, каждый по-своему воспринял происшедшее. Круглов — железные нервы — хладнокровно взял разноцветную птицу за загривок и, отстранив её от себя, в недоумении уставился на толпу притихших разбойников.

Сообразительный сатир, разобравшись в ситуации, а именно в том, что по отношению к их отряду совершена агрессия с применением неизвестного летательного объекта, моментально сориентировался и чисто машинально выбрал наиболее подходящий вариант действий:

— Я за подмогой! — донёсся его голос уже из кустов, куда несколько ранее по служебной необходимости (назовём это так) отошёл Жека Скарабей.

Братья же Лычко, горевшие в глубине души желанием вступить в схватку, беря пример с Круглова, снаружи не менее хладнокровные, встали по бокам от своего командира, готовые, в случае чего, действовать по его указаниям.

— А вы кто такие? — вслух удивился за всех Гриша Бледный.

“А-а?” — дружно подумали остальные разбойники.

Круглов хотел было объяснить, кто они и почему, но в этот момент из кустов вылез Фавнус и извиняющимся тоном доложил:

— Командир, там, кажись, один из них, — сатиру повёл испуганными глазами в сторону бандитов, — умер и уже, по-моему, начал разлагаться.

Бедный секьюрити Капитона в самый ответственный момент своего отхода в кусты принял на себя удар чего-то стремительного и, отключившись, немножко испустил дух, а “нечто стремительное” в свою очередь подумало, что он совсем испустил. В отличие от Скарабея разум сатира от удара лбами прояснился. Подумав, что они окружены такими засадниками со всех сторон, он решил встретить смерть с новыми друзьями, тем более что шансы встретить её рядом с ними, по его мнению, были ничтожно малы, и вернулся на дорогу.

Разбойники, наконец узревшие, что метнулось в кусты к Скарабею и вылезло обратно, охнули и в страхе оголили мечи и ножи.

— Чёрт! Чёрт! Чертила! — взволнованно заголосила толпа.

Как ни страшно было сатиру пререкаться с головорезами, но, чувствуя за спиной дыхание трёх своих спасителей, он всё же встал на защиту собственного достоинства:

— За “чёрта” и по ушам получить можно! — сердито топнул копытом Фавнус.

Из кустов, пугая соратников, на четвереньках выполз Скарабей.

— Демоны! — стонал контуженый Жека, дополнительно нагоняя ужас на товарищей по оружию. — Демоны!

— Заворожил чёрт! — шептались бандиты, отодвигаясь и отбрыкиваясь от подползавшего Жеки.

И так непростая обстановка накалялась. В воздухе запахло, нет, не Скарабеем, точнее — не столько им, сколько очередным рубиловом.

Освобождая на всякий случай руки, Круглов отпустил повеселевшего попугая на все четыре стороны, но птица, сделав над головой прапорщика круг почёта, со словами “Шплинт вернулся!” совершила посадку ему на правое плечо.

Выкрики птицы-говоруна долетели до ушей бандитов. Готовые к потасовке разбойники, замерев в нерешительности, смотрели на пришельцев из леса: двух монахов, чёрта и человека в полосатой майке и косынке как у легендарного Шплинта — некогда морского, но списанного на берег волка, и пытались сообразить, в чём подвох.

— Здорово, мужики! — Круглов взял инициативу в урегулировании назревавшего конфликта на себя. — Возможно мы не вовремя.

“Как же, в самый раз!” — в сердцах подумал Бледный, с тревогой разглядывая пришедших. Его задумка с Эрлом прогорела, и возможность стать во главе всех бандформирований грозила окончиться провалом, хотя...

— Да нет! — вновь вышел вперёд Гриша, он и во время тихой паники держался молодцом, меньше других отбрыкивался от Жеки и практически не испугался “чёрта”, и сейчас он перехватывал инициативу у всех, включая

Круглова. — Ты, мил человек, оказался в нужном месте и в нужное время. Вещая птица-говорун избрала тебя наследником великого Шплинта.

Вот те раз, а он думал, глупая птица так на него обзывается. Ну-ну, что дальше?

— И если ты докажешь в бою свою кровожадность! — Бледный вознёс руки к небу, — быть тебе атаманом всяя Рублёвки!

Ишь ты, как завернул. Вроде не было такого пункта в предвыборных лозунгах. Разбойники зашущукались. Никому из них не хотелось иметь дело с Избранным, да ещё и с товарищем чёрта. И пусть Жека Скарабей отошёл немного от встречи с рогатиком, а ещё и неизвестно, сколько ему теперь жить осталось. А у них ещё есть здесь дела.

Братья Лычко, услышав про мордобой, начали тянуть руки в надежде почесать кулаки вместо командира.

Но Алексей был того же мнения, что и разбойники, и высказал его вслух:

— Рубиться с вами мне охоты нет, на то других охотников куча найдётся.

Услышав, что Избранный отказывается от схватки, разбойнички повеселели.

— И то правда! — выступил на стороне Избранного Капитон, — не было в уговоре драки на победителя. Ты, Гриша, уже отсебятину гнёшь, — обратился он к Бледному. — Ну тебя!

— Ну тебя! Ну тебя! — загомонили остальные.

— Человека провидение к нам привело, — продолжил Чёрная Бородавка — Он нам и атаман законно избранный.

— Атаман! Атаман! — начали скандировать бандюки. Гриша, поняв, что окончательно проиграл, сконфузился и отошёл в сторону, остальные же и даже его сподручные: Космач, Филин и Бзык, галдя, окружили Избранного и компанию.

Разобравшись и поняв, что опасность миновала для обеих сторон, и те и другие облегчённо вздохнули, только Круглова перспектива становиться атаманом явно не радовала.

— Мужики, мужики, — Круглов обратился к бандитам. — Я рад, что всё так получилось, но не обессудьте, не могу я остаться.

— Ты чего? Соглашайся, — ткнул в бок его сатир. — Это же подарок судьбы. Как говорится, Троянскому коню в попу не смотрят.

— Нет! Нет! — запротестовал Лёха.

— Как так! — огорчился Капитон, уже представляя себя правой рукой вновь избранного атамана. — Тебя же Эрл указал нам! Не отвертисься!

— Не отвертисься! Не отвертисься! — поддержал его бандитский синдикат.

— Да я бы и рад! — решил схитрить прапорщик, чтобы вновь не нарваться на неприятности. — Но в данной плоскости наши интересы на этот момент не совпадают. Единственное, что могу пообещать, так это подумать над вашим предложением после окончания миссии.

В принципе ничего особенного он не сказал, но эффект произвёл, причём и на своих спутников.

— А что делать? — расстроились разбойнички, — вновь Эрла запускать?

Вспомнив, как они гонялись за попугаем, Круглов понял, что до конца перевыборов птица не дотянет, загоняют бедную и, решив оградить пернатое, да и уркаганов от возможных проблем, произнёс речь:

— Товарищи тунейдцы, хулиганы и алкоголики! — по его мнению, подобное обращение должно было повысить самооценку лесных братьев. — Если позволите, я вам дам совет.

— Давай! Гони! — позволили “товарищи”.

— Атаман это, конечно, здорово! Но в виду сложившейся ситуации будет лучше, если мы, то есть вы, пойдёте другим путём, — Алексей прокашлялся. — Я имею в виду легализацию вашего промысла.

— ??? — (нет, даже) — ??????

— То есть сотрудничество с властями.

Лёгкий ропот пошёл по рядам разбойников.

— Сейчас я вам всё поясню, — не стусевался Круглов. — Вы держите под своим влиянием весь Рублёвский тракт. Грабите путников, обворовываете купцов. Из-за этого у вас, э-э, как бы это сказать, трения с властями.

— Что есть, то есть! — ответил за всех Капитон. — И что ты предлагаешь?

— Моё предложение заключается в следующем, — подмигнул прапорщик Капитону. — Вы наводите порядок на дороге, то есть содержите её в нормальном состоянии и организовываете так называемую таможду.

— ?????

— Это такой пункт, где за проезд с определённым товаром купцу необходимо заплатить мзду.

— Так мы и делаем, — вставил слово Сеня Горбун. — Забираем всё, что нам приглянулось.

— Это в корне неправильно, — продолжил пояснять Круглов. — Ставка должна быть такой, чтобы купцу или путнику было выгодно и безопасно иметь дело с вами. Тогда они не будут жаловаться на вас князю, а тот в свою очередь засылать карателей. И более того, процент от ваших доходов необходимо отряжать не только в общак, но и в княжескую казну. Выплачивая своеобразные налоги князю, вы полностью легализуетесь, сможете, особо не утруждая себя, жить припеваючи.

Назовётесь таможенниками, например, те же дружинники, только животом не рискующие, и лишь в рубках денег участвующие, — и вот вы уже служилые люди. Помимо всего этого на тракте понастроите кабаков да казино разных, а в них вполне легальный ценовой грабёж ещё выгоднее вашего сегодняшнего бизнеса пойдёт, как там, откуда я родом, и что интересно, всё по закону. Вот вам мой совет.

— А с огрызками как быть? — поинтересовался Филя Пугач. — Они и сейчас нас не чтут, а далее и вовсе распоясаются.

— А с отморозками, я думаю, вам виднее как разобраться.

— Отловить их и на кол! — предложил Фавнус.

Конечно, какого ещё совета от чёрта ожидать. А что скажет Избранный? Урки все посмотрели на Круглова.

— Не я это говорил, — хитро щурясь, развёл руками Круглов. — Но тоже вариант.

Разбойники призадумались.хлопот много, больше, чем сейчас будет, зато и выгод больше сулит.

— А у меня и связи в Кремле есть! — подал голос Гриша Бледный, сразу схвативший новую схему.

И здесь коррупция, констатировал факт Алексей, ну да, видно, испокон веку она, родимая, идёт обок с человеками.

Разбойники, выяснив для себя кое-какие детали, пообещали на следующей сходке рассмотреть совет Избранного, а пока посадили отряд наших разведчиков на телеги и под усиленной охраной с почестями отправили по Рублёвке к пограничью. Взявшийся их проводить Гриша Бледный с замами Космачом, Филином и Бзыком всю дорогу инструктировался у

Круглова не только по вопросам обустройства таможни и непонятного “казино”, но и легализации незаконно нажитого имущества. В целом совместная дорога прошла без грубых нарушений и происшествий и закончилась аккуратно на перепутье семи дорог. Несмотря на уговоры попугая остаться со “Шплинтом”, Круглов, взяв с Гриши слово не обижать птицу и следить за её морально-психологическим состоянием, вернул тому Эрла. Ему вполне хватало общества близнецов и этого сатира.

— Ну и куда нам теперь? — стоя на перепутье, почесал затылок Алексей. — Здесь ни указателей, ни камней.

— А они все ведут к реке, — пояснил Гриша Бледный, пока его люди разворачивали телеги. — Только все по-своему.

— В смысле, по-своему? — нахмурился Круглов, ироничный тон бандитского главаря настораживал.

— Чтобы к реке пройти, на каждой из них надо сыграть с кем-нибудь, — поигрывая ножичком, вводил прапорщика в курс дела Гриша. — На одной, говорят, Людоед в три карты играть заставляет, не угадаешь — идёшь на суп. На другой упыри в шарики-малики, проиграешь — крышка. На третьей Пельф лесной, то ещё чудо-юдо, мелодии напевает, да говорят, паршиво так, фиг угадаешь, на четвёртой Инкуб-злыдень вообще в буквы дурит, на пятой гномы в жмурки загоняют, пока жмуриком не обернёшься. Короче, тяжело вам будет.

— А шестая и седьмая чего? — спросил сатир, побледневший от Гришиных страшилок. — Никак пустые?

— Да нет, там своих страхов хватает, ведьмы кажись, — потянулся Бледный и запрыгнул на телегу. — Тоже играть надо. Как ты говорил, Избранный, вот тебе и “рулетка”. Делаю ставку.

— А конкретно, на какой дороге кто — не подскажешь? — спохватился прапорщик. — Гномы, например.

— Нет, не знаю, — Гриша уселся поудобнее. — Не наша земля, их, — махнул он в сторону дорог. — Но путники их частенько дурят, а то бы до нас не доезжали, главное знать надо.

— Что, что знать? — засуетился сатир.

— ГЛАВ-НО-Е! — по слогам повторил Гриша. — Не тревожьтесь, Перун не выдаст, Юр не съест, — подбодрил он в основном чёрта-сатира, на которого жалко было смотреть. Братья Лычко, не обладавшие большим воображением, переминались с ноги на ногу, готовые пройти по любой из дорог по приказу Командира.

— Трогай! — крикнул Бледный своим, и обоз заскрипел в обратный путь. Разведчики остались на перепутье одни.

— Незадача, — проворчал Алексей, если Рублёвку бандитскую одолели без боя, то во второй раз так подфартить не могло. — Ваши предложения?

Близнецы-рукопашники сразу сказали, что готовы идти по любой, на выбор Командира, дороге. Сатир, зачем-то закутавшийся в броневую шкуру, многозначительно промолчал, а может, впал в ступор.

— Хорошо! — заключил военный совет Круглов. — Тогда пусть он думает.

Круглов взял у Архипа волшебный клубок, поднёс к лицу и, пародируя датского принца, произнёс:

— Идти или не идти — вот в чём вопрос. А ты, клубочек, дай нам ответ, какой дороги безопасней нет.

Алексей бросил клубок к ногам. Тот завертелся юлой и покатился, не разматываясь в этот раз, по кругу. Покружил, покружил и, как бы извиняясь за свою беспомощность, жалостливо остановился у ног Круглова.

— Либо все дороги одинаково безопасны, — проанализировав ситуацию, изрёк прапорщик.

— Либо безопасной нет, — чуть не расхныкался сатир.

— Не раскисай, Фавнус, — подбодрил того Круглов. — Живы будем — не помрём. Ты вот что, — перевёл он взгляд на клубок, — давай веди нас тогда по самой короткой, что ли, дороге.

Клубок сам подпрыгнул, обрадовавшись более точному целеуказанию, и стал разматываться по центральной дороге. Друзья, сматывая растянувшийся указатель, пошли по ней.

Впереди их снова ждали неизвестность и Угрюм-река.

Красавица и чудовище

— Ах ты, урод, животное, скотина! Не смей ко мне прикасаться, чудовище, и не мычи на меня, — в тереме, стоявшем на больших утиных ногах, к которому дошли по дороге друзья, звонко визжала женщина. — Ты меня со свету сжить хочешь, четырёхглазое чудище. За что мне всё это?

— Дык! Ды-ык! — глухо пробурчало нечто, но было перебито очередной порцией визга.

— И не рычи на меня. Убери свои щупальца, свинья, ты своими когтями весь пол поцарапал. Принесли же черти...

Из визгов бедной женщины складывалась довольно жуткая картина мучившего её чудовища. Необходимо было вмешаться, что Круглов и сделал: — Эй! Оставь бабу в покое! — закричал Алексей. — Выходи сюда, чудище.

Крики прекратились. Секундное замешательство, и в окно выглянуло чудовище: лохматое, чёрное, нос крючком — оглядев пришлых богатырей, оно сымитировало женский визг: "Ой, я не накрашена, не заморожена!" — и скрылось в тереме.

Через несколько мгновений послышался шум, и из печной трубы на крыше вылетела, обхватив метлу ногами, миловидная блондинка. Сделав над теремом мёртвую петлю, она подлетела к четвёрке путников и, притормозив метлу, зависла напротив.

— Куда путь держите, добры молодцы? — ласково поинтересовалась белокурая красавица в чёрном облегающем платье. На вид ей было лет шестнадцать, прикинул Круглов, а значит помогавшееся её чудовище плюс ко всему ужасу навешивало на себя ещё и статью за соращение несовершеннолетних.

— Это неважно, — заважничал Круглов, — ты, девочка, как я понимаю, ведьма.

— Скажем так — кудесница, — зардевшись то ли от "девочка", то ли от "ведьма", жеманно сложила губки красотка. — А всё же куда вы идёте, богатыри?

— Не суть, — деловито ответил прапорщик. — Что там за чудовище над тобой издевалось?

— Глаза б мои его не видели, — закатив глаза, печально промолвила девушка. — Этот кровопийца мне житья не даёт. Изводит монстр.

— Командир! — вышел вперёд Антип. — Позволь нам с братом чудовище отметить.

Ослеплённые красотой девчушки, братья искренне возжелали разобраться с чем бы там ни было и заодно произвести на неё впечатление. Круглов и сам был не против померяться силой с неизвестным супостатом, но, так и быть, готов был уступить место монахам.

— Валяй! — широким жестом разрешил им проведение операции по зачистке чудовища Лёха.

— Стойте! — завизжала как тогда в тереме девчушка, подурнев лицом, сразу испортив впечатление о себе. — Вы куда это лезете, убивцы! Не дам!

Братья, да и Круглов с сатиром, в недоумении уставились на девку.

— Мой он! Не троны! Урод, а мой! — черты её лица так исказились от воплей, что она стала похожа на безобразную старуху, казалось, даже нос крючком провис.

— Тише! — замахал на неё руками прапорщик. — Тише! Всё, угомонись.

Обезображенная красотка взяла себя в руки, морщины на её лице расправились, и вновь глазам компании предстала юная блондинка, нервно покусывающая закрученный локон.

— Так Оно что, твой муж? — зная примерно как в гневе бабы о своих мужиках отзываются, предположил Круглов

— Да так, сожитель, — томно осматривая Круглова, проворковала “кудесница”.

— Это его мы в окно видели? — спросил сатир. — Страхолюдина, как ты с ним живёшь?

Блондинка зло зыркнула на Фавнуса:

— На себя посмотри, козёл.

Фавнус оскорбился, но препираться с бабой не захотел, промолчал.

Круглов, осознав, что девке ничего не угрожает, а значит мордобоя не будет, усмехнулся:

— Коли так, живите дружно, а нам дальше идти пора.

Ведьма ни с того ни с сего гадко захохотала.

— Кто же вас пропустит! — завизжала, веселясь, чертовка. — Ишь ты какие. Ха-ха-ха! Быстрые!

Лёха устало вздохнул, что ещё ей надо? Та, словно прочитав его мысли, заверещала:

— А три загадки отгадывать кто будет, я, что ли? — она закружила над разведчиками, обнося их стеной ветра. — А не отгадаете, души ваши станут наши!

Вот уже путники стоят в центре чёрного смерча, а ведьма всё кружит и кружит.

Алексей и братья Лычко встали спиной друг к другу и взялись за руки, сатир оказался в середине богатырского треугольника. Холодный ветер развеивал чёрные рясы монахов, надувал пузырьём камуфлированную куртку и, казалось, ещё немного — выдует из них души.

— Хорошо! Хорошо! — закричал Алексей, перекрывая свист ветра. — Я согласен!

Даже если бы он крикнул “Плохо! Плохо! Я не согласен!”, ничего бы не изменилось. Отвечать всё равно бы пришлось ему.

— Итак, — злорадно потёрла руки ведьма. — Первая загадка! “Аки-паки, где зимуют раки?” — заведомо знала коварная — никто не скажет ответа, включая её саму.

— Ясно где — на горе, — прокричал Алексей, продумывая варианты ответа.

— Не-а, они там свистят, — обрадовалась блондинка, вплотную подлетев к прапорщику. — Ты скажи где зимуют.

— Я показать могу, — помахал чем-то спрятанным в кулаке Круглов.

— Давай! — любопытная ведьма вытянула шею.

— На! — вообще-то Алексей никогда до этого не бил женщин, но в виду форс-мажорных обстоятельств поступился своими принципами. Заехав ведьме в челюсть, он сбил её с метлы, отправив в глубокий нокаут. Смерч рассеялся, как и не было его, а метла без седока взвилась ракетой вверх и, сориентировавшись по сторонам света, двинула на юг.

— Да, блондинки действительно дуры! — произнёс Лёха, потирая кулак, и оказался неправ. Распластавшаяся на земле красавица в задравшемся платье, на которую, слюнявая слюни, глазели сатир с монахами, вдруг съёжилась, скукожилась, представ во всей своей истинной “красе”. На земле лежала седая, грязная, уродливая старуха с большим, как у верблюда, горбом и длинным кривым носом. Братьев от увиденного передёрнуло, а сатира так и вовсе стошнило. Круглов же наоборот обрадовался:

— Совсем другое дело! — воскликнул он. — А то уж я думал: такая симпатяжка — и такая стерва.

Алексей приказал связать ведьму волшебной верёвкой, чтобы, не дай бог, потом опять не мучиться, и заткнуть ей рот на всякий случай от возможных заклинаний и проклятий.

— Представляю, какой у неё сожитель, — затыкая ей рот тряпкой, проямлил Фавнус. — Может, пойдём потихоньку дальше?

Но потихоньку не получилось. В доме раздался страшный грохот, и нечто, икая, заорало диким, но человеческим голосом:

— Аглая! Чего так тихо, не слышно твоего лая?

— Сейчас искать полезет, — прошептал Фавнус, собираясь дать стрекача.

— Тс-с-с, — приложил палец к губам Круглов, — мы сами атакуем.

Сатир добровольно, точнее, даже по своей инициативе, остался смотреть за шухером, а братья с прапорщиком аккуратно подобрались к терему и обошли его в поисках двери, но таковой не нашлось. Тогда Алексей поставил монахов около окна, взял нож в зубы, залез им на плечи и осторожно заглянул внутрь. Увиденное шокировало его. В горнице, развалившись на разбросанной утвари, орал пьяный в хлам, с виду вполне приличный мужик. Засаленный, некогда белый халат, из-под которого выглядывала не менее грязная сорочка и подстриженная клином борода, делали его похожим на спившегося ветеринара, но золотистое пенсне придавало ему налёт учёности, отдавая профессурой. Пьяный “ветеринар”, пытаясь найти опору, елозил по полу босыми ногами и звал Аглаю.

— Отбой тревоги! — крикнул вниз Алексей и запрыгнул в окно. Мужик посмотрел на расплывчатую тень, появившуюся в окне, и обрадованно произнёс:

— Ну-с, успокоилась, милочка? Иди к папочке.

Алексей осмотрел горницу в поисках чего-нибудь освежающего и, увидев на полке бутылки с водой, взял первую попавшуюся и вылил содержимое на алкаша. Мужик закашлялся и... (жидкость, как и следовало ожидать, оказалась волшебной) протрезвел. Только уши выросли сильно.

— Вы что себе позволяете, молодой человек! — вскричал он и в негодовании затряс обновлёнными лопухами. — Я не позволю...

— Заткнись, — Круглов категорически оградил себя от ненужного выяснения отношений с “ботаником”. — Здесь вопросы задаю я.

— Понял, — согласился с ним оппонент, поправив пенсне. — Я вас внимательно слушаю.

— Ты как сюда попал, Склифосовский? — сразу понял прапорщик, что здесь дело нечисто. — Выкладывай.

— Разрешите представиться — Фердинанд Кранкэнштейн, — оправил тот на себе халат. — Являлся членом академии наук, доктор некрологии, заслуженный патологоанатом...

— Тпру-у-у, — остановил его Алексей. Тем временем, помогая друг другу, в избу уже забирались братья и сатир. — Давай сначала и поподробнее.

И Фердинанд поведал свою историю. В своём мире он был одним из ведущих специалистов в некрологии, перейдя в науку из патологоанатомов, он работал над вопросами оживления мёртвых, сохранения в их тканях информационной памяти, проводил опыты по пересадке мозга, кодированию условных рефлексов, навыков и умений, а также экспериментировал с некропрограммированием. Но новое руководство не поняло его новаторских идей, посчитав его опыты даже вредными, и закрыло проект. Тогда он, гонимый отовсюду, проник в паравременную лабораторию и, угнав опытный образец парасинхрофазохрона, проще говоря, хроношлюза, переместил свою лабораторию в первую попавшуюся времефазу, чтобы закончить опыты и доказать напыщенным дуракам из Главка гениальность своих идей. Но что-то пошло не так, и его зомберы, которые уже обладали искусственным интеллектом, вкупе с сохранившейся в них инфопамятью, просто-напросто решили самостоятельно закончить опыты над собой и себе подобными. Они его выгнали. Чего от этой зомбер-команды теперь ожидать, он даже не представляет. Наибольшую опасность представляет то, что в руках некрокиборгов остался парасинхрофазохрон.

— Ты действительно чудовище, — высказался Круглов, выслушав рассказ Фердинанда.

— А как ты к этой “красавице” попал? — поинтересовался сатир.

— Аглая, в общем, ведьма нормальная, когда не злится, — ответил учёный. — Я с ней на Останкиной горе познакомился. Они на ней большой ведьмовской восьмёркой на ежегодный шабаш собирались. Адрес на всякий случай взял. Там-то она такой красоткой-милашкой была. А как изгнали меня мои детища, к ней подался и... запил. Я подозреваю — приворотила стерва. Одно слово — ведьма.

— Слушай, Федя, а ты там принцессу спящую не оживлял? — вспомнил сатир зачем он здесь. — Может, мне и идти не надо?

— Принцесс при мне не было, — уверенно сказал некролог. — Видно, после принесли на опыты.

— И как бороться с этими Гробокопами? — спросил Круглов. — Ты должен знать, не ровен час, попрут они на машине времени по мирам, всем весело будет.

— Они практически неуязвимы, — похвастал Фердинанд. — Но так как до идеала они ещё далеки, то чисто теоретически их можно разрушить.

— Почему “чисто теоретически”?

— Для того чтобы разом покончить с ними, надо иметь излучатель электромагнитных волн. Могу в двух словах пояснить.

— Ну-ка!

— Видите ли, молодой человек, — начал лекцию некролог. — При взаимодействии с мёртвыми организмами возникают явления отражения, проведения и поглощения электромагнитной энергии тканями. Считается, что 75 % падающей на мёртвое тело энергии поглощается, остальная часть отражается поверхностью некронов кожи. Эффект действия электромагнитного поля зависит от интенсивности излучения, длины волны, времени облучения, величины облучаемой поверхности, анатомического строения органа или ткани, глубины проникновения и величины поглощённой энергии. С увеличением частоты колебаний величина отражения тканями электромагнитной энергии уменьшается, а поглощение соответственно увеличивается. Глубина проникновения электромагнитной энергии зависит от длины волны и проводимости тканей. Абсолютное большинство мёртвых тканей можно рассматривать как плохие диэлектрики, обладающие ионной проводимостью. Поглощаемая часть электромагнитной энергии вызовет колебание грипольных молекулаторов, электромагнитная энергия перейдёт в тепловую, мёртвые ткани нагреются, что вызовет их разложение изнутри, несмотря на то что они пропитаны жидким сплавом. Инфопамять рефлексонавыков будет разрушена. Интенсивность нагрева, естественно, будет зависеть от мощности излучения и скорости оттока тепла от облучаемых участков мёртвого тела. Нагреванию способствует также затруднение теплоотдачи с облучаемых тканей на окружающие участки тела. Легко подвержены тепловому действию паренхиматозные органы: печень, поджелудочная железа, а также полые органы: желудок, мочевого пузырь, жёлчный пузырь. Нагревание их в первую очередь может провоцировать внутренний взрыв и полное разрушение зомбера. Но сразу замечу: на органы живого человека такая электромагнитная бомба будет действовать почти так же разрушающе. Вот так. А здесь, сам понимаешь, излучатель взять негде. Даже у меня в лаборатории нет ничего подобного.

— А волшебством?

— Бесполезно. Они же не вампиры или оборотни, их даже заклятия не берут. Проверено.

Круглов лихорадочно соображал, переваривая новую информацию. По словам Кранкэнштейна, единственным вариантом остаётся электромагнитная бомба. Где бы её раздобыть — вот в чём вопрос. Излучатель, излучатель, так, секундочку. Это, возможно, ерунда, но чем чёрт не шутит?

— У меня, кажись, есть излучатель, — обратился Круглов к учёному. — Не знаю, пойдёт, нет, но во мне есть радиодатчик.

— Так-так-так, — заинтересовался Фердинанд, потрясая ушками. — Это интересно, и где он у вас, голубчик?

— Не знаю, под наркозом вводили, в целях безопасности, чтобы не выковырял на экзамене.

— Ну, это не беда, если вы позволите, пройдем в пыточную, — указал на чердак избы некролог.

— Ты что, сбрендил, — возмутился Круглов, — я тебя сам попытаю.

— Извините, я неправильно выразился, — склонил голову Фердинанд. — Аглая мой рабочий кабинет так в шутку называет. Ну-с, прошу.

Кранкэнштейн первым забрался наверх, за ним полезли Круглов с братьями, сатир вновь остался на страже.

На чердаке было светло и прибрано, посередине стоял большой, похожий на хирургический, двухтумбовый стол-верстак, на полке и стенах

разложены и развешаны разные инструменты, как показалось прапорщику, в том числе и для пыток тоже.

— Разоблачайтесь и ложитесь, — указал на стол учёный. — Сейчас мы вами займёмся.

Показав братьям глазами следить за некрологом в оба, Алексей снял с себя всё и, оставшись в трусах, взгромоздился на стол. Братья, готовые по первой команде свернуть шею Фердинанду, внимательно следили за его действиями. Кранкэнштейн сжал несколько раз кулаки, разгоняя кровь, и, растопырив пальцы, стал водить ими над телом.

— Ясненько! — воскликнул он, похлопав слегка в ладоши. — Перевернитесь, пожалуйста, на живот.

Круглов с неохотой выполнил просьбу. Так он терял контроль над обстановкой, а от полусумасшедшего некрофила всего можно было ожидать.

— Прекрасно! — обрадовался Фердинанд, остановив руки над левой пяткой Алексея. — Иностраный предмет здесь. Я хоть и не колдун, но тоже кое-что “не могём, а можем”.

— Ахиллеса пята! — многозначительно подметил сатир, присоединившись к этому времени к остальным.

— Ну, Гарри Поттер, и как нам его достать? — спросил Круглов.

— Не забывайте, молодой человек, — гордо произнёс учёный. — Я по первой профессии патологоанатом, и таких, как вы, я не один десяток вскрыл.

— Типун тебе на язык! — огорчился Круглов и добавил: — Главное, чтобы излучатель подошёл.

— Ну-с, вскрытие покажет, — съязвил Фердинанд.

— Да заткнись уже, — оборвал прапорщик. — Режь молча, коновал.

— Анестезия? — Кранкэнштейн налил в кружку серую жидкость и показал Круглову.

— Обойдусь, — буркнул Лёха, воротя нос. — Ещё уши, как у тебя, опухнут.

Тут только учёный заметил новшество у себя на голове. Поковырявшись в новых ушах, он отошёл к полке, где стояло несколько пузырьков, и просмотрел ярлычки. Выбрав нужный, сделал несколько глотков. От выпитого его тряхнуло несколько раз и отпустило, а уши вернулись в исходное состояние.

— Так привычней! — пояснил он Алексею и взял с полки маленький нож, похожий на скальпель. — А это? — он кивнул на кружку с жидкостью. — Наружное, местная анестезия. Будет почти не больно.

Успокоив таким образом пациента, Фердинанд приказал братьям держать Круглова на всякий случай покрепче, чтобы, чего доброго, тот не дёрнулся. Получив согласие Командира, близнецы выполнили поручение, попросту придавив его к столу, а Кранкэнштейн начал операцию. Перво-наперво, он полил ногу Алексея зельем-замораживателем. Затем, сделав надрез на пятке в предполагаемом месте нахождения “маячка”, поинтересовался самочувствием и, услышав сквозь зубы “терпимо”, залез в рану пинцетом. Через некоторое время он извлёк иностранное тело из Круглова, которое при внимательном рассмотрении оказалось крохотным, со спичечную головку, ребристым кубиком, и положил его на поднос. Завершив изъятие, Фердинанд взял с полки другой пузырёк и со словами “держите крепче” капнул из него на место разреза. Круглов заорал благим матом, дёрнувшись под двумя навалившимися братьями, и обмяк, потеряв сознание.

— Никак угробил Командира? — спохватился Архип, а Антип схватил некролога за грудки для расправы на месте преступления.

— Нет же, — испуганно запричитал патологоанатом. — Жив ваш Командир, просто от болевого шока сознание потерял. Вы ему на ногу посмотрите.

Не отпуская Фердинанда, Антип подошёл к столу и осмотрел прооперированную ногу. Свежий рубец на месте разреза затягивался на глазах. Облегчённо вздохнув, он выпустил учёного и перевернул Лёху на спину. Вскоре Круглов очнулся и, морщась от перенесённой боли, сел, свесив ноги со стола.

— Эй, фашист! — позвал он Кранкэнштейна. — Что это было?

— Зелье! — неопределённо ответил тот и поспешил обрадовать Круглова: — Операция завершена успешно. Можете одеваться, а я пока изучу ваш радиоизлучатель.

Пока Алексей дивился зажившей ране и облачался в камуфляж, некролог выдвинул из-под стола ящик и достал прибор с множеством трубок, винтов и рычажков, отдалённо напоминавший микроскоп, и, сдув с него пыль, поставил на стол.

— А это что? — Алексей обратил внимание на прибор.

— Пикоскоп, — ответил некролог, положив пинцетом внутрь небольшого углубления “маячок” и заглянул сначала в одну трубку, затем, подкручивая винты, в другую, третью, после чего, удовлетворённо хмыкнув, развернулся к Круглову. — Всё понятно. Приборчик так себе, позапрошлый век, но как излучатель сгодится.

— Что значит “позапрошлый век”? — возмутился Алексей. — Это самый мощный передатчик шестого поколения с применением нанотехнологий.

— Даже так! — озадачился некролог. — И правда, тогда это получается даже не позапрошлый, а вообще период раннего ресенонсенса. Придёт-ся немного поколдовать над этой ретродиковинкой.

— Слушай, а ты сам, какого времени будешь? — поинтересовался Алексей.

— Сорок первого юлибрия пять тысяч четыреста семьдесят восьмого года рождения, — ответил Фердинанд. — От третьего шествия.

Как и тридцать седьмой год от последнего затмения, дата рождения некролога Круглову тоже ни о чём не говорила, но он всё же попытался уточнить:

— Может, от Рождества или хотя бы от Пришествия?

— Нет, от третьего шествия комет, которые раз в эру выстраиваются в одну линию. — Фердинанд поправил очки. — Эталонные геглохронеры от шествия до шествия показывают идеально точное время, но непосредственно в миг равнения всех хвостов происходит скачок, и их экродатчики обнуляются. Начинается новый виток временной спирали. Так что я из третьего витка.

Лучше бы Круглов и не уточнял ничего. От пояснений некролога он умственно утомился больше, чем на экзамене по китайскому, а с языками у него всегда были проблемы.

— Судя по вашему выражению лица, — продолжил добивать его патологоанатом, — вы, наверно, и не в курсе, что мы с вами, и монахи, и ваше говорящее э-э копытное, и Аглая, по сути все являемся современниками. Просто

мы с вами оказались в этом месте из других параллельных миров, а это уже научно доказано, и пример тому, конечно, парасинхрофазохрон, что параллельные миры пересекаются. Так что здесь нет ничего удивительного. — Фердинанд взглянул на Алексея и решил закончить лекцию. — Если вы позволите, я займусь вашим радиодатчиком. Попытаюсь сделать радиобомбу.

Круглов отправил братьев и сатира вниз, а сам остался с Кранкэнштейном.

— А как ты её сделаешь? — поинтересовался он у некролога.

— Если амплитудно-частотная модуляция пачек импульсов вашего маячка совпадёт с моими расчётами, то проще простого, — с видимым интересом стал поучать прапорщика некрогений. — Подобные радиотехнические устройства, только современные, представляют собой пиктосхему с миллиардами радиоплат, сопротивлений, конденсаторов, реле, электромоторов, ну и так далее. Однако в данном случае остаётся неизменным общий принцип, который можно представить в виде блок-схемы, состоящей из блока передатчика, блока хроноцуризации, антенны, высоковольтных выпрямителей, блока индикатора и источника питания. Вырабатываемый источником питания вашего маячка перепостоянный ток в блоке передатчика преобразуется в сверхсверхвысокочастотную электромагнитную энергию, с частотой в несколько тысяч гигагерц, которая в антенну и излучается. Такие излучатели, как правило, работают в импульсном режиме, который характеризуется излучением энергии в течение очень коротких промежутков времени несколько наносекунд. Что и позволит создать невероятную мощность в импульсе и вести излучение квазисферической антенной. Электромагнитное поле возникает в результате электромагнитных колебаний определённой частоты и длины волны. Спектр электромагнитных колебаний имеет диапазон по частоте до миллиардов герц. Электромагнитные волны ведь что объединяет? Общая физическая природа и способ генерирования. Однако они существенно различаются по заключённой в них энергии, характеру распространения, поглощения, отражения, а вследствие этого — и по действию на среду, в том числе на мёртвые организмы. Чем короче длина волны и больше частота колебаний, тем больше энергии несёт в себе энсеквант. Радиоволны генерируются в электрических схемах, содержащих гиперколебательные контуры. Если через такой контур проходит ток, то происходит периодическое возникновение полей: электрического и магнитного. Эти поля связаны друг с другом: электрическое поле переходит в магнитное, магнитное — в электрическое. Пространство, в котором эти поля существуют квинтрально, называется зоной индоспекции. Её величина зависит от полудлины волны. На границе зоны индоспекции и формируется разрушающее электромагнитное катализационное поле, взрывающее всё неживое, да и живое изнутри. Вот так. Мне останется усилить сигналы полей, наложить их друг на друга в промежуточной зоне, лишь немного доработав маячок, и бомба будет готова.

Честно сказать, Круглов мало что понял из объяснений учёного, но идея ему понравилась. Если такая радиобомба получится, то ему останется лишь доставить её в пункт назначения и активизировать.

— Сколько по времени займёт создание адской машинки? — поинтересовался Алексей у Фердинанда.

— Здесь по большому счёту работы немного, — некролог ещё раз осмотрел “маячок”, — кое-какие инструменты и запчасти у меня найдутся. Я думаю, за день-два справлюсь.

— А нам что, твою бабу здесь теперь два дня сторожить, что ли? — выразил своё недовольство Круглов. — Развяжется и начнёт опять буяннить.

Патологоанатом немного подумал и высказал своё предложение:

— То, что она злопамятная стерва, не понаслышке знаю. За то, что одолели её, отомстит, как пить дать — отомстит..

— Тогда проще убить ведьму? — перебил Алексей. — На костре например.

— Нет, не получится, она же из большой восьмёрки, у них иммунитет, несгораемые они, как птица Феникс, Аглая только пуще обозлится, — уверенно ответил Фердинанд, словно сам проверял. — Да и привык я к ней, с ней век и дожить хочу.

— Страшная же, да к тому же старуха, как можно? — не поверил своим ушам прапорщик, думал, что освободил некролога от доли незавидной, а тут такие страсти.

— Это она когда из себя выходит — ужасная такая, да в полнолуние, спит когда, а когда всё в норме — она “длинноногая опытная блондинка с роскошной грудью”, мечта любого мужика, — Фердинанд закатил глаза. — И вы думаете, я всё это променяю? Нет уж.

— Тогда что делать? — поинтересовался Круглов.

— Договор заключить.

— Типа она нас не тронет, а мы в обмен ей души свои.

— Нет. Тут другое. У нас сосед есть, тот ещё упырь. Он по ночам приходит к нам под окна и буянит. Аглаю домогается. Никакого сладу с ним нет. Так вот ежели вы с ним справитесь, я думаю, Аглая успокоится.

— А сама, что же, ведьма не в силах буяна отшить?

— Бойтся она его, он её подругу соблазнил, а во время этого самого не удержался и укусил ту за шею, вампир хренов, — Фердинанд помахал кулаком в сторону леса. — Так, оказывается, укушенная ведьма всю силу теряет, только жажда крови остаётся. Бродит теперь как неприкаянная, от солнца прячется. А злодею этому любые проклятья хоть бы хны, на него своё сильное наложено. Вот и трясёмся иной раз по ночам, когда этот охальник приходит. Хорошо хоть терем заколдованный, а то давно бы нам обоим тут места мало было.

— Короче, обстановка ясна. — Круглов в раздумье потёр подбородок. — Если мы валим этого “Казанову”, твоя баба на нас зла не держит.

— Слово патологоанатома! — учёный приложил руку к сердцу. — Она ещё вам спасибо скажет. Да и люду простому службу сослужите, — заискивающе улыбнулся Фердинанд.

Против такого довода Круглов устоять не мог, он тоже был немного альтруистом. Они спустились в горницу и “обрадовали” спутников Круглова, что те тоже идут охотиться на вампира, на что сатир выставил ноту протеста, то есть грустно взвизгнул. Затем были проведены переговоры со связанной волшебным образом Аглаей, на которых были достигнуты соглашения по недопущению с чьей-либо стороны агрессии по отношению друг к другу. После этого слегка контуженная ведьма была развязана и отправлена готовить ужин. Отужинав, сообщники распределились следующим образом. Ведьма была отправлена за пополнением запасов чеснока, её бойфренд засел у себя в “пыточной” за сооружение радиобомбы, а Круглов с остальными сели планировать операцию. В докладе, который они услышали из уст ведьмы, стало известно, что логово упыря находится недалеко от их терема, в пещере, каменные ворота в которую в дневное время сомкнуты. Ворота эти отпираются в

полночь, дабы выпустить на волю для чёрных и грязных дел кроважадного и любвеобильного Мичуру. Поэтому вариант с проникновением в логово в дневное время и уничтожением спящего противника, предложенный, естественно, Фавнусом, был отклонён пока как непроверенный, и принято предварительное решение сделать у ворот засаду, дабы ошеломить ничего не подозревающего врага и, соответственно, быстро и без шума ликвидировать данного субъекта. После принятия решения компания прикинула возможные методы защиты и нападения. Их оказалось не так уж много. Три нательных крестика, броневая шкура и чеснок — оборонительное вооружение, и осиновые колья — оружие возмездия. Ввиду отсутствия святой воды (где же её взять в доме у ведьмы), вернувшаяся с чесноком Аглая предложила им зажигательное зелье (не спиртное, но тоже очень горячая жидкость, вроде “коктейля Молотова”). Ночью, в лесу, при разборках с вампиром это лучше чем ничего, справедливо предположил Круглов и взял всю бутыль. Братья были отправлены за осиновыми кольями и вскоре вернулись, неся длинные жерди, обструганные и острозаточенные, всем четверым по одному. Свои можжевеловые посохи монахи оставили на сохранение в ведьмовском чулане. Фавнус запротестовал было против насилия над вампиром, решив остаться в тереме, но, увидев, как облизнулась, глядя на него Аглая, понял это по-своему и, вздохнув, принял пику из рук воинственного Архипа. Круглов вынул крестик из-за пазухи поверх тельника и повесил дольку чеснока на верёвке на шею. Братья Лычко проделали то же самое, только вместо дольки навесили на себя уже ожерелья из чеснока и в котомки его на всякий случай припрятали. Бледный сатир собирался на операцию дольше всех. Он не просто тянул время. Сначала он обернулся броневой шкурой. Затем опоясался чесночными головками, нанизанными на верёвку, отчего стал похож на революционного матроса в пулемётных лентах, и уже после этого, несмотря на то что он был по своим взглядам политическим (многобожцем. — Прим. авт.), привязал к своей осиновой пике поперечину, сделав своеобразный крест, и встал в строй.

Проверив экипировку молодцев, Алексей иронично крикнул и “протрубил поход”.

Провожала, махая им платочком, только необыкновенной красоты блондинка. Федю решили не отвлекать.

Операция “Ж”, или Последний козырь

— Это полная “Ж”! — изрёк Алексей, прибыв на место будущего происшествия.

Импровизированный крестный ход во главе с сатиром, с самодельным крестом над головой, стоял у подножия каменной скалы. Берлога кровососущего “Дон-Жуана” располагалась в сильнопересечённой, испещрённой оврагами местности с вывороченными из земли деревьями, поэтому найти её не составило особого труда. Не пришлось даже прибегать к помощи волшебного многофункционального клубка-указателя. Кто разметал здесь кустарники, камни и деревья, задумываться не хотелось. Круглов, проведя рекогносцировку предстоящего места операции, обошёл вокруг скалы и выявил вход в пещеру, мастерски замаскированный под каменную скальную глыбу. Ни на “сим-сим”, ни на “сезам” ворота не среагировали. Других заклинаний Алексей, и тем более его спутники, не знали. Таким образом, как и предполагали, захват врасплох дрыхнувшего Мичуры не получился. Группа карателей стала готовиться к бою. Близнецы,

всю дорогу мужественно хрустевшие чесноком, ещё раз проверили остроту осиновых кольев и принялись выполнять поручения командира. Перво-на-перво ими было подобрано одно из уцелевших, на вид наиболее прочное, дерево вблизи входа в логово, которое стало важным звеном в цепи растяжек, сдержек и противовесов, направленных на деморализацию и локализацию действий противника. Попросту говоря, древесный ствол стал своего рода пружиной, которая должна была затянуть на горле ненасытного упыря петлю волшебного клубка, также привязанного к обломку камня на вершине скалы, готового в нужный момент упасть на голову супостата. Таким образом, решалось несколько задач: а) как уже говорилось, ошеломление, а может даже нокаут противника (если камень попадёт куда надо); б) попавший в силки вражина не сможет сбежать от органов правосудия в лице команды Круглова, и тем самым укрыться от возмездия; и ж) (сейчас объясню, почему третий пункт под литерой “ж”) запутавшийся в растяжках вампир, если вдруг всё пойдёт не так как надо, не сможет своевременно начать преследование тех самых “органов”, то есть при полной “ж” у наших карателей будет время смыться с места происшествия.

После подготовки многоуровневого капкана Алексей расставил номера расчёта засады по местам. Братья Лычко, благоухающие чесночным духом, притаились по бокам от входа в пещеру, сатир как “наиболее подготовленный боец”, был отправлен от греха подальше на вершину скалы с зажигательным зельем. В его обязанности входило по команде “Огоны!” метнуть бутылку вниз и ... всё. Это был его полезный максимум. Сам Алексей спрятался за поваленным деревом прямо напротив каменного входа. Себе он отвёл скромную роль главного героя этой, как он мысленно назвал, операции “Ж”, почему мысленно, да чтоб никто не обгадался или не догадился.

Окончание приготовлений совпало с заходом светила за кромку леса. Ярила спешил на покой, не желая оставаться свидетелем тех разборок, которые должны были здесь вскоре произойти. С наступлением темноты лес затих и насторожился, от затаившихся пришельцев пахло не только чесноком, но и неприятностями, хотя и пока непонятными для кого. Именно это и настораживало. Засадники сидели тихо, лишь на скале изредка раздавалось демаскирующее чиханье. Сатир до сегодняшнего дня не знал, что у него аллергия на чеснок, в принципе он и сейчас не осознавал, от чего ему нехорошо, но легче от этого ему не становилось.

Наконец, когда ожидание уже грозило перерасти в чуткий тревожный сон, из леса донеслось мрачное уханье. Одно, два, семь, одиннадцать, двенадцать — филин “пробил” полночь, и раздались грохот открываемых каменных ворот и рёв зевающего чудовища.

“Это начало”, — подумали, напрягаясь, Круглов с близнецами.

“Это конец”, — подумал сатир, почувствовав внезапную слабость, в очередной раз чихнул и совершенно случайно выронил бутылку.

С этого момента сказать, мол, что-то пошло не так, будет не совсем правильно, точнее будет сказать, что всё пошло никак: ни как предполагал прапорщик, ни как ожидали остальные участники операции. А как же всё-таки пошло это “никак”?

Бутылка со смесью, ударившись о выступ скалы, вопреки самым мрачным ожиданиям сатира не разбилась, а покатилась, подпрыгивая, к кромке выступа и сорвалась вниз. Фавнус, метнувшийся за снарядами, не рассчитал скорость, а вместе с ней и инерцию своей, какой бы то ни было, массы тела,

не удержавшись у обрыва, покатился по склону догонять зажигательное зелье. От всего того, что было, на скале остался сиротливо лежать только осиновый кол. Более прыткий сосуд, ударившись о раскрытые ворота пещеры по баллистической траектории, перелетел через голову недоумевающего вампира и разбился аккурат у его ног. Разлившаяся жидкость ярко вспыхнула и осветила округу, явив взору всё ещё недоумевающего упыря хитрые силки по его чёрную душу. Подоспевший сверху, на удивление молчаливый и не такой прыткий, как бутыл, сатир ударился со всего размаху в спину Мичуры и повалил того вместе с собой в горящую лужу разлитого зелья. От ведьмовского огня вампира бросило в жар, вскочив на ноги, злодей зарычал было от гнева, но визги сатировского ужаса, вляпавшегося броневой шкурой в смесь, перекрыли его рёв, заставив вздрогнуть от неожиданности. Братья Лычко, ослеплённые ярким светом колдовского зелья, выскочили из укрытий на помощь Фавнусу и одновременно попались в старательно растянутые ими же силки. Тут, казалось бы, и сказке конец, но сработавшие от монахов растяжки сорвали со скалы предпоследний козырь карателей — огромный валун, сорвавшись вниз, перекрыл вход в пещеру, а вместе с ним и пути отступления вампира, разозлив того ещё больше. Пылающий кровопийца, расставив руки, бросился на запутавшегося ближнего к нему Архипа, но чесночный перегар воинственно ругавшегося монаха заставил его отступить, а запах горящего чеснока, которым был обвешан сатир, так и вовсе вскружил ему голову, в самом дурном смысле этого слова. Окружённый болтающимися в силках и горящими врагами, источавшими убийственный для него чесночный аромат, горящий вампир нашёл единственно верный выход. Почти по отвесной скале он стал забираться на “крышу дома своего”, то есть на скалу. Почти добравшись до вершины, он посмотрел вниз, где продолжали бесноваться его враги, и, ухватившись за край карниза, подтянулся на руках вверх. Когда его лицо оказалось над выступом, последнее, что он увидел в отблесках пламени, была стремительно приближавшаяся ему навстречу нога в шнурованном ботинке с высоким берцем. Это был последний козырь диверсантов. Уже в полёте, теряя сознание, Мичура выплюнул изо рта несколько острых осколков и встретился с землёй.

Когда к любвеобильному Мичуре вернулись его обострённые чувства, пожар у входа в его апартаменты уже сменился на уютно трескавший поленьями костёр. Перед ним, связанным по рукам и ногам, сидели насупленные от полученной от командира взбучки монахи, держа осиновые колья около его груди. Круглов сидел около костра, отчитывая горестно вздыхавшего Фавнуса. Сатиру невероятно повезло — из всех бед, что его постигли в эту ночь: падение со скалы, прямое столкновение с вампиром и попадание в огонь — он вышел практически невредимым, если не считать нескольких ссадин и обгоревшей на копытах шерсти. Всеми виной его бронева шкура, которой он весьма предусмотрительно обернул себя. Но, несмотря на это, от суровой критики он не ушёл. За подобные трюки Круглов обещал рассмотреть Фавнуса на аттестации и исключить из разведотряда, без испытательного срока на исправление. Единственным оправдательным аргументом, которым безуспешно пытался апеллировать сатир, было: “Ну всё же нормально закончилось”. Очухавшийся Мичура прервал эмоциональный монолог прапорщика с элементами ненормативной лексики и переключил его внимание на свою персону. Алексей подошёл к вампиру и заставил его подняться. Мичура был примерно одного роста с

ним, внешне, может быть, несколько симпатичнее, если не брать в расчёт распухших от пинка губ, а физически развит не ахти, но прапорщик осознал, что сила у подобных субъектов не от тренировок на тренажёрах, поэтому совершенно не заблуждался насчёт физподготовки вампира. Он наблюдал, как этот “человек-паук” карабкался по практически неприступной стороне скалы. Хорошо что после начавшейся заварухи Алексей просчитал возможные варианты и выбрал правильный из них, своевременно сменив свою позицию. Так бы они в два счёта упустили и выгодную позицию, и упыря, и создали бы себе проблем на всю оставшуюся ночь.

— Ну что, Казанова, как самочувствие? — поинтересовался прапорщик у пленника.

Мичура хотел было грозно послать его подальше, но даже себе на удивление только профыркал что-то непонятное:

— Пофол фы ф зас! (Что должно было означать гордое — пошёл ты в з...!).

Только сейчас он почувствовал непривычную пустоту во рту и вспомнил, как что-то выплёвывал во время недавнего полёта со скалы. Да, то были его зубы, включая два огромных клыка, которые и делали из него ненасытное к любви и крови чудовище. Лишившись своих проклятых зубов, а с ними ещё доброй кучки простых, в основном резцов, верхних и нижних, он лишился львиной доли своей чёрной силы.

Вообще, по идее, выбить клыки вампиру считалось делом невозможным, да и никому подобное посягательство даже в голову не приходило, а тут с одного удара, и так результативно. Вот что значат долгие годы тренировок.

— Не понял. Это на каком ты? — переспросил Круглов, нахмурясь, похожего языка он не знал. Вместо ответа Мичура раскрыл рот, приглашая заглянуть внутрь. Обнаружив вместо зубов множество мелких осколков, торчавших из распухших дёсен, Алексей догадался, на каком языке с ним начал общаться упырь, и ухмыльнулся.

— Понятно! Обойдёмся без толмача.

С трудом разбирая фыркание и шепеляние пленника, Алексей уяснил для себя, что некогда кровожадный Мичура с этой минуты простой беззубый больной человечек, не более вредный окружающему миру, чем, к примеру, тот же сатир, а может, даже и менее. Разобравшись, что вся сила у упыря была в проклятых клыках, единственно, что он смог добавить ко всему:

— Твоё счастье, что ты не Кашей какой-нибудь Бессмертный, а то пришлось бы нам тебе кое-что другое разбивать или отрывать вовсе, а так ещё смысл жизни не совсем потерян.

На военном совете, куда сатир не был допущен, было решено оставить Мичуре жизнь. Даже кулачники-близнецы, не раз разбивавшие в кровь лица противников, глядя на опухшую морду вурдалака, понимали, что он и так уже достаточно наказан. Но прежде чем окончательно объявить свою волю, Круглов всё-таки провёл следственный эксперимент. Сначала он заставил упыря прикоснуться губами к кресту, который на время эксперимента предоставил один из братьев. Морщась, то ли по привычке, то ли от боли, Мичура исполнил приказание, поцеловав крест, и вопросительно уставился на своего победителя. Но этого Алексею показалось мало, и он в качестве своеобразного “контрольного выстрела”, заставил братьев Лычко скормить поверженному злодею оставшийся чеснок. С горем пополам, пополам со слезами Мичура выполнил и это условие. И в этот раз ему тоже не поплохело. Отсюда уже Алексей сделал вывод, что своей цели операция, под кодовым названием “Ж”,

достигла, разрешил развязать бывшего упыря-рецидивиста и отпустить на все четыре стороны. Поняв, что над ним не издевались, а проверяли таким образом, обрадованный тем, что за былые грехи ему не сидеть на осиновом колу, шепелявый фырчун Мичура, которому больше некуда было идти, пригласил Круглова с товарищами по работе в свой склеп, где вопреки ожиданиям Алексей, отодвинув при помощи братьев скатившийся валун, обнаружил вместо пыльного гроба шикарную двуспальную кровать с балдахином и в который раз удивлённо подумал, как всё-таки сказки и триллеры отличаются от реальности, пусть даже такой, в какой он оказался.

С рассветом, ещё раз проинструктировав Мичуру по правилам поведения, Алексей со своими горе-“тимуровцами” отправился к дому на утиных ножках, где их ждали с вестями.

Искушение и наказание

“А-а, свадьба, свадьба пела, пела, пела и плясала...” — примерно такими словами можно было выразить происходящее в доме на утиных ножках после возвращения отряда прапорщика Круглова. Фердинанд, к тому времени закончивший сборку радиомины, счёл возможным выпить по случаю дня независимости от вампирской агрессии, и делал он это так же “качественно” и “на совесть”, как, по его словам, он сделал устройство смерти для мёртвых. Аглая в их отсутствие тоже без дела не сидела: стол в избе ломился от яств, кушаний и питья. Сама она, осушив за здоровье прапорщика и компании пару чарок самоваренного зелья, в красном облегающем платье, под пьяные крики сожителя и одобрительные аплодисменты Алексея, эдакой знойной испанкой кружила по прибранной хате в волнующем, даже можно сказать эротическом танце, то и дело бросая на Круглова жгучие благодарные взгляды. Сам Лёха, однажды уже испробовавший похожего зелья на Лубянке, пить отказался, но братьям Лычко, смотрившим на него преданными глазами, кивком головы разрешил испробовать дурманящего напитка. Насупленный же сатир, предварительными жёсткими инструкциями заранее предупреждённый о запрете пьянства, похотливо наблюдая за бесновавшейся ведьмой, в знак протеста ел кислую капусту, пытаясь таким образом обратить на себя внимание. Через полчаса к Аглае присоединился развесёлый Фердинанд. Захмелевшие близнецы затянули свой любимый молодецкий богатырский рэп, по очереди читая речитативом былицы и совместно затягивая припевы.

— Ё-о-у, ё-о-у, послушайте моё-у, — затараторили монахи, растопырив пальцы:

*На дворе трава,
На траве дрова,
Не руби дрова,
Коль в бою братва.
Коль в бою братва,
Им помочь сперва
Щит и булава,
На челе “шишак”,
Наша рать права,
Будет сломлен враг!*

*В чистом поле у реки рубят сук мужики,
От зари и до зари рубят их богатыри.
Порубите их, братки, порубите.
Аки львы в бою рыча, вы рубите их сплеча,
Защитите отчий дом, защитите.*

*На дворе трава,
На траве дрова,
Наша рать жива?
Наша рать жива!
Но стоит едва,
Пусть летит молва,
Радости слова:
Боле нет врага!
С плеч их голова,
Свёрнуты рога!*

*За деревней у реки на пирушке мужики,
От зари и до зари пьют медок богатыри.
Отдыхают мужики, отдыхают.
Коль закончилась сеча, чарку осушат сплеча,
Веселятся мужики, не скучают.*

*На дворе трава,
Мужики в дрова.
Ты не тронь "дрова",
Пусть поспит братва...*

И далее в таком же духе.

Вдруг из тени стола в круг вышел пьяный сатир. Круглов удивлённо вскинул бровь, когда же это парнокопытное успело так нализаться, ведь приглядывал за ним, это певцы-близнецы отвлекли ненароком, ну да ладно. Фавнус же, разгорячённый зельем и красоткой-ведьмой, задал такую чечётку, что и сдержанный Алексей не выдержал и с криками "давай, давай, на-яривай" забарабанил похожую дробь по столу. Братья Лычко также повыскакивали из-за стола и пустились, подбадриваемые командиром, по избе вприсядку. Запыхавшийся Федя вернулся за стол "на дозаправку", а Фавнус, круживший вокруг ведьмы, предложил научить её новому танцу "сиртаки", но как он ни "старался", по мысленному разумению Круглова, видевшего по телевизору, как должен исполняться "сиртаки", сатир всё время "сползал" на какую-то похабную "ламбаду", пытаясь облапить сзади Аглаю, и в конце концов изгнанный ею, тоже вернулся за стол. Архип и Антип ещё некоторое время "полезгинили" вокруг ведьмы и присоединились к застольной компании. Неугомонная Аглая, крутанувшись на каблуках, в один миг переделалась таким вот волшебным образом в прозрачные штанишки и топик. Исполняя что-то среднее между танцем живота и "цыганочкой", то есть ритмично подёргивая своими средним и верхним ярусами, она откровенно пожирала томным взглядом невинно улыбавшегося прапорщика. Наконец она остановилась и, хлопнув в ладоши, в то же мгновение оказалась почти голышом, лишь подобие фигового листа и лоскут материи, вместо трусиков и бюстгальтера, слегка прикрывали её пах и большую упругую грудь. Алексей, хрустевший

огурчиком, оторопел от такого фокуса. Он посмотрел на остальных зрителей, дабы убедиться, что и они немало удивлены колдовским стриптизом, но наткнулся на полное с их стороны безразличие к происходящему. Братья Лычко, откинувшись на бревенчатую стену и держа в руках недопитые чарки, посапывали в унисон друг с другом. Здорово перебравший Фердинанд, похозяйски развалившись на столе, тривиально погрузил лицо в грибной салат из сыроежек и, причмокивая, пускал пузыри. Фавнус в свою очередь скромно в углу стола, уткнувшись мордашкой между окорочков запечённой курочки, также пребывал в объятиях Морфея. Круглов не верил ни в случайности, ни в подобный фарт и подозрительно уставился на соблазнительную ведьму. Бесстыже качая крутыми “лопесовскими” бёдрами, колдунья обошла стол и приблизилась к Алексею:

— Я хочу отблагодарить тебя по-особому, — Аглая провела по его небритому лицу ладонью, подымая не только настроение. — Пойдём в опочивальню, богатырь, — прошептала она ему на ухо и потянула за руку.

Круглов, видя какой оборот принимает пирушка в его честь, предложил ведьме перед её “благодарностью” выпить, так сказать, на брудершафт. Наполнив два кубка зельем, красotka села прапорщику на колени. Взяв со стола один кубок, она подала его Алексею, который — ах, растяпа! — неосторожно выронил его из рук. Томно облизываясь, Аглая игриво погрозила ему пальчиком, встала и, нагнувшись за кубком, выставила напоказ свою “джейлопу”, дразня своего спасителя. Засмотревшись, Круглов чуть не забыл подбросить в её кубок приготовленную таблетку из своей аптечки. Наполнив кубок вторично, Аглая и Алексей выпили на брудершафт. Круглов так торопился испить горячительное зелье, что в отличие от кудесницы “нечаянно” промахнулся и вылил содержимое своего бокала за левое плечо, и нечаянно (уже по-честному) облил прикорнувшего с краю Фавнуса. Сатир даже не шелохнулся, а Аглая, закусив икоркой, полезла целоваться к Круглову.

— Тс-с-с! — поднёс палец к её губам Алексей, ласково отстраняя их от своего лица. — Иди в спальню, готовься, я уже иду.

Горящая желанием ведьма выпорхнула в опочивальню расстилать любовное ложе. Алексей посмотрел на булькавшего Кранкэнштейна, затем на часы и, вздохнув, направился вслед за Аглаей.

Ведьма, лёжа на пуховой перине с закрытыми глазами, сладко зевнула и совсем не по-девичьи захрапела. С каждым вздохом Аглая уменьшалась в размерах, превращаясь в горбатую уродливую старуху. Как и говорил Фердинанд, в моменты, когда она не могла себя контролировать, её колдовские чары спадали, являя миру её истинную натуру.

Несмотря на аппетитный соблазн, Круглов всё-таки пересилил вожделение и сделал непростой выбор, остальное доделала маленькая таблетка снотворного из спецаптечки, с помощью которой в его мире можно было усыпить добрую половину батальона противника. При виде Аглаи “во всей красе” Алексей ещё раз уверился в правильности своего решения и, чтобы окончательно не расстроиться от её вида, заботливо укрыл ведьму чуть ли не с головой. “Никто и никогда, вы слышите, никогда, до сегодняшнего дня и после, не скажет, что прапорщик Круглов геронтофил”, — гордо подумал Алексей, возвращаясь в горницу, где почивали его спутники.

Несмотря на оклики и похлопывания по щекам спавшие красавцы продолжали дремать на своих местах. Покружив в раздумье по комнате,

Алексей, проанализировав ведьмовские танцы, остановился и, крикнув “Рота, подъём!” — хлопнул в ладоши. Попытка увенчалась успехом, и пускай не таким, как если бы заклинание было произнесено в казарме, но всё же началось какое-никакое движение. Архип и Антип потянулись, разминая затёкшие конечности, попутно расплёскивая остатки вина. Фердинанд оторвал голову от миски с салатом, ещё не совсем понимая, где он (видимо, этого и впрямь сморило от “перебора”). Фавнус же своё возвращение из объятий небезызвестного Морфея обозначил чавканьем, пожирая куриные ножки.

Оклемавшийся Кранкэнштейн по убедительной просьбе Круглова предоставил собранный им аппарат.

Излучатель, или, точнее, радиобомба, смонтированная некрологом, по форме напоминала запаянный стальной ящик величиной с буханку хлеба, с ребристой поверхностью стенок. В центре одной из стенок ящика находился тумблер, защищённый прозрачным стеклом.

— Точно работает? — искоса посмотрел на Кранкэнштейна Алексей.

— А то! Всё что надо сделать по прибытии на место, — объяснил принцип действия излучателя учёный, — разбить окошко, включить тумблер и смотреть оттуда поскорее, а то всем места мало будет.

— Тяжёлый, — приподнял ящик Круглов.

— Но и пылевлагонепроницаемый, противоударный, с несколькими степенями защиты... — Кранкэнштейн парировал один недостаток своего детища множеством достоинств. — Кстати, я реле времени в него впалял, так что у вас будет пара минут до выхода прибора на полный режим излучения.

— Ой, смотри, Федя, — перебил его Алексей, засовывая прибор в ранец сатиру, — не работает — пеняй на себя.

— Работает! — уверенно ответил учёный. — А где, кстати, Аглая, кто видел?

— Спит в опочивальне, кажись, — буркнул Лёха, он-то знал, что та от полученной дозы может проспять не один день, хотя кто его знает, военная фармацевтика на ведьмах-то не экспериментировала. — Не надо, не буди её, умаялась она тут с нами.

— Пусть спит, — согласился учёный и сразу же перешёл к делу. — Могу добавить, что некроботы в дневное время из пещеры не выходят, а ближе к закату у них сбор в центральном ангаре, где находится парасинхрофазохрон и смонтированы основные элементы лаборатории для подпитки энергосгустками второго порядка, так как у них живая биоаура отсутствует, им необходимо ...

— Нам лекции про своих зомбей читать не надо, — нетерпеливо поглядывая на закрытый занавесками вход в опочивальню, вновь перебил его Круглов. — Конкретно, по существу ещё что-то есть?

— В общем, — поспешил добавить Фердинанд “конкретное, по существу”, — вам осталось самое простое — забраться внутрь горы и включить радиобомбу, когда все некроботы будут в лаборатории.

— А ещё принцессу мимоходом спасти, — наморщив лоб, невесело добавил прапорщик. — Действительно, пустяки.

Не затягивая прощанье с “чудовищем и красавицей”, отряд покинул гостеприимный с недавних пор дом на утиных ногах и продолжил свою миссию.

Окончание в следующем номере.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (727) 253-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **Ю. В. Богданова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 03.02.2010 г.

Подписано к печати 05.03.2010 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 1171.

Номер набран и свёрстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.